

The book cover features a vertical rectangular image. It depicts a post-apocalyptic scene where nature has reclaimed a city. In the foreground on the left, the rusted, yellowed metal of a car is visible. A large, gnarled tree trunk stands on the right. In the background, tall, grey skyscrapers rise into a hazy sky, with several birds flying. The overall color palette is dominated by greens, greys, and the yellowish-brown of rust. The title 'Лина Кирилловых' is written in a large, white, serif font at the top. The publisher's name 'Идущие' is at the bottom in a white, distressed, sans-serif font, and 'Книга I' is below it in a smaller, white, serif font.

Лина Кирилловых

Идущие

Книга I

Лина Кирилловых

Идущие. Книга I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107847

ISBN 9785448569791

Аннотация

У них есть способность ходить между мирами и понимать любые языки. Над ними стоит Организация, которой они все подчиняются, и законы о невмешательстве. Наблюдать за чужими мирами и изучать их – задача и призвание Идущих. Изменять ход чужой истории – нельзя. Расколовшая Организацию война, случившаяся двадцать лет назад, не всех научила уму-разуму. Кто-то снова хочет примерить на себя роль Бога – а кто-то просто вспомнить свое потерянное прошлое и вернуться домой.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Неслучившаяся сенсация журналиста Рёмина	25
1. Маркиза Дрю	28
I	31
II	54
III	76
IV	109
V	130
VI	148
VII	161
VIII	172
IX	185
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Идущие Книга I

Лина Кирилловых

Дизайнер обложки Валентина Гредина

© Лина Кирилловых, 2017

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6979-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Там, где серость гравия, топкая грязь раскисающей в непогоду околицы, параллельные ленты рельс, чахлые, жалкие, какие-то словно бы изначально мёртвые кусты и деревья без листьев и почек, неработающий слепой семафор и низкая, запаршивевшая от времени и дождей платформа, вьётся в лес тропка, протоптанная собачниками, грибниками и местными маргиналами, которые жгут костры, жарят хлеб, пьют дешёвый портвейн и пугают дворняг и кошек своими хриплыми заунывными песнями. Через лес тропа выводит к разбитому объездному шоссе; то, в свою очередь, порождает кривые дорожные щупальца, дальше превращающиеся в улицы, что уходят к центру города. Дома, все, как один, старые и перекошенные, по мере продвижения от окраин к сердцевине обрастают этажами и неприглядностью. Окна некоторых, деревянных и уже нежилых, почти полностью лишены стёкол: фанеры, картонки, крест-накрест прибитые доски и брусья скрывают сырость и запустение. По давно некрашеным фасадам бегут трещины – кое-где они так велики, что в них можно просунуть ладонь. Из открытых дверей подъездов тянет затхлостью, щами и общественным туалетом. Голоса телевизионных коробок прерываются ссорами и пьяной руганью. Над крышами, щетинящимися копиями антенн, густо дымят трубы завода. Воздух отдаёт кислятиной.

Он живёт тут уже долгое время. Сначала, как и все местные, он здесь родился. Грузный человек ткнул его пальцем в живот и сказал: «Пацан – хорошо!». Это были первые и последние слова одобрения, на которые отец по отношению к нему сподобился, и последнее, в общем-то, пристально-отцовское внимание собственно, потому как потом, в течение долгого времени, пока тянулось детство раннее, детство среднее, детство предподростковое, он слышал только, как хлопала по утрам входная дверь квартиры, когда отец уходил на смену, и как скидывал тот с грохотом свои тяжёлые ботинки на пол вечером, когда возвращался. Отец шумно ел ужин; лезть на колени к нему было нельзя, потому что там уже сидела кошка. Кошка была хитрой и залезала ради того, чтобы выпросить кусок колбасы, а он сам был только бескорыстно любящий и наивный, как все маленькие дети с пока ещё непораненным сердцем, и хитрость и изворотливость легко обставляли его, а также кошкин невеликий вес и её простое желание: урвать немного еды. А не его – интересоваться и расспрашивать, и потому мать недовольно отпихивала: «Что ты тут крутишься, иди в свою комнату», а отец жевал и читал газету. Мать, сухую высокую женщину, он побаивался. Сначала смутно – из-за тона комендантши общежития, в котором звучали нотки почти расстрельные, и её полного неумения улыбаться, затем явно: в пять лет, после случайно разбитой вазы, мать познакомила его со старым отцовским ремнем. Он учился существовать, не вызывая ни-

чьего раздражения: не путаться под ногами, быстро и непривередливо есть, поддерживать будничные разговоры, оказываться полезным по дому настолько, чтобы к нему не было претензий из-за лени, и быть достаточно ненавязчивым, чтобы никто не понял, сколь многое он умеет, и не загрузил работой, как прислугу. В школе он откровенно скучал. Коридоры воняли разваренной кислой капустой, которую подавали в столовой, помещения – мелом и нечистыми носками, одноклассники были тупы, учителя измучены и заторможены, поэтому здесь он тоже учился сам: в библиотеке. А читал он много: жадно, хищно, почти с остервенением, сажая в душу – ростки сомнений и открытий, и зрение – что было ожидаемым. Изучая большой мир, который никогда не видел, и миры, которые увидеть бы не смог, потому как они были выдуманные, он однажды подслушал разговор библиотекарей: петиция руководству области о возвращении пригородных электричек снова провалилась.

Куда-то далеко, понял он, ходили поезда, у которых раньше здесь была остановка. И заболел желанием.

Оно жило в нём, когда он делал уроки и писал контрольные, когда подтягивался на перекладине – никогда не мог сделать этого больше трех раз, и его клеймили слабаком и нюней – и кипятил колбы над спиртовкой, когда гулял, сунув руки в карманы, и черпал лужи своими рваными кедами, потому что не видел, куда бредёт, да ещё снимал при этом очки – для пущего эффекта отсутствия. А особенно – когда

стоял у свежей могилы совершенно чужого ему человека, когда-то ткнувшего его в живот пальцем, потому что крыши над заводскими цехами, может, и рушатся порой на головы, убивая и калеча, но мечты – ни разу. По крайней мере, пока они не стали материальны.

И, конечно же, ранним утром оно жило ярче всего – когда заявлял о себе вестник.

Утренний пятичасовой проносится сквозь застой местного безвременья, как видение. Золотое, алое, свист и грохот, знаменующие стремительную жизнь, летящую всегда вперед и дальше, взмётывают палую листву. Протяжный гудок, разрезающий сумерки, служит верным будильником для заводских. От стука колёс позвякивают подвески у люстры. Подросток в комнате приоткрывает глаза. У него есть мечта: сесть на поезд.

В городе, стоящем посередине пустыни, длится вечнозелёное лето. Оно накатывает жаркими волнами в полдень и отступает к вечеру, чтобы за ночь поднакопить сил, и пахнет многими ароматами: эвкалиптом и мятой, чистой водой и жасмином, фрезией, тюльпанами, спелой налитой клубникой и соком медовых груш. Всё это было бы для пустыни странным, не именуйся город Оазисом. Он весь – клумбы и цветы, гул пчёл и птичья трескотня, коты на крышах, бабочки и то самое водяное журчание: фонтан и озерце, ручейки и родник. В город ведёт одна-единственная дорога. Где-

то у самых его границ она пропадает в траве, и так получается, что из города не ведёт ни одной.

Маленький двухэтажный коттедж – дом для мужчины и женщины. Между деревьями в саду растянuty веревки, на которых сушится бельё – простыни, наволочки, носки и рубашки, газовые платья и чулки. За развевающимися флагами тканей прячутся качели, простые и самодельные, и иногда женщина садится на них, а мужчина её раскачивает, и оба смеются, как дети, хотя уже весьма немолоды.

Женщина работает в школе – учительницей, и подопечные её обожают. Мужчина мог бы зваться историком-хронистом, если бы хоть один из его трудов покинул когда-нибудь ящик стола.

– Ты ведь понимаешь, что мне всё равно никто не поверит, – оправдывается он перед женой.

– А ты бы хотел, чтобы тебе верили или чтобы тебя читали?

– И то, и то.

– Так редко бывает, дорогой мой.

– Знаю.

– Тогда стань просто писателем. Им прощаются любые выдумки, даже если на самом деле это правда.

– Но я-то учёный. Ай, забыли...

Устав от работы, мужчина садится в кресло-качалку, стоящее на крыльце. Женщина приносит ему чай и печенье с корицей. Они рассматривают шелестящие кроны и небо, слов-

но выкрашенное лазурной эмалью, воробьёв и стрижей, ватный пух облаков. Тишина и тепло их зрелой любви помещаются в переплетённых ладонях.

– Ты не скучаешь по дому?

– Он здесь. Чего мне скучать...

– Старый ворчун. Всё побросал и вернулся.

– Справятся без меня. Уже не маленькие...

Женщина заправляет за ухо соломенную прядку волос.

– А мне вот не хватает наших девочек. Видела их всех... раз, два... три раза, а младшую так вообще никогда – и не хватает.

Мужчина молча прижимает её руку к своему лбу: прости меня.

– Перестань, – она гладит его по голове.

Они очень похожи на пожилую пару, которую позабыли дети и внуки, тихо-мирно доживающую свой человеческий век среди георгинов и роз. Возможно, мужчина винит в том себя, потому что когда-то с теми рассорился. Совершенно очевидно, что женщина так не думает.

– Когда-нибудь они придут. Дотянуть бы только. Но ты, если что вдруг, отдай им тетрадь. Там всё, что им нужно, все ответы.

– Сам и отдашь. Я уверена.

По вечерам они зажигают маленькие фонари, развешанные на деревьях. В недрах каждого скрывается свечка, оживающая с помощью длинной зажигалки для газовой плиты.

Свечи всегда одинаково белые, пламя – рыжее, в саду пляшут тени и шныряют соседские кошки, а калитка никогда не закрывается. К её ручке приделан колокольчик-шар, чтобы тех, кто вошёл, было слышно сразу.

Пока что это лишь друзья и молочник.

Короли – грустят ли?

При всех королевских регалиях, золотом троне и мантии, при поклонах, почтении и каменном замке, из которого на много миль вокруг видно собственное королевство – частокол лесов, блюдечки озёр, светлые луга, выпачканные в солнечно-жёлтом, птичьи росчерки в небе, глубоком непорочной чистотой, и деревушки со спиралевидными дымками, и далёкая изломанность гор, на которую нанизывается, будто половина баранки, весёлый рогатый месяц... при неотложных обязательствах: этого – казнить, этого – повесить, эти земли захватить, этот городок спалить, написать законы, принять в рыцари, жениться на принцессе – королю печалиться некогда: всё сжирает призвание. Да и вообще, король – это не какой-то там сгусток странной грусти, тоскливо-унылое создание, а совсем иные особенности и черты.

Как-то, примера ради:

Зычный голос, внушительность, прекрасный аппетит. Вместительное брюхо. Звучная отрывка – как следствие.

Залихватски закрученные усы или борода до пояса – короли дремучих времен подобную растительность уважали и бе-

регли.

Толпа незаконнорожденных детишек и обесчещенные крестьянские девушки.

Дурные приказы. Охотное, подобострастное их исполнение. Чем исполнение охотней, тем последующие приказы дурнее – весело же!

Войны с соседскими князьками, пирушки с вассалами, выезды на охоту, различные интриги и перевороты. У монархов тоже должен быть досуг.

Сифилис, подагра, камни в почках, подлый кинжал в спину, яд в кубке с вином или, если несказанно повезёт, смерть в бою. К последнему щедрым бонусом прилагаются прославляющие королевскую храбрость баллады.

Так вот, ничего подобного в данном государстве не существовало. Тут наблюдался какой-то совсем уж неправильный правитель.

Аксель Первый.

Аксель Первый и был таким печальным королем, хотя являл собой вообще-то тот самый жизнерадостный тип человека, который способен найти общий язык с кем угодно и всем подарить немного радости. Он умел шутить тоже не по-королевски и казался – как шептались придворные – слишком странно *человечен и прост*, но что угодно, даже такое плебейство, ему легко прощалось: король спас свой мир от чумы. Его почитали вслух как правителя и шёпотом – как колдуна, этого не старого ещё человека с печальными жёлто-зе-

лѣными глазами. Аксель Первый, как это нередко случается в среде правителей, был чужестранцем. Он правил уже двадцать лет, и за всё прошедшее время так и не обзавелся семьёй. Хотя носил единый маленький портрет нескольких людей, изумительную в чѣткости картину, цветисто и глянцево выведенную на плотном бумажном прямоугольнике, за подкладкой скромно-серого камзола – никому не показывая, вообще-то, но кто-то всё же разок углядел мельком и разболтал.

Он дал этому миру вакцину от чумы, водопровод и масляные фонари, автоматические арбалеты, городские бани, деревенские школы, ирригационные каналы, мощѣные булыжником дороги, порты и верфи, театры, суды, золотую валюту, голубиную почту и собак-поводырей. Высокие, кристально чистые белые воротнички, прямые брюки, женские туфли-лодочки, чернильницы-непроливайки, грифельные карандаши и Праздник Выпускного, любовь к чтению, лён, картофель и рис, мороженое и спаржу. Он развил и укрепил селекцию, астрономию, медицину и искусство. Он построил столицу. Он научил людей играть в футбол и теннис, в «ты мне доверяешь?» и даже в «двадцать одно». Средневековая жизнь оказалась не ахти какой сложной, – только нужно было вовремя подавить в себе брезгливость – а вносить в неё новаторства оказалось весьма увлекательным. Дворянские семьи мечтали выдать за него замуж своих дочерей, феодалы-соседи клялись в вечной дружбе, придворные франты

копировали его грусть, сделавшуюся новым веянием моды, простоту в одежде, мягкий, тихо рокочущий голос, смелость не скрывать под париком свои седеющие, коротко подстриженные светлые волосы и привычку бриться. Людям он нравился. Потихоньку они готовили для него памятники и страницы в будущих книгах истории.

На самом деле Аксея Первого звали, конечно, иначе. Но этот мир запомнил его лишь под таким именем, тогда как в другом, родном, его начали потихоньку забывать.

Много времени прошло. Сочли погибшим.

Поэтому он вполне имел право на то, чтобы грустить. Он-то не забыл ничего и был жив.

Она никогда не спрашивала, откуда он взялся – просто однажды обнаружила сидящим на пороге. Была поздняя зима, он казался замёрзшим, и она пригласила его внутрь, чтобы накормить чашкой горячего супа.

– Раз пришёл, то живи. Только помогай по дому.

И он поселился на чердаке и помогал – мыл посуду и пол, ремонтировал и паял, таскал тяжёлые сумки, белил, штукатурил и красил. У него были золотые руки. Они могли починить всё, что угодно, начиная от потёкшего крана на кухне и заканчивая мотором её старой «Каденции», которой шли уже восемнадцатый год и совершенно немислимая сумма пробега. Соседям он тоже чинил: тостеры, часы, велосипеды, плиты и холодильники, ёлочные гирлянды и детские ра-

диоуправляемые игрушки. Денег он не брал категорически, но соседи наловчились прятать их ему в карман, когда благодарно обнимали и похлопывали по спине.

Всё, найденное в карманах, он отдавал ей.

– Это твоё, чудак. Ты сам заработал! – она хохотала и пыталась вернуть.

Он прятал руки.

– Так дело не пойдёт. Завтра поедem по магазинам и что-нибудь тебе выберем. Что ты хочешь? Одежду, книги, стереосистему, свой автомобиль?

Он говорил, что, если что-то на эти деньги и купит, то лишь для дома – продукты и необходимое в хозяйстве. В конце концов согласился на старый добрый пленочный фотоаппарат. И первым же снимком запечатлел её, весёлую и черноволосую. А потом попросил развести в миске шампунь и пристрастился фотографировать мыльные пузыри со всем, что в них отражалось. Там был целый мир, не больше и не меньше, и она проявляла пленки, а наиболее удачные кадры распечатывала и вешала на стену.

Когда шёл дождь, он выбегал на улицу и ловил языком падающие капли. Пускал по лужам пустые спичечные коробки, а сами спички пересчитывал и копил.

– Зачем тебе? Собираешься устроить поджог?

Она шутила, но он принимал слова за подозрения и горячо отрешивался. Когда спичек набралось достаточно, он выпросил у неё клей, лак, старые газеты на стол, чтобы

не капало, маленькую лампу и немного свободного времени. И стал создавать чудеса.

Первым чудом был клипер «Надежда». Трехмачтовый, с парусами из папиросной бумаги, бежево-блестящий и совсем настоящий, клипер положил начало целому ряду фрегатов, джонок и галер. Они громоздились на полках – маленькие «Принцип» и «Гордость», большие «Вера», «Верность», «Победа» и «Честь» и совсем огромная «Благодарность».

– Ну ничего себе. Если её спустить на воду, то она и меня выдержит, наверное...

– Может, он, конечно, и беглый каторжник с болот, – сказала ей как-то соседка. – Но ты носом-то не крути, ежели что. Такой подарок судьба тебе, сироте, подбросила. Хватайся, девка!

Склеив очередной кораблик, который был назван «Любовью» и торжественно отдан ей в руки, он встал перед ней на одно колено и спросил, выйдет ли она за него замуж. Она согласилась. Не потому, что соседка имела над ней какой-то там непререкаемый авторитет – так повелось, что у сирот их, авторитетов, почти не бывает. Зато есть сердце, готовое стать для корабликов, пусть и из спичек склеенных, дружелюбной и приветливой гаванью, и есть дом, в котором двоим лучше, чем одному, а троим или четверым совсем замечательно, если последние – дети, и есть давняя мечта, приснившийся образ, который тут, в реальности, ждал её на крыльце под фев-

ральским снегопадом — ждал-ждал и дождался, да ещё с такими добрыми глазами.

— Само собой. Зря я тебя, что ли, столько терпела...

От счастья она разревелась, и он кинулся её утешать.

— ... а этот будет тебе теперь братом, — Ма подтолкнула к ней мальчишку с весёлыми льдинками глаз. — Знакомьтесь. Рик, это Огонёк, твоя новая сестрёнка. Огонёк, это Рик. Дружите, дети.

— Рик? Ульрик Храбрый! Был когда-то такой правитель... Можете звать меня так же, юная леди.

— Воображала, — дёрнула его за ухо Ма. — Довыпендриваешься — огребёшь!

Ульрик Храбрый мгновенно и навсегда стал для Огонька Воображалой, как бы он потом не возмущался и не вопил.

— Да я... да ты... беспредел!

Для беспредела, невнятно посмеивались девочки и Ма, вы все ещё слишком юны.

Такой же непонятный для их детских умов «беспредел» происходил за розовыми занавесками дома Свиданий. Девочки приводили туда мужчин — молодых и старых, толстых и худых, горожан и иностранцев, торговцев и чиновников. Хлопали пробки, звенели бокалы, велись неспешные разговоры и звучал приглушённый смех, а потом было ещё что-то, нечёткое и загадочное. Названные брат и сестра подкрадывались послушать.

– Вот я вас, сопляки! – гоняла их Ма. – Идите-ка на улицу. Кыш!

Цветастое шелковое кимоно с трудом сходилось на её необъятной груди. Да и на всех остальных частях тела тоже – Ма была огромной, как кит, но куда более расторопной и ловкой. Свои пышно взбитые синие волосы она носила с гордостью, как когда-то знатные дамы носили многоступенчатые прически, вела бухгалтерию, отвечала на телефонные звонки, поила чаем приходящего для медосмотров доктора и умела улыбаться одинаково радушно и доброжелательно – что посетителям, что уборщицам, что офицеру полиции, навещающемуся за ежемесячной мздой.

Офицер очень любил шоколадные конфеты с начинкой-помадкой, трюфели и ореховую нугу.

– Ещё по одной? – предлагала Ма так, будто угощала коньяком.

– Лучше по две. Или по четыре, – предлагал тот в свою очередь и втихаря скармливал конфетки Воображалу и Огоньку.

– Славные ребяташки. Только не в то время живут, и не в том месте.

– Где довелось, там и живут, – мягко отвечала Ма. – Судьба, фатум. Могли бы вообще умереть на улице.

Офицер не спорил. Город после гражданской был той ещё клоакой.

Клоака бурлила и трепетала, а они бежали сквозь неё,

и серая слизь не приставала к бокам, потому что были они хоть и детьми, но очень шустрыми и быстроногими. У них имелись свои тайные ходы в лабиринтах трущобного гетто, свои незапертые винтовые лестницы, свободные подоконники, картонные шалаши под гремящими эстакадами, качели из автомобильных покрышек, дыры в прутьях ограды, окружающей зоопарк, добрый приятель-кондитер, держащий лавку сладостей, и неукротимое желание жить. И жилось им совсем неплохо. Да ещё и возраст был такой – ещё ребяческий, но уже с соображениями, и пока не подростковый, когда на смену желаниям виснуть вниз головой на старом дубе и стрелять из рогатки приходит совсем иное.

Все уличные знали: эти двое – из дома Ма. Трогать их нельзя. А вот дружить – милое дело. И они дружили: девицы с пёстрыми лицами заплетали ржавые волосы Огонька в хитроумные косы, молодые люди в чёрной коже учили Воображалу замысловатым ругательствам и плевам на дальние расстояния, отёчные теткли, торгующие цветами и пирожками в гораздо меньшей степени, чем спрятанными под прилавком курительными смесями и странным порошком, звали их «сыном» и «дочкой». На развалинах мёртвой Империи прорастали новые государства, а их, городское-трущобное, было, пожалуй, самым семейным. Пусть его и чистили периодически, пытаясь навести порядок.

– Порядок, порядок, – ворчала Ма. – Почему нельзя дать мирным людям жить, как им хочется?

«Мирные люди» огрызались на полицейские водомёты и уползали глубже в тёмные, пропахшие сыростью норы. Они наотрез отказывались цивилизовываться. Район гетто уплотнялся и не исчезал. Огонёк с Воображалой считали звёзды на крыше.

– Почему они не оставят нас в покое?

– Потому что мы – сила, – твердо отвечал мальчик. – И они нас боятся.

Он был прав, как никто другой, но только в отношении их обоих.

Все остальные были простым смертным сбродом.

Его пешки были дики, грязны и необразованны. При этом он не мог назвать их глупыми – но ум их тоже был каким-то диким, почти звериным, в принятии решений руководствующимся чувством неприязни, голода, приземлённых бытовых выгод или страха. В отличие от противников, которые смотрелись на их фоне интеллигентами чистейшей воды: уже одно то, что они мыли перед едой руки и общались без матюгов, заставляло подозревать издевательство.

Тот, кто их всех создал, обладал, должно быть, премерзким чувством юмора.

Игрек утешал:

– Так даже интереснее, что всё наоборот.

Наоборот? А может, как раз правильно? С чего они вообще когда-то взяли, что цвет предполагает характер?

У них были только пешки и ни одного офицера, не говоря уже о ком-то покрупней, и прекрасное поле боя, вечно в дыму и огне, хотя специально никто ничего не поджигал, вечно в грохоте мин и снарядов, дробящих дома и улицы, хотя никто их не запускал, в мертвенной белизне – разлитый молочный кисель – осветительных ракет ночью (абсолютно так же взлетали сами по себе) и занудливом гуле авиации днем. Самолеты? Какие самолеты? Ни одного они не видели, ни вдали, ни вблизи, ни обломками. У их пешек была красная кровь, которая красиво пятнала брусчатку, и трогательные мечты и желания – банальные вариации одного и того же: дом, путешествия, супруг или супруга, дети, деньги, кошки, автомобили и яхты, мемуары, творческое признание, мирная жизнь. А ещё – воспоминания. Каждое – уникальное, чтобы при вечерних разговорах у костра ничто ни у кого не вызвало подозрений. Мелкие биологические изъязны и особенности – шрамы, рубцы от ожогов, заикание, дальтонизм, витилиго – и индивидуальные, иногда очень забавные черты: просыпающийся от выпивки талант балетного танцора, смех, напоминающий гусиное «га-га-га», тяга к связыванию шнурками ботинок спящего товарища, вегетарианство.

Что ещё?

Их пешки разбивали свой лагерь среди руин и щебня, под звёздами, яркими, как стержни неоновых трубок, и масляно-сырной головкой луны, вокруг которой – и не оставили же в покое несчастную – клубился чёрный рой далё-

ких космомодулей, занятых не то исследованием, не то добычей какой-то лунной дряни. Играли на губных гармошках, скрипках и аккордеонах, а однажды в развалинах кто-то нашёл пианино, сохранившееся удивительным образом, и на один, два, три вечера развалины превратились в филармонию, пока шальная бомба не сунула туда свой любопытный нос. Пели, и трезвые, и пьяные, и пили всё, что булькало и горело, хотя приверженцы здорового образа жизни тоже имелись и предпочитали просто кипячёную воду. Признавались друг другу в любви. Даже умудрялись жениться. Это небольшое последнее дополнение, включённое, как следовало из инструкции, забавы ради, и умиляло, и раздражало, и порой даже пугало. А лучше всего они сражались – совсем как люди, с верой и проклятиями, идеологическими выкриками и рваными тряпками флагов, край которых полагалось целовать, преклонив колени. Вот только после смерти у них не были ни рая, ни Вальгаллы – одна глухая темнота, лежащая на любой экран, когда нажата кнопки «выкл».

Среди себе подобных у пешек не было предусмотрено ни королей, ни королев. Только ведущие их в бой полководцы – те, в кого верили и кого проклинали, на самом деле просто двое игроков, скрашивающих досуг по вечерам. Оттого, когда внезапно появилась непредусмотренная сила, – и с той, и с другой стороны – появился и повод схватиться за голову. Потому что игра вдруг пошла по совсем другим правилам, а играющие, в конце концов, когда-то выложили за неё нема-

ленькую сумму, чтобы позволять теперь чужое вторжение.

Автомобиль падал беззвучно, и это его падение – стремительно катящийся сгусток света, металла и людей, более не повинующийся механизм, в котором что-то отказало или умерло, и потом уже не катящийся, летящий, как запущенный снаряд, казалось странным из-за своей лишённой звуков тишины-торжественности. Он должен был загрохотать, как старая жестянка, потому как и состоял весь из гремучего железа, винтиков и гаек, болтов, хрупких подкрылок, тонкой стали бампера, спаяк на брюхе, ломкого стекла, но летел тихо до самого столкновения с дном северного ущелья. Женщина внутри автомобиля вцепилась в руль. Алые губы побелели и стянулись в ниточку – не страх, жестокое разочарование: «Разве так должно быть?» Две её дочери прижались друг к другу и замерли. Хорошо быть ребёнком: несёшься навстречу смерти, а глаза закрыты великой милостью наивной веры в то, что если не видишь ужасного, то оно и не существует, и умирать совсем не больно, и в руке другая рука, и один там, после удара и взрыва, не останешься точно – только вместе.

На носу у женщины – веснушки, похожие на россыпь крошек от печенья. Ей нет и тридцати. Она молода и очень красива, а ещё думает сейчас почему-то о том, что забыла взять зонт, когда они с дочерьми в спешке покидали дом – идёт дождь.

Косой, слабый и траурный. Опущенный занавес их жизни.

Одна из девочек вдруг открывает глаза и громко произносит: «Нет!»

Это единственное, что она успевает сказать до того, как округлый автомобильный нос врежется в землю. А её сестра всё так же не смотрит. Поступает куда как более мудро. Потому и не видно, что они-то, конечно, близнецы, но различаются цветом радужек, что зелёная желтизна под сейчас закрытыми веками – само спокойствие, а пробудившаяся жемчужная серость вызывает искряще и яростно: «Я не умру!»

Грохот, вспышка, взрыв, пламя. Наутро тел не найдут. На асфальте останется смерть, едко пахнувшая бензиновой лужей, – но тёплый дождь скоро подчистит и её.

Часть первая. Неслучившаяся сенсация журналиста Рёмина

База данных сотрудников Организации

Код доступа: зелёный.

Подтвердить.

Раздел: «Локальные»

Подраздел: «Основа»

Ввод.

*Имя: *шифр**

*Фамилия: *шифр**

Пол: мужской

Семейное положение: не женат

Дети: отсутствуют

Возраст (формальный): 57

Возраст (биологический): 57

Звено: серое

Ранг: персонал

Статус: локальный

Должность: уборщик

*Имя: *шифр**

*Фамилия: *шифр**

Пол: мужской
Семейное положение: вдовец
Дети: отсутствуют
Возраст (формальный): 62
Возраст (биологический): 62
Звено: серое
Ранг: персонал
Статус: локальный
Должность: повар

Имя: *шифр*
Фамилия: *шифр*
Пол: женский
Семейное положение: не замужем
Дети: отсутствуют
Возраст (формальный): 29
Возраст (биологический): 29
Звено: синее
Ранг: служащие
Статус: локальный
Должность: секретарь

Имя: *шифр*
Фамилия: *шифр*
Пол: женский
Семейное положение: замужем

Дети: 2

Возраст (формальный): 34

Возраст (биологический): 34

Звено: синее

Ранг: медики

Статус: локальный

Должность: терапевт

1. Маркиза Дрю

Он следил за ней, но она поняла это не сразу. Он, тот побитый осенней мокрядью печальный человек в тёплом не по сезону шерстяном чёрном пальто, который сидел за столиком в кафе Джереми – сидел прямо за её спиной, цедил что-то из маленькой чашечки и, как оказалось, подслушивал. А чуть позже, на холодных промозглых улицах, среди смазанного дробной моросью мельтешения плеч, спин и шапок, среди ворчащей реки разговоров, кашля, автомобильного рокота и шелестящих по мокрому асфальту шагов, шёл следом, как полицейская ищейка, хотя на самом деле не имел никакого отношения к полиции, а просто был очень потерянным, неприкаянным и несчастным.

Несчастным. Это она тоже поняла не сразу, но позже, в лесу, когда они разговаривали по пути к Горе. Что-то было такое в его смехе, улыбке – что-то такое, как умение дрессированного медведя крутить педали детского велосипеда или разодетой, словно принцесса, крошечной пушистой собачки – ходить на задних лапах и танцевать. Приобретённое умение, заученное, а вовсе не свободное и лёгкое, не предполагающееся природой, даже ей противное. Наверное, тогда и возникла эта первая мысль: помочь. Как?

«Это всё реальное? Или сказка? – изумлялся он. – Или, может, я сплю?»

«И то, и другое, и третье. Как вам такой вариант?»

«Нравится».

Перед дверью он прятался неуклюже – чуть не своротил хлипкую гору из досок, уложенных сбоку от мусорного контейнера. Со смачным «чавк» поскользнулся на банановой кожуре, даже, кажется, ругнулся вполголоса, не удержавшись, – а, может, втайне желая, чтобы его заметили, спросили, что он тут делает, накричали в испуге и ярости, ударили или приложили электрошоком. Чтобы уберегли, спасли от того, к чему всё шло – но этого не случилось. Напротив, она открыла дверь так, чтобы он видел: на гладком и удобном пространстве стены, широкую, приглашающую. И только один раз оглянулась. Но не его, скрывающегося, проверила – а прочих любопытных, которые могли бы смотреть из окон.

И уж куда как проще было догадаться, что после подобных демонстраций он шагнёт, не мешая, за ней, но она не сделала попытки воспрепятствовать. Лишь постаралась оставлять потом, на болоте и мхе, почётче и поярче следы. Соблюдая неписаный кодекс всех, кто ходит через двери, подчиняясь силе, которой не было названия, дальше она безмолвно перепоручила человека в чёрном пальто его собственной судьбе – року всех попавших, определявшему с первых же мгновений, выберется ли подопечный живым или погибнет. Если выживет, они обязательно встретятся. И тогда, дверь возьми, она спросит его, почему он, незнакомец, кого-то так

сильно ей напоминает.

Но не спросила, забыла, и это тоже был рок – рок всех Идущих, очень по-свойски распоряжающийся человеческой памятью. Впрочем, одно главное сейчас сохранилось – чужая грустная улыбка, как запечатлённый фотокадр. Грустная улыбка и желание, с ней связанное – помощь, и ожидание переливчатой трели звонка, нерешительного робкого стука или просто шороха мнующихся на коврике ног, и ещё одна дверь, которую она отопрёт, широко распахнув, несмотря на то, что это будет почти преступлением.

I

Красить нос мраморной статуе он закончил как раз тогда, когда услышал шаги за спиной. Шаги запнулись, стали изумлёнными, что оправдывалось увиденным зрелищем, а потом изумление зазвучало, как сдержанное бешенство, и стало ясно, кто это там идёт, но было уже слишком поздно притворяться декоративным элементом мебелировки. Курт уставился на покрашенный нос и вздохнул, привычно коря себя за беспечность. Непростительная ошибка, которая за одной из дверей вполне может стоять здоровья и жизни, – так не расслышать чужое присутствие в гулком пустом вестибюле. Впрочем, чутьё – в безопасности расслабленного дома – всегда подводило не только его.

– Пикассо ты недоделанный, – вкрадчиво произнёс Прайм. – Доморощенный маляр. Я видел всякие проявления идиотизма, но это...

Курт с улыбкой помахал ему выпачканной в краске кисточкой. Статуя тоже улыбалась – широко, по-клоунски, с аляповатым румянцем на белых щеках.

– На кой чёрт? – спросил Прайм.

При нижестоящих он никогда не ругался на двери. Возможно, это было одним из тех редких суеверий, которых несуетливый Прайм всё же придерживался, а, возможно, просто воспитанностью. Курт так и не понял за всё это вре-

мя, почему свойственное Идущим уважение к своей природе проявляется так причудливо – в ругани. Или отсутствии её.

– А я мог бы спросить, почему вы, господин заместитель, бродите тут по ночам воскресенья. Но не спрашиваю. Уважаю, как видите, право на личную жизнь и досуг...

– Кому ночь, кому утро. Вымыл, слез, убрался с глаз моих. Живо.

– Точно, вы же ранняя пташка. И трудоголик. А ещё любите кофе, а ведь это очень вредно – кофеин. Давайте с одного раза угадаю, отчего у вас бессонница, а?

Ричард Прайм не ответил, только бережно отложил папки, которые держал в руках, на постамент. Курт обнял статую за шею и повис, когда стремянку метко и безжалостно выдернули у него из-под ног. С привычной обидой тут же прикинул, сколько на этот раз продержится его высокохудожественная мазня. Скорее всего, не более получаса.

– Нарушение прав о свободе творчества, – жалобно заметил он, но шепотом, чтобы не огрести ещё больше.

За ноги его потянули с такой неумолимой жестокостью, что стало ясно: Гроза и Ужас не проникся.

Дверь была из тех, которых называют «снулые». Неактивная, отключенная, но на кое-что всё ещё годная, потому что, когда Лучик провела рукой по облупившимся лохмотьям синей краски, тихо и бесцветно запульсировала. При желании тут легко закрепился бы новый порог – а вот определить, ку-

да дверь раньше вела, можно было теперь, только обратившись к базе.

– Закрыта прачечная-то, – охотно поделилась старушка в ярко-фиолетовом шарфе и с тачкой на колесиках. – Месяц уже как. Съехали в соседний квартал.

– Спасибо, – поблагодарила Лучик.

Но эманации остались – обманчиво мягкие на кончиках пальцев, влажные, земляные, зелёные. Что-то от дождливых и тёплых лесов, где растительность стремится, закрывая свет, к небу. Где много грязи, лягушек и змей, а ещё лиан и разноцветных попугаев. Что-то очень похожее на место, где она сама, пачкая лицо и волосы об облепленные чёрным корни, которые норовили обвиться вокруг шеи и задушить, лезла в темноту, откуда навстречу ей сверкали два злых апельсиновых глаза и пахло кровью, мокрой шерстью и бешенством. Дверь, скорее всего, была резервной, а потом её убрали за ненадобностью. Но почему прачечная? Что они таскали в лес в бельевых корзинах? Или из леса. Фрукты?

Ещё одну дверь она почувствовала наверху железной противопожарной лестницы – этаже так на шестом или седьмом, снизу точно не определить. Лучик остановилась и задрала голову, рассматривая лестничные пролёты, уходящие вверх по коричневой кирпичной стене. Стена была щедро разукрашена граффити почти до самой крыши. Когда есть лестница, такое несложно сделать. Другое дело, что стена от этого не особо выиграла. Но в ней билась и стучала энергия, слов-

но большое сердце, – эта дверь использовалась, и часто. Она звучала, как локальная, и такой, скорее всего, и была.

Потом был дорожный люк и вход в подвал, и ещё один люк, открытый, в котором копались люди в оранжевых жилетах коммунальной службы. Копались прямо в двери, не видя её и не ощущая, переругивались, тянули какие-то шланги. На Лучик они не обратили никакого внимания, а она задержалась рядом с оградительной лентой и втянула в себя зимний воздух, разбавленный духотой белого пара, который вырывался из-под земли. Лежащая за дверью область – тип «Аид» – заставила её отпрянуть.

И вы возитесь здесь так просто, подумала она, торопливо обходя люк-дверь. Ворчите на нерасторопного коллегу, отказываете воду, чтобы залатать разошедшийся шов старой трубы, курите, сняв брезентовые рукавицы, а в сумке у вас лежат бутерброды на обед и горячий термос. Вы ничего не знаете о других людях в непохожей на вашу одежде, которые спускаются здесь... или выходят отсюда, и в сумках у них – вовсе не бутерброды. Вам и не надо ничего этого знать – просто почините трубу.

Один из ремонтников – женщина – поднял вслед Лучик глаза. И бездумно стряхнул серый пепел в развёрстое жерло люка.

Предплечье правой руки, в которой Лучик несла пакет с покупками, скоро ненавязчиво заныло. После последнего рейда миновало уже вполне достаточно времени, чтобы рас-

тяжение прошло, но то ли апельсинов она набрала слишком много, пожадничала, то ли так ей теперь просто полагалось: невидимая стрелка сместилась за то деление возраста, где старые травмы периодически любят напоминать о себе. И не было ведь резкого скачка, был переход, организованный и плавный – даже не тряхнуло. Как там Капитан говаривает: потихоньку, по щепотке утекает в бесконечность... в никуда. Как монетки оплаты, как разменянная на них крупная купюра бытия. Платёж в рассрочку. Или просто надо было разложить апельсины в два пакета.

На широкой улице впереди заговорил автомобильный шум. И заворочалась толпа – проворная, рассеянная, тёплые и разновозрастные эманации торопливых человеческих существ. Они вообще-то были и в зданиях вокруг, но приглушённые плотностью стен. Толпа всегда звучала ярче. Лучик вдруг издалека выцепила в мельтешении тепла характерную светлую искру. Не прислушивалась, не искала – всё вышло само, как определение того, что начинается дождь, по удару капель о лицо и макушку. Инстинктивно ускорила шаг. Опомнилась, успокоилась и рассмеялась. Это же не джунгли, а город, дом – ни к чему тут спешить к соратнику, чтобы сбиться в группу.

...Тварь прыгнула сбоку из-за серой скалы, подмяла под себя, и Лучик заткнула ей пасть, держа винтовку на вытянутых руках. Заткнула железом, как палкой, и тварь взвизгивала и хрипела, а в глаза капала едкая пеннистая слюна, и пахло

почему-то палёными проводами и кислотой, как из автомобильного аккумулятора. Капитан, шедший предпоследним и оказавшийся позади твари, пробил бугристую чёрную голову ударом ножа. И оторопело смотрел, пока Лучик не скинула с себя обмякшее тело, не встала и не отряхнулась. Тогда она ещё не поняла, что потянула руку, а только обиделась на командира, который не дал ей вытащить свой нож и самостоятельно защитить свою жизнь, как полагается прошаптившему оборону бойцу, а оставил обязанной. Несерьёзной была это тварь, хоть и очень быстрой, и почему-то пристрастной: пропустила троих из четверки и кинулась на замыкающего. Но Капитан сказал «Смотри-ка» и доверительно указал пальцем на нанесённую твари смертельную рану, и Лучик передумала обижаться. Обычно он обращался к Курту или рыжей, как к следующим за ним по старшинству, но Четвёртая сейчас – оружие на изготовку, взгляд цепкий и сосредоточенный – замерла впереди их цепочки, а Курт, как обычно, на правах самозванного старшего братца уже обнимал за плечи и заботливо ощупывал на предмет отгрызенных кусков. Лучик посмотрела и увидела, что под пробитым черепом, поверх розовато-нежной, как зефир на вид, субстанции того, что должно было считаться мозгом, сплошь тянутся вместо сосудов и вен тонкие проводки и поблескивают какие-то кристаллические соединения. Тварь они распотрошили тут же, на тропинке среди спекшихся песков и камней, хоть рыжая и ворчала, что уже темнеет, сложили образцы

пронизанных проводами тканей в контейнеры, а Курт хотел забрать ещё все зубы, чтобы сделать брелки, но Капитан ему не разрешил.

Тварь была искусственным и, честно сказать, весьма уродливым созданием: паукообразное тело с головой хищной лошади, воняющее соляной кислотой. Мёртвым в биологическом смысле, но отчего-то вполне шустрым и злобным – во всяком случае, до тех пор, пока Капитан не познакомил её со своим рейдовым ножом. В лаборатории такой находке обрадовались – так, что приняли решение разбить в считающемся до того необитаемом Неназванном-14 лагерь. Исследовательский, как в мире с разумными, не автономку. Понадеялись если не обнаружить ядро, так хотя бы понаблюдать за тем, что здесь бегают. Лучик бы тоже не отказалась принять в этом участие, но не все активныегодились в наблюдатели, и она это знала.

Светлая искра растворилась в толпе – удалилась уже где-то на километр. Ровный, спокойный ток зрелого Идущего. Наверное, кто-то ходит по магазинам, выбирая подарки, или, быть может, даже в этом городе живёт, а не просто имеет в нём что-то вроде арендуемого клуба по интересам, где весело проводит время с друзьями. Многие действительные любят жить в мегаполисах. А почему? Надо бы спросить у Четвёртой, она ведь тоже...

Лучик купила в передвижном киоске горячий клюквенный морс. Витрины горели гирляндами, напоминая, что

до праздников осталось меньше недели. Хорошо бы только, чтобы к ним успел ещё выпасть снег. Лучик всмотрелась в своё отражение посреди ярких огней и подмигнула ему, смагивая заодно и поволоку ночных глаз. Хватит развлечений на сегодня, а то не только рука заболит. Выискивать двери, конечно, полезно и весело, но надо знать меру. И поторопиться, наконец, к обеду, а то сожрут же всё, троглодиты...

– Так Прайм поймал? – спросил Капитан, устраиваясь в кресле поудобнее. Вареник вспрыгнул ему на колени и свернулся в обманчиво сонный клубок. Настороженные, острые уши с кисточками на концах вслушивались в потрескивающее на сковороде оливковое масло.

– Ага.

– Уши начистил? – Капитан дёрнул кота за пушистую кисточку. Тот недовольно накрыл голову лапой. Впрочем, тут же высунул, когда знакомый хлопок дверцы холодильника оповестил о том, что человек сейчас будет готовить.

– Не уши. Всего-то заставил в наказание вымыть, что нарисовал. И ещё два сортира...

– Бедняга.

– Кто? Прайм – да, ни двери у человека нет чувства прекрасного, как он вообще живет, не понимаю... Я там такое изобразил! Ярko, модно, концептуально, а он... ретроград замшелый...

– Белая морда и красная пасть до висков – знаю я, как ты

калечишь ни в чём не повинные статуи...

– Нет, и ты туда же. Ты кому друг – ему или мне?

– Работай, кухарка. Работай и помалкивай. Столовая, как знаешь, в воскресенье закрыта, а есть хочется вне зависимости от того, воскресенье там или четверг... Хотя, конечно, можно было просто сходить к Джерри...

– К Джерри. А я, значит, ни на что не гожусь. Хам!

Полосатый кот принялся и фыркнул: глупый человек резал на разделочной доске несъедобные невкусные овощи. Круглые и зеленоватые под шуршащей шелухой, пахнущие едко и резко, маленькие, продолговатые, мягкие и красные, а ещё оранжевые и твердые, похожие на палки. Потом всё это зашипело на сковороде, бурча и покрываясь золотистой корочкой. Люди – странные создания, которые жрут всякую гадость. Но иногда и правильно питаются – мясом.

– Мы его раскормили, – сказал Капитан. – И так был немаленький, а ведь поди ж ты... Такое чувство, что меня придавила пятнадцатикилограммовая гиря.

– Так скинь.

– Боюсь, пробьёт пол.

Со стороны подоконника раздался короткий смешок и повеяло сигаретным дымом. Курт плеснул в овощи соевый соус, накрыл сковороду крышкой и снова отошёл к холодильнику, чтобы достать вырезку. «Сиди, сиди», – сказал Капитан коту, предупреждая его удерживая его на коленях. Тот неохотно послушался.

Она нашла эту бело-голубую треугольную пачку рядом с широко раскрывшим глаза человеком, который лежал на спине в снегу. Снег замёл его, но было видно, что человек одет в сетчатую футболку с косым воротом и шорты. В роковой для Неназванного-38 день он, очевидно, гулял по побережью. Четвёртая села на корточки и попыталась закрыть человеку глаза, потом, поняв, что это уже невозможно, просто слепила из снега два плоских блинчика и положила их на заиндеветшие ресницы. За многими дверями подобный этому ритуал всегда предшествовал погребению – использовались ли там монетки или камешки. Если это была одна и та же корневая ветвь, конечно. Про этот Неназванный у Четвёртой не было никакой информации. Но она всё равно постаралась следовать тому, что знала про похороны: надела перчатки на озябшие руки, Четвёртая засыпала человека снегом, сделав что-то вроде кургана. Не стала, как поступили бы исследователи на её месте, прежде срезать лоскут одежды, шарить по карманам, брать образцы когда-то живых тканей. Не потревожила.

Она и не была здесь исследователем. Она просто снова использовала контрафакт.

Фотография на Горе запомнилась ей – стеклянный лед вздыбленных волн, вмёрзший в воду рыболовецкий траулер. Неназванному-38 суждено было навеки остаться Неназванным, потому что там больше не было ни жителей, ни ядра.

Четвёртая пришла посмотреть на корабль, но дверь открылась немного в другом месте, и вместо этого она нашла человека. И его, должно быть, сигареты. Прежде, чем попытаться раскурить одну из найденной полупустой пачки, Четвёртая попросила у человека прощения.

Три первые сигареты сломались в руках, как хрупкий тростник, а со следующей, которую Четвёртая долго оттаивала зажигалкой, внезапно улыбнулась удача. Дым ощутился густым, шоколадным, с горечью. Сигареты, снег, лёд и низкие плотные тучи были безвредными. Давнишняя трагедия ничем больше не угрожала. Пройдя немного вперед вдоль побережья, Четвёртая увидела вдруг следы на плотном насте у линии прибоя бывшего моря – крупные ребристые подошвы стандартных рейдовых ботинок Идущего. Ей не следовало бы встречаться с кем-то из действительных групп, но следы вели туда, где за пирсом, вдающимся в лед, за пляжем с белыми зонтиками, за застекленевшими стволами и листьями мёртвого частокола из эндемичных, похожих на пальмы деревьев виднелись заметённые, круглые, напоминающие купола обсерваторий крыши. Бывшее человеческое поселение. Четвёртой захотелось найти там для Капитана какую-нибудь книгу.

С этим типом в зимней форме действительной группы Четвёртая не была знакома. Судя по всему, он не владел ночными глазами, потому что не понял, что на длинном и широком дворе, мозаика плит которого проглядывала там,

где ветер смёл снег, среди скамеек, перекатов бассейнов, цветов, торчащих на клумбах, как жёсткие щетки, и застывших памятниками самим себе лохматых пальм он был не один. Вернее, их было больше, чем двое, потому что к типу, выбравшись из-под полукруглой арки невысокого, в три этажа здания, подошла женщина. Они принялись что-то обсуждать, возбуждённо жестикулируя, а Четвёртая, рассматривая собратьев-Идущих из окон летнего ресторанчика, где за покрытыми скатертью столами, вокруг тарелок, полных застывшей до состояния камня еды, с наброшенными на спинки стульев полотенцами и платками тоже сидели широко раскрывшие глаза безучастные люди, подумала, что это не поселение, а просто бывший курортный отель. Никаких книг ей тут не светило, максимум, брошюры для туристов – правда, можно было бы заглянуть к кому-нибудь в сумку или в номер. Но это будет мародёрство. Книги полагается брать из библиотеки. Или, на худой конец, магазина. Но что, если в комнате отдыха или холле отеля...

Идущие направились в её сторону. Желтоволосая девушка, сероволосый мужчина. Совсем молодые, по ощущениям – неофиты вчерашние. Нет, она их раньше не встречала, хотя последнее поколение действительных было немногочисленным. Они шагали к ресторану, и Четвёртой пришла в голову безумная мысль: сесть за стол в тени, спиной к Идущим, и притвориться одной из молчаливых холодных фигур. Не все неофиты ещё умеют слушать – возможно, её

не заметят, и можно будет рассмотреть их внимательней, а потом продолжить свои книжные поиски. Капитан обрадуется, если она подарит ему ещё незнакомую книгу задверья. Но вместо этого Четвёртая развернулась и тихо вышла из дверей противоположной стороны зала. Она не была суеверна и не боялась мертвецов, но могла попасться, и пришлось бы объяснять, что она тут делает.

Они и правда ещё не очень управлялись со своим новым слухом – прошли по дорожке довольно далеко от пристройки, где в сумраке между сложенными тентами и зонтами терпеливо ждала Четвёртая, только девушка, казалось, на мгновение замедлила шаг, но мужчина тут же поторопил её. В зале ресторана они находились долго, минут пятнадцать. Смотрели? Ужасались? Четвёртая подумала было, не оставила ли она следов на дорожке, хотя старалась ступать только там, где ветер обнажил мозаичные плиты, а потом подумала про гораздо более явственные следы на берегу. Но пара Идущих зашагала по пляжу в противоположном направлении, спустившись к занесённым снегом лежакам гораздо дальше от того места, где поднималась Четвёртая, сама шедшая по следам мужчины. А откуда пришла девушка? Где у них дверь? Почему, наконец, эти юнцы ходят в Неназванном? Демонстрация? А инструктора не видно – ленится...

Волосы девушки были заплетены в длинную золотистую косу. Коса чуть покачивалась в такт упругим шагам. Четвёртая, подкравшись к барьеру из ракушечника, проводила нео-

фитов долгим взглядом. Нет, она их не знала. Но, должно быть, всё-таки когда-то мельком видела.

Она любила белый цвет – декорацию одновременно конца и начала. Так, что живя в довольно сером из-за вечных дождей городе, – в своей *статичной норе*, как безыскусно и насмешливо все они именовали утилитарный человеческий дом за пределами Организации – тоже выкрасила свою маленькую квартирку в белый. Пол, потолок, обои, мебель. На последнем этаже самого высокого здания города длилась вечная зима. Капитан каждый раз не уставал ехидно замечать, что её дом слишком напоминает операционную. Но ей было среди белого цвета очень уютно и тихо. Однако Неназванный-38 не был уютным: он оказался весь пропитан тоской и ощущением замершего времени. Четвёртая всё-таки обнаружила в холле несколько книг в мягких обложках, твёрдых теперь, как кирпичи, и взяла с собой, даже не вчитываясь в названия. Только отметила, какой многообразный алфавит – разные, должно быть, языки, потому что в любом курортном отеле всегда отдыхает много иностранцев. Если здесь слоняются неофиты, то кто-то из них, может, книги уже приносил. Но Капитан всё равно обрадуется.

И это, здешнее белое, она тоже заметила раньше других, сидя на подоконнике и вдыхая дым Неназванного-38: раньше спешащей с улицы Лучик, раньше двух треплющихся о всякой чуши бездельников, раньше людей, которые, шагая сейчас внизу по проспектам и улицам, ещё не ощутили лёг-

кое, но полное цикличного смысла прикосновение всё набирающих силу снежных хлопьев, падающих с неба. Они были прекрасно видны в окна семьдесят третьего этажа, где не останавливается лифт, где заперты все пожарные лестницы, где в пустых помещениях собирается пыль, потому что этаж – та же дверь, и для не умеющих ходить закрыт и вечно на ремонте. В родном задверье тоже пошёл снег. И в мире живых он, конечно, смотрелся лучше.

По коридору прогрохотали торопливые и радостные шаги. Стягивая на ходу голубые, с вышитыми снежинками варежки, в пахнувший сейчас, как ресторанный зал, кабинет номер четыреста восемь ввалилась Лучик. Руки шлепнули пакет с покупками на журнальный стол. Кот, завидев хозяйку, приветственно мяукнул.

– Это мне? – восхитился Курт и сунул нос в пакет.

– Наивный, – сказала с подоконника Четвёртая.

– Ладно, согласен на половину. Чёрт, макароны!

Пока он ловил их, убегающих из кастрюли, пока помещивал, снимал, чтобы слить воду, Лучик успела восторженно поделиться – снег! Четвёртая кивнула на окно и чуть приподняла штору, чтобы и Капитан увидел.

Снег падал и падал, кружась в потоках воздуха, который чем ближе к земле, тем теплей. Он исчезал далеко внизу, где лежат проспекты и улицы, и мягко царапал стёкла, привлекая внимание офисных трутней, что прекращали терзать те-

лефонные трубки, оставляли сигареты и сплетни и прилипали к окнам – толстые, самоуверенные руководители отделов, и робкие юные стажеры, и броско покрашенные девицы в коротких юбках, и до сей поры скучавшие у кофейного автомата мужчины в галстуках, и педанты, и трудяги, и лентяи, и болтуны. Что-то загадочное и полузабытое, родом из детства и всех когда-то услышанных сказок – снег, мазки заколдованной краски, облекающие серые дома в сливочный крем и глазурь, превращая каждый из них одновременно в торт и дворец. Снег прикасался к асфальту и земле обессиленным и полурастаявшим, но тучи обещали своей тяжестью, что снега будет много, и он уже начинал забивать свежим запахом затхлую вонь закоулков и мешать его с выхлопными газами. Наряженный в ожидании праздников, огромный город наконец-то удостоился самого последнего штриха – самого главного украшения, которое при всех своих умениях человек был ему дать не способен. Самого прекрасного, оттого что здесь оно было рождено доброй к человеку стихией.

К овощам и мясу добавились базилик с сушеным чесноком. Курт повернул ручку маленькой электроплиты, уменьшая накал конфорки, и опустил крышку обратно.

– Ещё минут десять, и можно лопать. Добавлю только макароны. Вы так осаждаете окна, как будто там парад. Снега не видели, дикари...

С подоконника свесилась нога Четвёртой, одетая в ярко-розовый тапок с болтающимся на шнурке пушистым пом-

поном. Кот, хищно глядя на этот в высшей мере привлекательный в плане охоты манок, настороженно подобрался, мигом забыв про гладящие его руки, спрыгнул с коленей Капитана и начал подкрадываться. Нога с тапком качнулась туда-сюда и замерла.

– Откусит, – громким шепотом предупредила Луч.

– Ничего, – сказал Капитан. – У человека, как правило, две ноги. Природа предусмотрела на подобный случай.

Вареник совершил победный рывок и, довольный, вцепился в сдёрнутую со ступни добычу. Четвёртая и Луч рассмеялись.

– Глупый кот, – сказал Курт. – Мясо же вкуснее. Или уже не хочешь?

Капитан поднялся с кресла, чтобы помочь накрыть на стол.

Курт готовил не хуже Джера, бывшего тогда шеф-поваром в столовой для сотрудников, – это обнаружилось в один из первых же, ещё с инструктором, рейдов за локальную дверь. Курт пошуршал в кустах под соснами, а потом выбрался, весь в осыпавшейся рыжей хвое, и понёс что-то в охапке к костру, у которого Террье ждал проходившую по вехам от открывшейся за десять километров отсюда двери группу Капитана. Инструктор теперь достал из рюкзака три железных банки с рагу и приготовился вскрыть их, чтобы разогреть в котелке над огнём, но Курт крикнул ему, чтобы он подождал, и кивнул на то, что держал в руках. Капитан по-

думал, что Террье сейчас отругает предприимчивого неофита, но инструктор только проверил биоблоком, безопасна ли принесённая Куртом еда, и, подвинувшись на бревне, где сидел, уступил Курту место у котелка. Может, причина была в том, что дверь была локальная, а, может, и в том, что Террье тоже обращался с правилами несколько вольно, но инструктор даже помог промыть водой из фляг найденные Куртом белые грибы и собрать голубику и бруснику с пучка сорванных веточек. Курт порезал грибы и потушил их с ягодами, добавив в котёл немного воды, а потом вывалил к ним консервированное, мясное с картошкой рагу. Стандартный паёк Идущих обрёл вдруг вкус совсем ресторанного блюда. Впятером они смели его вмиг и опомнились только тогда, когда их ложки застучали по дну пустого уже котелка. Террье похлопал Курта по плечу и сказал, что Капитан должен беречь такого подчинённого. Но Капитан и раньше это знал. А вот новость о кулинарном таланте оказалась внезапной.

Макароны с мясом тоже вышли отличными. Кот, заполучив-таки припасённый для него Куртом сырой кусок вырезки, удалился с ней под ёлку. Дикая память, подумал Капитан – о тех временах, когда жил в лесу и безопаснее всего ощущал себя, скрытый ветвями или корнями. «А некоторые садятся за стол и зарываются в книжки», – припомнил однажды сказанное ему и усмехнулся. Рыжая как раз раздобыла для него где-то четыре новых в коллекцию. Страницы ещё хранили мёрзлое ощущение далекой суровой зимы. Их шо-

рох был неуклюжим, как будто книги очень давно не открывали – как будто бумага, сцепленная воедино в твёрдый блок, очень долго спала. За какой контрафактной дверью эти книги лежали, Капитан не спросил. На рыжую уже было бесполезно ругаться – правонарушитель со стажем, к тому же, Капитан был ей очень благодарен.

Он поправил большой зеркальный шар, висящий на еловой ветке, и посмотрел на своё выгнутое отражение: седоватое, изукрашенное разноразмерными шрамами и нахмуренное. Потому что этот золотой шар, как ни разглядывал Капитан ель, внезапно оказался единственным – а должно было быть их два. Капитан это прекрасно помнил, потому как сам развешивал, не далее, чем три дня назад достав со шкафа запылывшиеся за год ожидания коробки с игрушками и мишурой. У них был целый набор этих шариков – по паре золотого, серебряного, красного, синего, зелёного и тёмно-сиреневого оттенков, практически точно дублирующих, по абсолютно случайному совпадению, цвета-коды Организации. «Патриотичные шарики», окрестил их Курт. Но кто теперь стащил один золотой, а то и разбил, не признался?

– Ну что, девочки и мальчики, не забудьте поставить под ёлку свои башмаки. И надейтесь, что обнаружите там не уголь.

– А вот скажи: зависит ли объём полученного подарка от вместительности обуви, заготовленной для этого самого

дела?

– Не в курсе. А что?

Вместо ответа Курт извлек откуда-то из подушечных, набросанных на ковёр недр гигантский кроссовок, больше похожий на таз, и с плохо скрываемой гордостью продемонстрировал.

– Пятьдесят шестой размер, – пояснил он.

– Вижу, что не тридцать пятый. Ты купил его или украл?

– Просто позаимствовал. Верну.

– Ну, гляди мне.

На ёлке мигнули огни включённой Капитаном гирлянды. Под ними среди сдёрнутой с нижних ветвей мишуры возился кот – то ли играя, то ли устраивая очередное гнездо. Лучик сгрузила пустые тарелки в раковину у плиты и вернулась к столу, где Четвёртая налила им всем чай.

– Главное, чтобы не жрал, – сказал Курт. – А то потом опять к ветеринару.

– Он отучился, – возразила Лучик.

– В прошлом году, помнится, доктор уже хихикал, не сдерживаясь, и был готов выписать скидочную карту. Ещё бы – постоянные клиенты... Выписал или нет, не помнишь?

– Выписал. Десятипроцентную. Но я не взяла.

Курт подавился чаем от возмущения.

– Почему? Женщина, я не для того получаю зарплату, чтобы тратить большую её часть на пилюли и докторов, на уколы

и докторов, на всякие-разные манипуляции, которые непристойно ржущие доктора совершают с некоторыми полосатыми идиотами, которые жрут всё, что низко висит и блестит, а то, что висит высоко, сдёргивают и тоже жрут...

– Он отучился, – упрямо повторила Луч. – И не обзывай того, кто не может ответить тебе тем же. Это недостойно.

– Ну, знаешь ли...

– Арахис или печенье? – спросил у них Капитан. Пожал плечами и высыпал всё в одну вазочку. За окном падал снег.

– А в лесу сейчас, наверное, красиво, – заметила Четвёртая. – Лучше даже, чем в городе.

Курт кивнул.

– На моей Горе, – ответил он.

Вареник смешно, как умеют только кошки, чихнул под ёлкой.

– Будь здоров, – сказала ему Лучик и хихикнула. – А что за Гора?

– Неужели мы тебе не рассказывали? – Курт удивился.

Младшая покачала головой.

– Это из истории про одного попавшего, – Капитан помешал ложечкой свой чай. – В Неназванный-16. Вернее, то задверье уже под официальным номером. Так вот, Гора... Хотя что это я – Гора ведь Курта. Пусть он тебя и просвещает.

– Лучше рыжая, – ответил Курт. – Она там больше видела. Рыжая, расскажи мелкой...

– А надо? – спросила Четвёртая. – Ничего интересного же.

Попавший как попавший. Гора как Гора. Правда, у Курта там была классная одежда... Соответственно занимаемой должности. Он притворялся местным служителем культа. Здорово, да? Какие перспективы...

– Издержки работы исследователей, – скромно сказал Курт.

Лучик восторженно уставилась на него.

– Ну всё, – хохотнул Капитан. – Теперь без рассказа, рыжая, ты отсюда не выйдешь.

Вареник снова вспрыгнул к нему на колени, потоптался с независимым видом и лёг. Из кошачьей пасти свесились длинные разноцветные нити блестящего дождя – будто ещё одни, уныло обвисшие к полу усы. Капитан неверяще моргнул.

– Я же не вешал на елку дождик! Где ты его откопал?

– Нет, ну это... – Курт не закончил фразы.

Четвёртая отставила чашку на журнальный столик, чтобы подняться и найти что-то в своём наброшенном на кресло пальто.

– Луч не взяла, зато я взяла, – она показала карточку, которую достала из кошелька. – Так что, может, на этот раз обойдется.

– Переварится, в смысле? – вздохнул Курт. – Или этот идиот выплюнет, осознав, что совершил большую ошибку? Чушь. Дай-ка карточку, там должен быть телефон, а то я дел куда-то свою записную книжку...

– В смысле, обойдется меньшими затратами. Скидка же.

– Ты меня подвёл, – грустно сказала Луч коту. Тот довольно зажмурился.

II

Ночью прошёл дождь, смыв следы аварии. Следы смыл, а запах оставил – он прокрался в ноздри и с готовностью отрапортовал, что ещё не так давно здесь красовалось немалых размеров пятно... кхм. Да и коммунальщики постарались, но, как видно, недостаточно. Роман потоптался у яркой заградительной ленты. Двое полицейских, заметив перекинутый через плечо бокс для фотоаппарата, поспешили к нему.

– Вы репортёр? Снимать нельзя.

Старший из полицейских, пузатый и низкорослый, напоминающий собой пивную бочку, задрал гневно встопорщенные усы к улыбающемуся лицу Романа.

– Нельзя, вам сказано! Настырные щелкопёры...

«Было бы что снимать, – подумал Роман. – Вы охраняете пустой кусок асфальта и покорёженный столб». Но, вместо того чтобы озвучить свою мысль, лишь успокаивающе поднял руки ладонями вверх.

– И не собирался. Мой журнал не заинтересован столкновением ассенизаторской цистерны с машиной нетрезвого министерского зятя. Лично я – тоже. Я заинтересован в том, чтобы пройти. На работу надо, понимаете...

– Верно, считаешь себя остроумным, парень, – полицейский недружелюбно перешёл на «ты» и значительно, как ему,

должно быть, казалось, подтянул пояс своей бело-красной формы. – Надо – так обойди.

– Но здесь короче, – мирно сказал Роман. – По этому переулку, который вы перегородили. И зачем вы его перегородили? Людям же неудобно. И почему его так плохо помыли? Воняет...

– Ты знаешь, что такое следствие, парень?

«Знаю, – так же мирно подумал Роман. – Это когда выясняется, что не министерский родственник был виноват, хотя вел автомобиль, будучи нетрезвым настолько, что я в его состоянии обычно даже не могу просто принять вертикальное положение, а шофер цистерны, у которого – вот повезло – ещё и эмигрантский вид на жительство. Или даже этот покосившийся столб – прыгающие под колеса столбы, знаете ли, вынуждают порой делать маневры. Или даже асфальт – землетрясения, знаете ли, принуждают к тому же, или неблагоприятный для министерского зятя день по гороскопу, или парад планет...»

– Я пошутил. Я заинтересован. Может быть, интервью? – и он извлёк из кармана пальто свой любимый синий блокнот с серебристым тиснением.

– Ну, парень!

Вежливо улыбающийся Роман запротоколировал реплику, пририсовав к ней грозного вида усы. Второй полицейский наблюдал за ходом беседы с деланным равнодушием.

– Нынче утром, за чашкой чая и завтраком, я имел удо-

вольствие прочесть в одной популярной социальной сети слова некоего гражданина, что поделился с другими людьми своими соображениями насчёт этой ночной аварии. Вышеназванный гражданин охарактеризовал событие и конкретно... э-э, пролитие содержимого злополучной цистерны на столкнувшийся с ней автомобиль – а частично «в», потому что разбилось лобовое стекло, как «подобное притягивает подобное». Прокомментируете?

Спасаться пришлось бегством.

Он рассказывал об этом Наташке, пока на полке возле микроволновки бурчал и шипел их почтенного возраста маленький офисный кофейник-старик. Выслушав, Наташка обозвала его дураком.

– Проблем захотел?

– Я бегаю быстро, – возразил ей Роман.

Он хохотал на бегу, прижимая к себе фотоаппаратный бокс, где уютно устроился тёплый пластиковый контейнер с обедом. За Романом, впрочем, никто не гнался – так, погрозили кулаком и отстали, но разбуженное буйное веселье остро желало выхода. Серость осенней столицы, нашедшая отражение в бесчисленных лужах, разлеталась из-под ботинок брызгами. Кто-то глухо («Э-э-э, ты...») обматерил его из подворотни, ругнулась одна из вездесущих, угрюмых, оккупирующих в ранние часы весь доступный общественный транспорт закутанных в платок щетинистых старух с кривобокой тележкой, курящие одну сигарету на троих школьники

проводили подозрительным взглядом. На проспекте за спиной низко гудели автомобили. Столица мутная, утренняя, мокрая, ворочающаяся в сырости и смоге, вялая, но не сонная, не спавшая, потому что никогда не спит, в равнодушном покрывале отстранённости, но не потому, что сезон и хандра – всё вроде было как всегда, но отчего-то чуть-чуть по-другому. Живей. День, верно, выдастся хорошим. Роман перепрыгнул через особо широкую лужу и запетлял узкими, позапрошлого века постройки ещё дворами, где на месте припаркованных сейчас широкомордых внедорожников когда-то громоздились дровяные поленницы. Вкрадчиво мигнула аптечная вывеска, прячущаяся в уголке, как вход в подпольное казино. К асфальту льнули рваные листья с отпечатками шин и подошв. В переполненной помойке возились коты. Было в этих замусоренных дворах какое-то упадническое очарование, говаривал Колобок, оправдывая такими словами своё нежелание раскошелиться на аренду офиса в каком-нибудь месте почище, но меж тем некоторые с ним соглашались. Наташка в том числе – ей было ещё и удобно, она жила в соседнем квартале. Она вообще со многим соглашалась, главным образом потому, что обладала мягкостью и повышенным дружелюбием, но вот сейчас почему-то не одобрила.

– Дурак! Не имеющий, к тому же, никакого представления о тактичности. Много, можно подумать, радости для полицейских позировать всяким острякам, которые потом разме-

щают их фотографии с подписью «фекалохранители».

– Где такое? – Роман тут же заинтересованно вскинулся.

Наташка вздохнула.

– Ну, вот... и вот... – она пощёлкала клавишей.

– Ха... Гениально! Теперь ясно, отчего они не в настроении. Видели, наверное.

– Наверное. А ты – как дикий.

– Мне пойти и попросить прощения? Главное – за что?

– Сиди уж, штатный писака...

Она окучивала одну пожилую библиотечницу, носившую на бородавчатом носу толстые очки и утверждавшую о явлении небезызвестного поэта, что еженощно шарился у них в хранилище и протяжно, на всё здание, вздыхал. О звоне призрачных цепей, как в прошлом наташкином случае, имевшем место в каком-то плесневелом винном погребе, и таинственном опорожнении бутылок речи не шло – поэт вел себя пристойно. Поэта, говорила библиотечная дама, сильно расстраивает его последнее переиздание – там, где свежее выпеченные в институтской печи корректоры-троечники наделали ошибок в «жи-ши». Романа, невинно встрявшего с предложением утилизировать предмет печали, Наташка зашикала: книга, как-никак, кощунство. Он сделал вид, что обиделся, и отхлебнул из кружки. Библиотечница вещала насморочным голосом с монитора, дрожала и шла помехами, на почте сыпали письмами контактёры, шеф за стенкой раскладывал пасьянс и чихал: простудился. Сон-

ные сотрудники, позевывая, ковырялись в носу. На остатках сливаемого в горшок кофе ненормально ярко зеленела аретка. Роман подумал об аварии и тут же сочинил историю, которая как раз сгодилась бы в следующий номер: призрачный грузовик, выехавший из утреннего тумана на встречную полосу и ставший причиной автокатастрофы. Руки уже сами набирали заглавие: «Таинственное происшествие в горах». За окном потянулся дым сигареты охранника.

Колобок наконец выкатился из своего кабинета – в сортир, должно быть. Нос у него был красным и распухшим. Прогундосив что-то вроде «дрянь погодка», он протопал в коридор, где принялся громко сморкаться. Наташка поморщилась на трубные звуки. Простуда, похоже, в обмен на красный нос забрала у Колобка добрую половину его всегдашней свирепости: с утра он ещё ни разу ни на кого не нарычал. Возможно, он просто понял, что любое рычание с таким состоянием вышло бы смешным, а не пугающим.

Наташка, закончив с библиотекаршей, довольно потянулась. Раздел «Городские легенды», который она с недавнего времени единолично вела, пополнился на ещё одну историю.

– Не кисло и не сладко, так, посередине, – сказала Наташка. – Но на фоне откровенной кислятины о самодвижущихся мусорных бачках вполне годный материал. А ты там как, писатель? Сочиняешь про рыб?

– Про рыб пока на стадии рисунка. Дальше застряло.

– Покажешь? Может, придумаем вместе. Токсическое за-

грязнение, к примеру...

– Было уже. Сначала щуки, потом сомы и гигантские скалярии в канализации. Ну, те, которых милый мальчик смыл из аквариума в унитаз. Надо что поновее... или постарее. Благополучно забытое. Чтобы казалось новым. Ну вот, смотри...

Вместо нужной статьи он пока только нарисовал в блокноте рыбу – вынырывающую из воды пятнистую форель в разных ракурсах. Форель вышла, Роман знал без ложной скромности, вполне себе неплохая: обросшая водорослями, громадная и зубастая. В одном варианте у неё в желудке находили чьи-то пальцы, в другом – прабабушкин клад.

– Здорово, – оценила Наташка.

– Но что с ней теперь делать, вот вопрос. Снова пускать в озеро, на берегу которого воняет химзавод?

– Или вернуться к благополучно забытому, – сказала Наташка. – Архаичный вид... а?

Роман посмотрел на неё, на блокнот, на ручку, почесал затылок, вдруг улыбнулся и принялся рисовать.

– Кистепёрая форель, – сказал он, возвращая исправленный рисунок. – Поймана в реке такой-то. Чудом сохранившееся древнее звено эволюции. Перебегает на плавниках из речки в речку, если предыдущая слишком загрязнена купающимися столичными туристами и их привычкой жрать водку прямо в воде. А рыба – не дура, чего ей плавать там, где вместо воды спирт, добавок палёный...

– Сделай свою рыбу ещё и бионическим роботом, запущенным в наши реки любознательными пришельцами – и вперед, на четыре страницы. Я прикинусь выловившей эту рыбу местной жительницей, а ты сможешь прикинуться крупным профессором и меня расспросить. Только для большей аутентичности мне, наверное, следует сочно ругаться матом и дымить какой-нибудь самокруткой.

– Ага – запущенными на предмет изучения, то есть, изумления тем, сколько в наших реках всякого мусора плавает, включая тех самых туристов... Не надо дымить и ругаться! Ты слишком милая. Лучше я сам изображу неотёсанного деревенского рыболова. Я умею: «Э-э-э, ты...», перегар и звяканье бутылки в кармане штанов...

– Веселимся, – гнусаво произнес над ухом Колобок. – Гм...

Он придирчиво изучил рисунки своими маленькими заплывшими глазками. От шефа несло эвкалиптовыми каплями и чесноком.

– Кистепёрая форель, – объяснил Роман. – Неизвестный науке сохранившийся с древности вид. Хищник. Жрёт приманку, поплавки, удочки, ступни и пальцы. Внучка приехала к бабушке в деревню. Лето, солнце, пастораль, ласковые воды речки. Кто-то не вернется в целом виде.

– Не зря штаны просиживаешь, – благостно сказал Колобок и отчалил.

Наташка широко улыбнулась, показав большой палец. Ро-

ман подмигнул и написал в блокноте «Спасибо».

Извозчика сегодня не наблюдалось. Обычно он парковал свою чёрную громадину под липой и ждал, сидя внутри, когда выйдет Наташка. Потом они укатывали куда-то на обед – куда, Роман не знал. Но он давно мечтал проколоть как-нибудь чёрной громадине шины и нацарапать гвоздём на боках и капоте что-нибудь ругательное – или так хитроумно подпилить ствол старой липы, чтобы она грохнулась аккуратно на крышу.

До того, как в машину сядет Наташка, конечно.

Он разогревал в микроволновке плов, купленный по пути на работу в столовой, и смотрел, как с липы опадают листья. Кто-то на время обеда включил телевизор – никаких новостей об аварии там ожидаемо не было. Вместо этого передавали про любительский шахматный турнир. Не то, чтобы Роман особо интересовался подобными вещами, но он подошел к маленькому экрану поближе и изучающе уставился на фигурки на клетчатой доске. Они были выполнены не в виде привычных шахмат, но изображали две крошечные человеческие армии. Миниатюрные лица, одежда и оружие оказались выписаны с удивительной точностью. «Вот же умельцы делали», – подумал Роман, смотря уже рекламу, на которую прервалась передача: та самая мирная деревня с речкой, куда Роман, уже почти закончив статью, поселил своих архаичных рыб, и бегущие по полю, взявшись за руки,

дети, мальчик и девочка. За лесом на горизонте виднелись высотные здания города – сплошь зеркальные башни-небоскребы. «Сохранение традиций вместе со стремлением в будущее», – вещал какой-то банк, предлагающий мега-выгодный кредит. Уж лучше бы сделали вместо кредитов рекламу молока или сметаны – на таком-то пасторальном фоне.

– Я в детстве летом тоже отдыхал у бабушки в деревне, – поделился Роман с Наташкой.

Та, доедающая свой фруктовый салат, отреагировала с внезапной грустью.

– А я не знаю, что это такое. У меня не было деревенских родственников. Как здорово, должно быть, купаться в речке днями напролет и собирать с деревьев яблоки. И звёзды там видны во все небо. Правда?

– Правда, – сказал Роман. – И, не к столу будет сказано, со всех сторон душисто пахнет навозом.

Наташка уронила подцепленный ложкой кружок банана и расхохоталась.

– Вот так вот, – довольно ухмыльнулся Роман. – Тебе не к лицу грустить, подружка. Ну, деревня и деревня – парки тоже хороши. Кстати...

Он снова хотел пригласить её, и снова ему этого не дали. Где-то злорадно захихикал извозчик в чёрном авто.

– Рёмин, – вдруг, приоткрыв дверь своего кабинета, пробасил Колобок. – Зайди-ка.

У шефа, конечно, был сволочный характер, но от закон-

ного обеда он никого ещё и никогда не отрывал. Более того, он сам ещё ел жутко жирный по виду бульон в керамической чашке, когда Роман зашёл в кабинет и, следуя кивку, от которого обширные щеки шефа качнулись, как желе, сел в кресло для посетителей. Бульон тоже вонял чесноком.

– Статью за сегодня закончу, – на всякий случай сказал Роман.

Шеф отмахнулся и хрюкнул.

– Я не об этом, писатель.

На рабочем столе Колобка, таком же массивном и грубо слеппленном, как его хозяин, лежала стопка офисной корреспонденции. Письма вездесущих контактеров – тех из них, кто не особо ладил с нынешним компьютерным веком в силу возраста или эксцентричности – вперемешку со счетами за воду и свет. Насколько Роман помнил, никто из сотрудников, включая самого шефа, ни разу не получал в офис личных писем. Оттого он очень удивился, когда шеф извлёк из неряшливой груды потёртого вида желтоватый конверт и вручил Роману.

– Да, я тоже удивлен, писатель. А ещё больше удивлен той шифровкой, которую вы тут с твоей дамой надумали. Любовные послания, конечно, вещь неотъемлемая в брачных ритуалах хомо сапиенс, но зачем ты дал ей свой рабочий адрес, который она, к тому же, так перековеркала?

– Чего? – Роман тупо смотрел на конверт.

– Чего-чего... Не знаю, как почтальон ещё не отнёс в дру-

гое место по ошибке. Разве что твоя дама сердца сама ему это письмишко в руки всунула и объяснила. Дурошлёпы! – шеф сердито завозился, ища салфетки, чтобы промокнуть вечно потеющее лицо. – Романтики недоделанные! Сами такие же кистепёрые, как твоя рыба. Про электронную переписку вы ничего не слышали, да?

И, пока Роман всё так же недоуменно таращился, коротко бросил:

– Чтобы подобного больше не повторялось. В следующий раз я его просто порву. Уяснил, писатель? Свободен.

Испортив всё грозное впечатление, Колобок вдруг сморщился и чихнул. Роман сказал сначала «Ага», потом – «Будьте здоровы», встал и, забыв от ошеломления поблагодарить, вышел из кабинета. Рука, зажавшая письмо, казалась ему чужеродным механизмом, протезом. Какая ещё дама сердца? Какие ещё послания?

Наташка уже пила чай и сплетничала с сотрудницами. Сюжет про шахматы закончился – теперь в чаще леса там шныряли серые дикие кошки. Большая, на весь экран строгая желтоглазая морда смотрела прямо на Романа. А он опять посмотрел на письмо. Ему внезапно захотелось прочитать странное послание там, где никто не увидит.

Роман сделал вид, что ищет на своём столе бумагу для печати. Пожав плечами, он пробормотал: «Закончилась» и направился мимо сгрудившихся у микроволновки и телевизора коллег в коридор. Там он, оглянувшись на охранника

у турникета и силуэты курящих на улице людей, – на голове капюшоны, вид нахохлившийся – проскользнул в подсобку и закрыл за собой дверь на щеколду. Зачем щеколда в подсобке, Роман особо никогда не вдумывался, но сейчас возможность запереться от чужих любопытных глаз пришлась как нельзя кстати.

Из-за стены, соседствующей с мужской уборной, донесся шум спущенной по трубам воды. В подсобке, слабо освещённой дохлой пыльной лампочкой, было тепло от боковой батареи и тихо. Роман присел на нераспечатанную ещё коробку с блоками листов А4 и наконец поднёс конверт к глазам, чтобы рассмотреть, кто это прислал ему письмо и что там за, как выразился шеф, «шифровка».

На жёлто-серой, твердой и толстой на ощупь бумаге расплывались буроватые пятна и нечеткие следы грязных, захватывших уголки пальцев. Один из углов конверта был черным, будто обугленным. Интересная текстура, подумал Роман, – прямо под письмо с какой-нибудь войны. Он потёр уголок, предполагающийся обгоревшим, и изумлённо посмотрел на окрасившуюся подушечку пальца. Потом поднёс конверт к лицу и понюхал. Бумага слабо пахла гарью. Но самым странным оказались строки: пришедшее на офисный адрес письмо вовсе не предназначалось Роману. Оно было написано им самим и самим же, судя по всему, отправлено, только на грязной бумаге конверта стоял, алея, как кровавый оттиск, почтовый штамп «Вернуть адресанту».

Письмо было без марок. Зато с очень знакомым почерком, – своим собственным. Роман покрутил письмо так и смяк, в ещё большем недоумении пытаюсь понять, что это за ерунду подсунул ему скотина Колобок. Сегодня же не День дурака, в самом деле. Да и подозревать в розыгрышах того, в ком чувства юмора меньше, чем в чайнике, как-то очень нелепо. Но вот же он, свой собственный почерк письма, которое Роман не писал – он вообще не писал бумажных писем уже лет тринадцать, как раз с того возраста, когда был ребенком и скучал зимой по живущей в деревне бабушке. Она, знал Роман, все его письма, состоящие скорее из рисунков, чем из букв, бережно хранила в деревянной шкатулке вместе со своими бусами. Но он никогда не отправлял ни ей, ни кому-либо другому послания в таком странном конверте даже в то время детства.

Да – ни кому-либо другому, особенно с именем Милена. Никаких Милен среди знакомых Романа в жизни не водилось.

Роман снова бегло перечитал адрес пункта, из которого письмо якобы было отправлено: «... восьмой пехотной... им. Дж. Странника... шестнадцатая дивизия... Южный фронт, до востребования». Бедняга почтальон. По-хорошему он должен был плюнуть на этот бред и просто выкинуть письмо в помойку. Но ведь... Роман уставился на серую от пыли лампочку и прищурился, разглядывая нить накала. «Странник» – это же его журнал, восьмой – номер дома, в ко-

тором располагается офис, переулок – Пехотный, а прилегающая улица – правильно, улица Шестнадцатой дивизии, что-то такое из революционного прошлого, когда вместо автомашин были кони, а вместо танков – тачанки. Из первой революции, или же из второй, а может, и из третьей – поди разбери, прошлое у страны было бурным. Из эпохи сначала серо-жёлтых, а потом белых и красных полотнищ. И Южный вовсе не фронт, а район столицы. Южное трамвайное кольцо, Южное метро, совсем не южная осенняя слякоть. Фу-ты ну-ты!

А это «воен. кор.» чего стоило – форменное издевательство. Роман фыркнул и с досады пнул валяющуюся на полу пустую пластиковую бутылку. словно попытка приукрасить действительность. Спрятать нечто стыдное. Ну какой он военный корреспондент? Он...

На адрес незнакомой Милены будто что-то пролили. Что-то бурое и выцветшее, похожее на краску. Или на горячий шоколад. Или на кровь. Роман коснулся и тут же одёрнул указательный палец. Чернильные строки размыло, но ещё можно было различить сплетения некоторых букв и, возможно, слова: «сель», «круг», «он», «ом». И цифры – Роман рассмотрел четверку и двойку. А вот штамп был ярким – пылающе-красный, бескомпромиссный и злой. «Вернуть адресанту». Когда письмо возвращают отправившему его?

Когда принимающей стороны не найти. Когда её, возможно, больше не существует.

Или когда написан неправильный адрес. Когда он вот так чем-то заляпан. Роман снова фыркнул и усмехнулся. Да к черту эти загадки! Он ловко и аккуратно – сказала память рук, когда-то так же открывавших многочисленные письма от бабушки – надорвал плотный конверт, чтобы достать письмо.

Но в конверте ничего не оказалось.

Роман засунул в него пальцы и пошарил, потом поднёс к лампочке и посмотрел на просвет, всё ещё не веря, что оказался в положении жертвы мошенника. Лихорадочно осмотрел надорванный конверт на предмет предыдущих вскрытий и заклеивания, но ничего такого не обнаружил. Толстая потёртая бумага выдала бы следы клея и посторонних сгибов. Идиотский розыгрыш! Роман разозлился. Он поднялся с коробки и, рывком отодвинув щеколду, вышел в коридор, намереваясь спросить у шефа, кто ещё трогал его письмо и не выцарапал ли тот сам вложенный в конверт лист каким-то хитроумным способом, чтобы посмеяться над подчиненным и его «любовной перепиской». Роман уже думал о письме – «своё».

– Прочитал? – сказал Колобок, направляясь с платком в руке мимо Романа в уборную – сморкаться. – Ромео отороженный. Что за язык вы сочинили для шифровки? Как третьеклассники, ей-богу.

Придумали язык? Роман остановился, не успев даже раскрыть рта, чтобы задать шефу вопрос о пропавшем из кон-

верта письмо. Но там же все слова нормальные... Он скосил глаза на конверт и обмер.

Чернильные строчки собственного почерка слиплись в совершенно нечитаемую кашу. Только имена оставались понятными, хотя и... по-другому написанными. А в остальном язык, как нелепая пародия на свой, родной, привычный, был чужероден, неуклюж и незнаком.

Что это такое – «урлхыг»?!

– Обед, кстати, кончился, Рёмин, – прогнусавил Колобок за спиной.

Роман кивнул в пространство. И пошёл.

– Я видел! – зывал пожилой контактёр.

Как он прорвался мимо охранника, оставалось загадкой. Но стоял теперь на пороге их офисного помещения, мокрый от дождливой мороси, взъерошенный и обалделый, как кот, которому дали куснуть целую куриную тушку, а потом отобрали. Этот контактёр был «приличным» – нормально одет и не вонял. Лучезарно улыбающаяся Наташка устремилась к нему с диктофоном наизготовку. Может, сразу выключит, привычно подумал Роман, – зависит от того, какую ахиною понесёт этот взволнованный почтенный джентльмен.

Охранник возник за спиной контактёра, не меньше обалделый от того, что кто-то чужой проскочил в здание, а он и не заметил. Снова. В правой руке охранника, на сбитых костяшках пальцев которой было наколото «ЗЛОЙ», чер-

нел прямоугольник шокера. Ему ещё ни разу не приходилось пускать шокер в ход. Роман понадеялся, что не придётся и в этот.

– Я видел!

Колобок предусмотрительно закрылся в своём кабинете. Роман мысленно похвалил этого простудного труса и устремился следом за Наташкой, чтобы в случае чего оттолкнуть её в сторону. Вытаращенные водянистые глаза контактера блуждали по лицам опешивших сотрудников.

– Видели что? – Наташка облизнула губы и нажала на кнопку записи.

Контактёр шумно сглотнул.

– Видел, как в воздухе исчез человек!

Выдав эту громкую тираду, контактер сразу сдулся и сник. Кто-то принёс ему стул, на который контактер тяжело опустился и мигом стал обычным стариком вроде тех, которые носят кепи с козырьком, потёртые брюки и вставные блестящие зубы. Старик благодарно отпил воды из стакана, поданного Романом, перевёл дух и добавил:

– Просто растворился. Шаг – и нету.

Наташка поддела ногой кресло на колесиках, выволокла его из-за стола и села напротив контактера.

– Расскажите, пожалуйста, всё по порядку. Как вас зовут?

Старик представился Иваном Власьевичем и принялся рассказывать. Охранник убрал чёрный шокер, сходил, по-видимому, закрыть входную дверь и вернулся. Сотрудники

столпились вокруг плотным полукругом. Шеф тоже высунул из кабинета свой толстый лоснящийся нос. «Пророк и апостолы», – подумал Роман и чуть не рассмеялся. Он сразу забыл про конверт, который походя опустил в карман висящего на вешалке пальто.

Сюжет оказался простым: старик благопорядочно выгуливал пса в рощице чахлах полуоблетевших берёзок, находящейся тут же, в соседнем с офисом «Странника» тихом дворе. Чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что всё действительно было благопорядочно и не нарушало городского закона о выгуле домашних питомцев, Иван Власьевич продемонстрировал лежащий у него в заплечной сумке завернутый в целлофан совок и не использованный ещё по назначению бумажный пакет с улыбающейся собачьей мордой и широкой надписью «ЗА ЧИСТОТУ СТОЛИЦЫ». Но у Дружка, добавил старик, как будто извиняясь, не всегда всё бывает ладно с пищеварением, потому что и он уже далеко не молод и не особо здоров. Вот и сегодня они уже по десятому разу обходили рощицу вокруг, дожидаясь, пока старческий организм пса проснётся и заработает, когда Иван Власьевич заметил того человека.

– Он просто шёл между деревьями по тропинке, где срезают дорогу через двор все прохожие. Просто шагал – совершенно обычный мужчина.

Старик с Дружком как раз отошли в сторону за кустами ивняка – пес обнюхивал трухлявый пенёк, на котором были

метки собратьев, хозяин достал из кармана очки, чтобы надеть их и посмотреть, сколько времени. Мужчина шёл чуть поодаль мимо них. Он шёл и вдруг исчез – прямо перед глазами.

– Это случилось, когда он был на середине тропы. На небольшой луже поперёк неё, когда я подбежал, ещё расходились круги от вступившего в лужу ботинка. В воздухе пахло одеколоном, но человек испарился. И, вот ещё что...

Контактёр понизил голос и чуть наклонился вперёд.

– Земля вся раскисла от слякоти. На тропинке было много следов. Но мы с Дружком, когда были моложе, каждые выходные на даче ходили в лес на охоту. Я ещё умею различать старые и новые следы, приглядываться. Я сразу увидел самый свежий след, ведущий как раз до лужи, – крупные ребристые подошвы. После лужи этих отпечатков не было. На земле вокруг – тоже.

Потом старик достал из сумки такой знакомый Роману по яркой обложке и витому шрифту последний номер их журнала и потряс им в воздухе.

– Я читаю вас уже пять лет. Внучка смеётся – говорит, что я полоумный... А я всегда знал! Скажите, что это было сегодня? Что это такое?!

Наташка остановила запись и потёрла правую щёку. Колобок произнёс что-то вроде «Гм». Контактёр обвёл всех глазами.

– Не верите? Я могу показать вам следы, пока их не за-

топтали! А фамилию мою напишете?

– А где Дружок? – спросил Роман.

Иван Власьевич открыл было рот и замер.

– Ой, – огорчённо сказала Наташка. – Он что, тоже исчез?

Старик сорвался с места и, толкнув охранника, кинулся к выходу, где принялся тщетно крутить ручку запертой двери.

– Да нет, – ответил за контактёра Роман. – Дружка просто забыли. Там же, в рощице. От нахлынувших эмоций.

Охранник поспешил помочь старику открыть дверь, и Иван Власьевич тяжело зашлёпал по опавшим листьям. Журнал он по-прежнему сжимал в руке. Сотрудники смотрели ему вслед из окошка.

– Думаю, Дружку вполне хватило времени, чтобы... гм, – сказал Роман. – Пригодится пакетик. А этот ещё вернётся.

Колобок, отставив приличия в сторону из-за форс-мажорного происшествия, громко высморкался в платок.

– Я надеюсь, что он вернётся, Рёмин! Потому что никто из вас, дармоеды, не догадался взять у него номер телефона.

– Он ведь живёт в соседнем дворе, – сказала Наташка. – Найдём, если что. Итак... человек шёл и исчез. В который раз. Ваши предложения, коллеги?

Все завозились и разом заговорили.

Роман насчитал пять привычных идей о дырах в пространстве, две – о похищении чем-то чужеродным и опасным, и ещё две – о призраках. Следы и лужу в последнем

случае предлагалось проигнорировать. Но это была неплохая, ничуть не кислая история, несмотря на частый сюжет – последняя статья о таинственном исчезновении была в позапрошлом выпуске, однако такие истории, вне зависимости от их количества и повторяемости, были универсальной приправой и всегда принимались благосклонно. Наташке повезло – ещё ей в «Городские легенды». Вот старику померещилось сослепу. Оставшийся запах, следы – как же, знаем, проходили... Стандартный набор свидетельств. Роман потоптался у темнеющего окна, высматривая контактёра и собаку. Но вместо этого вдруг увидел другое – своего давнего незнакомого недруга.

Чёрный автомобиль мелькнул за окном широкой блестящей крышей и аккуратно припарковался под липой. Мерзкий, отвратительный пижон. Тебе бы так исчезнуть...

– Весёлый выдался денек. И быстрый. Смотри-ка – уже почти пять вечера, – сказала Наташка. Она тоже заметила автомобиль и сразу как-то по-особенному заулыбалась.

III

Своих снов он не запоминал.

Никогда, ни разу.

Выходил из них, как из реки, и отряхивался – с первой же нотой будильника, без будильника, по привычке, но всегда в шесть утра ровно. Это воскресенье не было исключением – он открыл глаза и тут же поймал взглядом острую, чуть подсвеченную люминесцентным короткую стрелку часов, указывающую на изогнутый хвостик шестёрки, глубоко втянул в себя тёплый тёмный устоявшийся воздух комнаты и сразу ощутил в ней постороннее: прохладу. Наводящая на мысли о влаге, но сухая и колкая, она шла с улицы и ясно говорила об одном – ночью выпал снег.

Ян потёр ладонью щёку и повернул голову к затемнённой шторой окну. Вечно горящий за ним рыжий фонарь над подъездом пересекался теперь неспешно текущей штриховкой – смутными тенями снега, похожими на падающие из выпотрошенной подушки крупные и лохматые перья. Рука потянулась к мельтешащим теням – в не ушедшей ещё скованности полудремы её обладателю показалось, что до снега можно дотронуться, не вставая, – и случайно задела стоящую на тумбочке фотографию. Этого хватило, чтобы ощутить реальность полностью и проснуться. Этого хватало всегда.

«Доброе утро», – подумал Ян и погладил стекло на том

месте, где под ним должны были прятаться лица. Некоторое время понаблюдал за таинственным, тихим, почти бесплотным порханием по ту сторону задёрнутых штор, послушал воздух, который дрожал от идущей с улицы свежести, поскрипывание обоев, мерно капающий на кухне кран. Домашние, мирные звуки, только теперь ставшие глуше из-за снега. Зима наконец наступила – сжиратель голосов, безмолвие, но не по календарю, а тогда, когда высыпалась с неба на землю.

Колено, такое чувствительное к смене погоды, сегодня отчего-то помалкивало. Поэтому Ян рискнул: выпростал ногу из-под одеяла и пошарил на холодном полу, разыскивая тапки, и, может быть, вылезшее наконец чудовище – не с нулевого этажа, но безобидное, из детства, которое подкармливал когда-то речными ракушками и разведённой в молоке гуашью. Потом поднялся и подошёл к окну, волоча за собой одеяло, как шлейф. Штора тяжело качнулась под рукой Яна, и он вдруг вспомнил, что не смотрел в окно месяца три. На кончиках пальцев осталось мягкое и невесомое крошево – пыль.

Город с ничего не значащим названием чернел сквозь снег – много-много типовых многоэтажек, унылых, безликих, как необтёсанные, брошенные тотемные столбы, слепых и грязных. Двор весь покрылся белым, словно поседел. На крышах и капотах автомобилей осели небольшие холмики. Железную горку кто-то снова успел развалить, паскуда,

и растоптать весь штaketник у клумбы, а потом в глаза бросилось то, что приподъездная урна валяется на боку, вывалив свое содержимое, а на скамейке заledenела в пролитом пиве бутылка. Вид привычной заоконной мерзости принёс спокойствие: мир за шторами был стабилен.

Что заставило его когда-то выбрать местом для жизни – местом, куда через дверь приходишь поспать, где ни разу не видел соседей и откуда даже не выходишь на улицу – этот унылый замусоренный сгусток каменных сот, брошенный волей строителей прошлого века в край лихорадки, болот, разбитых дорог, комаров и повального алкоголизма, Ян не знал – подозревал только смутно, что так говорит память детства. И врождённая неприхотливость, даже равнодушие – ведь впервые за три месяца он сегодня выглянул в окно. Привлекли эти танцующие тени, а то бы так и забыл, какое в этом, настоящем для него задверье, нынче время года. Впрочем, широта с главным зданием всё равно почти одинаковая – только вот ни там, ни здесь снег пока ещё не шёл. Какая-то слишком тёплая, поздняя выдалась эта зима – затаившаяся, загостившаяся осень, пригревшаяся у батарей, спящая на дне широких луж, в кучах бурых листьев, в голой гуще кустарника... Но теперь, наконец, всё в порядке, кажется?

Потягиваясь, он отошёл от окна и заправил кровать, делая это, как всегда, с офицерской педантичностью: ни вмятин, ни складок, ни топорщащегося покрывала. Этажи над ним

ещё крепко спали – оправляя плотную ткань, Ян, привычно обострив слух, ощущал спокойный звук дыхания множества людей, поскрипывание, когда кто-то переворачивался с боку на бок, более неровный и тонкий сон домашних питомцев. Фазы сна ранним утром, медленные и глубокие, не несли видений и кошмаров, поэтому именно в эти часы дом был мирным, как никогда. Ещё один повод встать пораньше – послушать многозвучие тишины. Если бы среди Идущих вдруг обнаружился композитор, он бы непременно переложил её однажды на музыку.

В ванной комнате Ян, как ему иногда случалось, застыл минут на пять перед зеркалом, вдумчиво рассматривая светлый шрам на носу. Экая невидаль – шрамы, Капитан вон ими разукрашен, словно жертва пыток, и не жалуется, да и собственные руки, точнее, пальцы... а тут на лице всего один, ровный, совсем ювелирный – и такое болезненное, возникающее всякий раз при взгляде на него чувство неприятия. Пора бы уже забыть тот день, когда он был получен, но попробуй-ка, если каждое утро видишь напоминание. Ян поморщился, отражение его спародировало, бритва вкрадчиво прихватила кожу на подбородке. В батарее булькнула вода.

На кухне он сделал себе крепкий чай и бутерброд, трехэтажный и донельзя вредный: сыр, лук, горчица, консервированные помидоры, холодный кусок поджаренной вчера вечером грудинки и гора майонеза, всё то, за что на него так ругается Рик, когда ему случается увидеть краем глаза, чем Ян

завтракает. Мигнув, ожил телевизор, но Ян сразу же недово́льно щёлкнул кнопкой пульта – смотреть новостные ленты он не любил. А вот передача о спасении бездомных собак была гораздо лучше. Ян слушал, смотрел, ел и кивал – собаки ему нравились, те, кто их выхаживает, тоже. Открытые человеческие лица, славные пёсьи морды. Фотографию Ян поставил рядом, по правую руку, обычной утренней традицией деля с изображёнными на ней людьми свой завтрак. В углу экрана, где был логотип телеканала, крутилась маленькая, осыпаемая серебряным пиксельным конфетти ёлочка. Неделя осталась до праздников, снова кивнул Ян жизнерадостным собакам. В подтверждение его кивка пришла реклама – деревянные резные сани, катящие по снегу со звоном и шорохом, в которых сидел улыбающийся тип в красном, с белой оторочкой костюме и солнечных очках, пьющий из банки какую-то газированную ерунду неонового цвета. Курт это ярко-розовое, перенасыщенное сахаром и разъедающее желудок безобразие наверняка бы одобрил, приобрёл и употребил – а вот мы будем травиться бутербродами, подумал Ян и решительно стал делать ещё один.

Своё жилище он пока не украсил, если не считать одинокой кедровой ветки, поставленной в стеклянную вазу. Смирненно опущенная к столешнице, кедровая тёмно-зелёная лапа протягивала висящий на ней золотистый крупный шар. И шар, и ветку, и вазу Ян обнаружил позавчерашним утром у себя в кабинете. Кто принёс, осталось невыясненным.

Но кедр пах сочно и взбадривающе, а яркие блики от круглых зеркальных боков напоминали о тепле и солнце – не самая зимняя ассоциация, зато весьма приятная. Ян оставил в обмен на вазу и её содержимое записку с благодарностью. Записка исчезла – значит, дошла до адресата, кем бы он ни был. Или она. Скорее всего, всё-таки второй вариант.

Забытый им с вечера на кухонном столе коммуникатор издал короткую тихую трель: автоматическое отслеживание обновлений в базе. Кто-то что-то туда добавил, отредактировал или удалил. Кому из управляющего эшелона ещё не спится рано утром в воскресенье?

Понятное дело, кому. Даже не было нужды заходить в базу, чтобы проверить.

Ян доел бутерброд, допил чай и вымыл кружку, нож и маленькую разделочную доску. Выключил телевизор, где уже закончилась так понравившаяся ему добрая передача и замелькали хищные акулы пасти, забрал коммуникатор и вернулся в комнату, чтобы переодеться. Пока он завтракал, в доме напротив зажглось одно окно – в мутноватой, лишённой занавесок желтизне, перекрещенной сыплющим снегом, тёмный силуэт человека занимался зарядкой.

– Молодец, – сказал ему Ян, натягивая пиджак.

Электронные цифры часов коммуникатора мигнули, показывая без двадцати семь – бело-синие символы на широкой прозрачной плоскости. Бесстрастные цветом, как то, что живёт на нулевом этаже. Мерзко затянуло под ложечкой,

как всегда, когда хотелось уйти от ответственности. Сегодня днём или завтра утром, но новая неделя начинается, и туда, вниз, надо спуститься, чтобы проверить... навестить... опять увидеть. Мог ли профессор предположить, что ему оставляет?

– Чушь. И не на такое смотрели.

Силуэт из окна в соседнем доме прекратил вращательные движения туловищем, неловко качнулся вбок и исчез – будто услышал слова и принял их на свой счёт, застеснялся.

Ян собрал лежащую на прикроватной тумбочке стопку листов бумаги. Открыл дипломат, убрал туда документы, положив заодно и фотографию. Днём она тоже была рядом с ним – в одном из ящиков стола. На стол, у всех на виду, Ян её не ставил: всё-таки слишком личное. Посмотрев в гардеробное зеркало, он аккуратно поправил галстук. Облачённое в костюм отражение выглядело строгим и представительным – но в глазах вдруг мелькнуло какое-то просительное выражение и исчезло.

– На отпуск не рассчитывай.

Он забрал дипломат и, прежде чем коснуться выключателя, ещё раз окинул взглядом комнату. Скупая, спартанская обстановка её, выдержанная в серых тонах, уже казалась нежилой. Как и всегда, когда он уходил, оставляя свой дом спать, застыв в сухом оцепенении. Только вот кран этот капает, и ещё – штора...

Сделав несколько шагов, Ян задёрнул ткань, скрывая бе-

лое мелькание, оранжевый рассеянный свет фонаря и одинокое жёлтое окно. Снежные перья вновь превратились в театр теней. Так было гораздо лучше.

Статичная дверь в его прихожей вполне могла бы сойти за кладовку, где у иного хранятся лыжи и инструменты, а у кого-то – коробки с ненужным старьём, но содержала в себе кое-что куда как более объёмное, нежели комнатка метр на полтора. Из-под двери мягко тёк неяркий свет. Ян достал связку ключей, выбрал нужный, провернул в замке и нажал на ручку. Тонко щёлкнуло, снова пиликнул коммуникатор, уже свернувшийся вокруг запястья, – база проверила код вызывающего, подтвердила, выпустила через пробудившийся от дрёмы порог. Ян вышел в коридор и притворил дверь за спиной – дверь с продольной золотой полосой, слышал, как встал на место замок, и вдохнул прохладный воздух, разгоняемый кондиционерами. Неяркость дежурных ламп сменялась отреагировавшим на движение флуоресцентным светом. Он обнажил находящиеся по обе коридорные стороны и уходящие влево и вправо ряды таких же тёмных дверей. На них тоже красовались полосы – зелёные, красные, синие, фиолетовые и серые. Двери были затворены и тихи. Зато по коридору, приближаясь, шла издалека навстречу долговязая фигура.

Ян улыбнулся, хотя с такого расстояния улыбку было бы не разглядеть, и помахал своим дипломатом. Фигура ответила. Она использовала для этого кипу папок, отчего привет-

ственный взмах получился гораздо более элегантным.

– Привет, шеф!

– Рик, люди же спят, не вопи, – укоризненно сказал директор.

Заместитель ухмыльнулся.

– Я сомневаюсь, что все они спят на пороге. Кофе будешь?

Прикоснувшись, он в очередной раз поразился тому, как просто ощущается только что созданная заготовка под дверь – загустевший воздух. Ничего противного или дискомфорта, вроде электрического покалывания, холода или жара. Кончики пальцев ушли в плотное бесцветие, которое чуть подёрнулось от этого рябью.

– Затянет, – серьёзно предупредил Рик.

– Ну, а ты здесь на что? Вытащишь меня обратно.

– Вытащу, – так же серьёзно согласился зам. – А потом кто-то получит леща.

– А кто-то – приказ о своём увольнении. Но сначала я отберу у тебя кофеварку.

– Это называется – должностной произвол.

Ян скорбно развёл руками.

– Всё так, господин Прайм. А теперь нам лучше отойти и не мешать.

Подошедший техник принёс порог – маленькую белую коробочку – и, насвистывая, принялся закреплять координаты. Мобильный порог, переносной – отправится потом на оче-

редную базу, а дверь, уже привязанная к своему аналоговому вместилищу, займёт место в одном из коридоров правого специального крыла. Может, даже в отдельном блоке, где спецзащита – смотря какой мир по ту сторону. Абсолютно рутинное действие, которое ничуть не завораживало в силу своей скучной и простой технологичности, не привлекло внимания и сейчас. В отличие от самой, ещё не оформленной по правилам всех «закреплённых» двери. Дверь мягко пульсировала.

– Так и будешь на неё любоваться? – спросил заместитель.

– А что? Мне нравится. Есть какие-то другие предложения?

– Пойдём-ка, прогуляемся лучше. Там такой снегопад – красота.

– Видел уже, видел... Ладно.

Заснеженный стадион был тих и пуст. Сосновые лапы, сгибающиеся под белой тяжестью, нависали над беговыми дорожками, по центру крайней из которых петляли редкие следы. Сегодня, в выходной воскресный день, расчистки, как и тренировок, не предполагалось. Не предполагалось, впрочем, и такого погодного буйства – снег сыпал с ночи и уже слегка подустал, замедлился, сменив рьяность трудолюбивого и щедрого циклона на неспешное ленивое падение.

Он падал большими хлопьями, похожими на рваные кружева. Они тут же осели на чёрном шарфе Рика, крепко вцепившись в вязаную шерсть, и на русых волосах Яна, освет-

лив их ещё больше. Директор поискал по карманам перчатки. Заместитель вздохнул и вручил ему свои.

– Держи, забывчивый.

Ян, у которого всегда мёрзли руки, обрадовался.

– Что бы я без тебя делал...

– Вот-вот, – сказал зам. – Зато я теперь знаю, что подарить тебе к праздникам.

– Купон на курс лечения от склероза?

– Перчатки. Не меньше дюжины. И ещё каждую пару скрепить длинной резинкой и пропустить её через рукава – чтобы всегда болтались под рукой и не терялись.

– Это не солидно, – не согласился директор. – Меня же вся Организация засмеёт.

– С каких пор ты обращаешь такое внимание на мнение окружающих?

Ян зачерпнул полную пригоршню снега и принялся лепить снежок. Рик понял, что за этим последует и, поспешно отскочив на несколько шагов, последовал примеру друга. Снег был прохладным, податливым и почти не обжигал кожу.

Следующие двадцать минут они потратили на совсем мальчишескую баталию, наорались до охрипшего горла и с ног до головы вывалялись в липучих, остро пахнущих облаками и морозом сугробах. Глядя на то, с каким увлечением двое начальников, серьёзных вообще-то людей, возят друг друга по снегу, приговаривая что-то вроде «закопаю»,

или «урою», или совсем уж кровожадное «кушай, не обляпайся», кто-нибудь из низших чинов непременно покрутил бы пальцем у виска. Вот это, мол, несолидно, а не какие-то перчатки на резиночке. Но никого поблизости не было. Уже началось предпраздничное время отпусков и каникул.

В холле, рядом с четырьмя одноликими статуями, льющими воду из амфор в небольшой круглый бассейн, уже неделю как поставили ель – изумрудную, высокую, просящую своей статью и пышностью по меньшей мере золотые украшения. Но сначала Матиас, как и во все предыдущие года, развесил на ветвях конфеты – самый любимый всеми сотрудниками ритуал. Каждый мог взять, пробегая, конфетку-другую, заодно получив вместе в ней праздничное пожелание или предсказание – Матиас прятал под обёртки тонкий, аккуратно тронутый старательно вырисованными буквами прямоугольник листа.

«Много солнца». «Улыбающиеся тебе люди». «Целый торт, который съешь, и никто не будет за это ругать». Пожелания Матиаса всегда были такими же, как он сам – детскими, искренними и простыми, и от этого лишь сильнее любимыми. Доброту необязательно облекать в громоздкие и вычурные фразы. По мере исчезновения с ёлки конфеты появлялись вновь – у Матиаса в его комнатке уборщика на верхней полке шкафа, по соседству с чистыми полотенцами, стояла вместительная картонная коробка. Матиас брал из неё

конфеты, а они всё не убывали. Он считал это волшебством или, быть может, какой-то особенной дверью. Ян мог бы показать ему запасной ключ, который лежал в директорском сейфе, а Рик – рассказать, как привычно каждый год стоять на страже у двери, пока Ян заполняет коробку разноцветным и шуршащим содержимым, но это тоже был многолетний ритуал, и он тоже не должен был нарушаться.

Ян вспомнил сейчас доставшееся ему пожелание – короткое, всего из одного слова, и улыбнулся в падающие ему на лицо с неба кружева.

– Ну что ты скалишься, болезный, – сказал заместитель. – Отморозил голову?

Ян подгрёб снег себе под затылок, чтобы мягче было лежать, и не ответил.

– Так ты точно себе мозги заморозишь. Если там ещё осталось что-то. Если вообще было. Дверь тебя возьми, вставай, болван...

На зимнем воздухе у знаменитого Грозы и Ужаса всегда краснел кончик носа, что мигом стирало его обычную хмурость и холодность, делая чуть ли не милым. Он хорошо знал за своим организмом подобное предательство, отчего носил зимой длинный и широкий шарф – замотал на пол-лица, и ничего никому не рассмотреть. Не любил, когда в нём видели то, чему можно было улыбнуться. Но сейчас из-за этой школьной возни в снегу шарф сполз.

– Нос, – сказал Ян. – Да ты чудесен, господин заместитель.

– Ну, Ян...

– И почему от тебя все шарахаются? Гроза, мол, и Ужас, злобный начальник... Разок покажись им таким – сразу полюбят.

– Я тебя сейчас пошлю в непечатную дверь. С приданным пинком ускорением.

– Хватит заматываться, как обитательница гарема, – потянулся было Ян, но ему дали по рукам и велели не лапать чужие шарфы. – Ну, хотя бы здесь! От кого тут прятаться – от спортивных снарядов и ёлок?

– От тебя, – глухо произнёс заместитель в шарф. – И твоей мерзкой ухмылки.

– Смотри, я уже принял серьёзный вид.

– И всё равно не прокатит, Ян.

Ян сел и отряхнулся от снега.

– Прячешь в себе человека, – с осуждением сказал он.

– А в шарфе я кто – чудовище? – иронично спросил заместитель.

– В шарфе ты угрюмый и замкнутый тип.

– Приятно, когда хвалит начальство.

Ян фыркнул. Угрюмый и замкнутый тип протянул руку и помог ему встать.

С противоположной стороны стадиона уходила под кроны деревьев аллея, ведущая в старый парк. Отсюда было видно, что и она пуста – одни фонари и скамейки, да ещё чуть подалее, за поворотом и соснами, угадывался слабый блеск

стеклянной арки над информационным терминалом. Ян подумал, что озеро должно быть, скоро промёрзнет достаточно, чтобы сделать из него каток. На снегу беговой дорожки, помимо человеческих следов, виднелись и кошачьи – аккуратные маленькие лапки.

– Кошек развелось, – сказал Ян. – Всюду кошки. В столовой живут, в больничном корпусе живут, в вестибюле по ногам бегают... Главное, откуда столько?

– Они тоже ходят через двери, Ян.

– Шутник ты.

– Правда. Люди и кошки, а больше никто и не может. Сколько дверей у нас сейчас открыто и куда только ни открыто, а хоть бы один зверь высунулся. Ну, хотя бы мышка. Хотя бы комар или мотылёк. Глухо. Да и с нашей стороны... Помнишь старого сеттера Джерри, Уголька? Он эти двери огибал по огромной дуге, чуть ли не обползал, хотя любопытным был – страсть.

Ян рассеянно кивнул.

– Ничего не боялся, со всеми хотел общаться – что с человеком, что с пылесосом, что с корректором прочности сцепки, особенно когда он перезагружался и начинал дребезжать, как шаманский бубен. В аквариуме нос полоскал, грелся у открытого камина. А при виде любой активной двери жался, будто она собирается его отлупить.

– Ну да, верно, Рик... Только к чему ты о нём говоришь?

– К тому, что ни один из породы кошачьих, которые тут

бегают, следят на снегу и под ногами путаются, ни разу не шарахался от дверей. Они даже на пороге спят! Да ты ведь видел... И этот, полосатый, душа компании твоей племянницы... он же с ними как-то пришёл из-за двери.

– Положим, не сам пришёл, а его подобрали. Нашли, принесли. Он же дикий был совсем, лесной, хищник...

– И как же его, дикого и лесного, притащили? В охапке?

– Я слышал, что кот был сильно подраненный в драке, прятался между корней какого-то дерева, шипел и огрызался, истекал кровью, и младшая их, Луч, вдруг скинула с себя рюкзак и туда, к коту полезла. Она же его и вытащила, и перевязала, и как раз-таки в охапке, можно сказать, вынесла за дверь...

– Эта хрупкая девчушка – и на себе такую тушу?

– Ну, значит, мужчины ей помогли.

– Вот как. Но, Ян, послушай: много ли ты назовёшь других примеров, когда зверь, выведенный из-за дверей, приживался тут, у нас?

– Ни одного. Здесь ты прав. Это ведь запрет ещё профессорских времен, когда такого рода исследования заканчивались для представителей эндемичной фауны либо необъяснимой смертью на пустом вроде месте, либо они отказывались от еды и чахли, пока их не возвращали обратно... А кот поправился. Поэтому я не настаивал, чтобы они его вернули. А настаивал бы, получил бы гневную отповедь в четыре глотки... в пять – ещё же сам кот... Но я не вижу здесь че-

го-то связанного именно с кошачьим племенем. Просто повезло.

– Не «просто». Это всё ещё раз подтверждает мою теорию. А профессор что – ни разу кошек не вытаскивал?

– Наверное, нет, иначе – ну, если эта твоя теория верна – запрет был бы неполным.

Кошачьи следы, попетляв среди человеческих, все как один уходили в лес. Быть может, кошки шли охотиться на птиц и белок. Или же у них в лесу были двери, свои собственные, тайные...

– Интересно, как реагируют коты на бродячих, – сказал Рик.

– На бродячих сородичей? Гонят их прочь.

– На бродячие двери. Ни разу не замечал.

– Может, это потому, что твои хваленые кошки тоже их боятся, – произнёс Ян.

– А ты не боишься?

– Боюсь, – честно признался директор. – Боюсь, потому что не понимаю. Когда мы сумеем разгадать механизм их образования, даже не управлять ими ещё, а всего лишь разгадать, вот тогда перестану.

– Похвальная прямота, – сказал Рик. – Однако я думаю, что никаких разгадок нам не светит.

– Отчего?

– Оттого, что это вне нашего человеческого понимания. Не дозрели ещё. А, может, и никогда...

– Выговор вам, господин заместитель, за такой упаднический настрой.

Рик усмехнулся.

– Выговор надо твоей племяннице, ты знаешь, за что... Выговор, который ты, доброта ходячая, не сделал, только ласково так пожурил – да-да, я осведомлён.

– Ну, вспомнил тоже, – сказал Ян, – событие почти трехмесячной давности.

– Так ведь нет гарантий, что она снова это не сделает.

– Вот как за руку поймаем, там и посмотрим.

– Опять накормишь конфетами и по головке погладишь. Дядюшка...

– Не завидуй.

В сетке футбольных ворот среди белизны просигналило ярко-оранжевое – оставленный кем-то ещё с пятницы мяч, убедился Ян, когда, взрывая снег, подошёл поближе. Да, нескоро теперь неوفитам играть здесь на свежем воздухе... Надо бы открыть им помимо имеющихся ещё пару локальных площадок. И вернуть мяч в инвентарную спортзала.

– Погоняем? – предложил Рик.

– Это будет выглядеть, как борьба в грязи.

– Ну и что. Скажи проще, что тебе лень.

– Мне лень. Но он всё-таки пригодится.

Совсем скоро мяч был поднят, очищен от налипшего снега и превращён в снеговиковую голову, за неимением пишуще-чертящего оставленную без глаз и рта. Снеговик остался

и без рук – лезть в сосновые посадки за ветками по таким холмообразным сугробам никому не хотелось.

– Снеговик-инвалид, – подвёл итог Ян. – С головой-протезом. Вот жизнь счастливая: стой под снегом и ни о чём не думай.

– Ты опять за старое, Ян. Не хочется тебе, ну и не возись с этим контрольным графиком. Можешь оставить мне.

– Чтобы меня потом совесть заела? Нет.

– Сегодня у тебя была отличная возможность заодно отморозить и её. Почему не воспользовался?

Ян похлопал друга по плечу.

– Ты пытался развеселить меня, спасибо, но тут не в графиках дело, – Ян вспомнил о цвете цифр на часах. – Мне нужно кое-что проверить. Во второй половине дня активность дверей возрастает, и идти тогда вниз... нет, не хочу.

– Нулевой? – сочувственно спросил Рик. – А я собрался было предложить тебе добрести до озера.

– Да, – ответил Ян. – Поэтому отложим прочие гулянки до вечера.

Заместитель посмотрел на него – пристально, вдумчиво.

– Нет, – поспешил сказать Ян. – Нет, со мной нельзя. Ты же знаешь.

– Я и не рассчитывал. Просто у тебя теперь тоже кончик носа... только не красный – белый. И скулы. Как всегда при упоминании нулевого. Но за всё это время я так и не понял, злость ли у тебя так проявляется или страх.

- Если бы я ещё сам понимал, – вздохнул директор.
- Я тебя не обидел? – зам вдруг встревожился.
- Брось... Ну, я пойду.

Когда профессор создавал её, он совершенно не озаботился тем, чтобы придумать говорящее название. Ну, Организация и Организация, общность людей, которых связало странное, необъяснимое и чертовски интересное, и этих людей, и себя в том числе, он легко окрестил Идущими, а вот централизованное их объединение в плане должного наименования будто бы сознательно проигнорировал. Ян несколько раз спрашивал у него, почему. Профессор пожимал плечами.

- А не всё ли равно?

Нет, упорствовал Ян, ни разу. Он был молод и не понимал, как такое могущество может обойтись без звучности, которая обозначала бы вес, положение, силу.

– Это всё человеческие тщеславные штучки – если именование, так чтобы погромче, если смерть, то геройская. Скромней надо быть, юноша.

- Но почему тогда вы придумали название нам?

– А я ничего не придумывал, – с удовольствием отвечал профессор, глядя на недоумевающее лицо. – Потому что это не название, а свойство.

Люди-свойства имели, как все прочие, две руки, две ноги

и одну любопытную голову, иногда теряли что-нибудь из этого и умирали, ели, пили, спали, пакостили, дружили и дрались. Умели ходить через двери и не знали лингвистических барьеров. Мы, говорил профессор, могли бы быть для общества чрезвычайно полезными, если бы занимались чем-нибудь другим.

– А так что – занимаемся ерундой? – возмущался Ян. – К чему тогда всё это?

– Не ерундой, а рассматриванием. Мы – зрители, если угодно, и предрасположены именно к этому, а вовсе не к действиям и не к изменению. Хотя у кое-кого, несомненно, и возникают подобные мысли, но всё это путь тупиковый, и в конце концов это поймут...

– Странные зрители – со всеми этими исследованиями, изучением...

– Изучение – не изменение.

– Это я понимаю. Но оно ведь не просто так, от скуки, оно для чего-то... Как оно может быть бесполезным?

– Суть в том, что в нашем случае зритель – тот, кто работает лишь на себя. Зритель – потребитель. Погоди, я не договаривал. Потребитель специфического вида продукции, о самом существовании которой никто, кроме нас, не подозревает и, соответственно, получить её не в состоянии. Вот так.

– Но им же тоже можно показать. Двери... и то, что за ними...

– И что они с этим будут делать? Это вне их вкусовых

предпочтений.

– Э...

– Ну, садись ты, чего маячишь. Попытаться объяснить, что ли...

Профессор утверждал своё вращающееся кресло в относительно неподвижном покое и скрещивал под подбородком худые нервные руки. Он не улыбался, хмурился, потому что вообще улыбался очень редко, и оттого разговор превращался почти что в лекцию. Возможно, он видел в Яне немного туповатого студента, но, как всегда, был очень терпелив.

– Тогда объясните мне ещё, пожалуйста, – просил его Ян, – когда и как всё это началось. Когда начались Идущие. Это ведь вы их – нас – открыли?

– Не совсем так. Просто однажды открыли меня.

Не совсем так началось, и не совсем здесь, потому как профессор сказал ему, уже весьма к тому моменту разговора запутавшемуся (а разговор всё длился), что появилась эта самая продукция и сразу появились те, кто её ест – всё едино, что завезли в магазин новый экзотический фрукт. Большая часть людей сморщилась, – фу, невкусно – а кто-то кинулся сметать с прилавков тоннами. Только в данном случае кинулись те, кто увидел, для остальных-то это просто несуществующее, пустота.

– Завезли извне. Где-то раньше уже было. И кто-то здесь словно бы распробовал, признал. Эти признавшие – мы. Да, я, должно быть, первый, а потом и прочих нашёл...

– Хорошо. А кто тогда завёз?

– Без понятия, правда.

Возможно, профессор лукавил – уж очень честными были тогда его стально-серые глаза.

– И вот что по поводу тех, кому, как ты предлагаешь, можно было бы показать то, на что смотрим мы. Я им не доверяю.

– Но почему? Они ведь тоже люди.

– С такими же недостатками и достоинствами, да, я знаю. Если на то уж пошло, кое-кто в Организации тоже заслуживает самого пристального наблюдения, потому как темны уголки человеческих душ, и не каждый туда пустит с фонариком... Никто не пустит, будь он в здравом уме. А там живут черти и иногда выглядывают из человеческих же зрачков, как солдат из амбразуры дота.

Ян устало тёр лоб.

– Тяжко? – сочувственно говорил профессор. – Но ты не грусти, подожди, я же опять не договорил. Это оттого, что хочу кое-что спросить у тебя. Чтобы и ты сам подумал. Ты умный, как и твой брат... однако это именно ты пришёл ко мне с такими вопросами, и о чем же это мне говорит? О многом говорит... Так вот, Ян, скажи: в чём причина моего недоверия?

Ян осторожно подбирал слова.

– Полагаете общество незрелым... неумным... Не хотите, чтобы наше тихое зрительство... потребление, как вы говорите, хотя это очень обидное слово... становилось общече-

ловечески-громким – чтобы они, кому покажем, не разорили то, что увидят. В конце концов, жалко так просто делиться тем, что было выстрадано трудной работой. Профессор?

– Близко, – кивал тот. – Хотя я предпочитаю объяснять тем же словом «черти».

– А?

– Я не доверяю тем, кому надо всё подносить на блюде. Потому что черти накидываются на поднесённое блюдо и то, что там находится, сжирают в один миг. Это даже не потребление, это истребление, потому что не имеющие должных способностей не имеют и понятий о границах, которые сдерживают нас, проросли в нас, стали нашей частью, да что там – мы с ними появились на свет. Ходить, смотреть, руками не трогать. Могут ли те, кто не представляет последствий?

– А мы – можем?

– Я надеюсь, – серьёзно отвечал собеседник. – Но это время покажет, а не добрые предположения.

Смотреть тоже надо уметь, объяснял потом он – смотреть, не касаясь, и не пытаться влезть в действие, потому что в обратном случае получается достаточно неумелое культивирование того самого заморского плода, выращенного самого по себе в идеальных для него условиях. Кто знает, как оно отнеслось бы к неизвестным удобрениям.

– Беда в том, что человек жаден. Ему всегда мало того, что есть. А возможно ли изменить? Доработать? Усовер-

шенствовать? Сделать вкуснее? Или мы просто всё загубим, неумехи этикие...

– Так что – лучше и не пробовать? – спрашивал Ян.

– А тебе хочется?

Профессор строго смотрел на него из-под поседелых бровей. Ян ёжился – в такие моменты он чувствовал, что для профессора вполне мог быть тем, кто «тоже заслуживает самого пристального наблюдения».

– Это страшно, на самом деле. Я не знаю, – он старался отвечать честно.

Профессор вдруг благостно кивал.

– Страшно, потому что в тебе – границы.

Они не позволяют нам вообразить себя творцами, объяснял он. Богами. А вот наблюдателями – да. Которые рассматривают и фиксируют, разрешая себе лишь одно сверх того – считаться ещё и учёными... Ян, говорил профессор, как ты полагаешь, мы учёные?

– Да, – твёрдо отвечал ему Ян.

Тогда профессор тоже разрешал себе кое-что сверх своего обыкновения – он кратко, в кулак, улыбался.

А однажды Ян подумал, что так вот, безлико и почти безымянно – Организация, они прозываются для того, чтобы кто-то их не нашёл, не понял. Что это всё – прятки, а не скромность или равнодушие. Но о том, от кого в теории скрываются те, кто умеет делать двери, Ян спросить уже не успел. Да и, скорее всего, помимо улыбки он только бы вызвал у про-

фессора смех.

Но Организация была не просто человеческой общностью, а миром, действующим и живым, и это было уже не научно – волшебно, потому что центр всех Идущих, средоточие их сил и знаний, их университет и дом рос, цвёл, имел свой характер, капризничал и помогал. Когда-то профессор и его подручные смогли сплавить в одном месте множество дверей – предполагая его поначалу как некий полигон, лабораторию для исследований, и получив в итоге обитаемый перекресток десятков и сотен задверий. Спустя много лет Ян стал его директором. Но и сегодня он не знал всех его тайн, потому что двери тоже были тем, что не создано человеком, а лишь найдено им и рассмотрено. Двери можно было обнаружить, распахнуть, закрепить за определённым порогом, но полностью подчинить себе их глубинный механизм возникновения – нет. Двери...

Двери были тайные и явные, открытые и запертые, статичные и внезапно возникающие – таких называли бродячими и не случайно остерегались. Двери вели в густые чащобы, пески пустынь, арктическое безмолвие, двери отрывались в города и веси, на вымокшие под дождем дороги и залитые жарким солнцем площади, выстеленные стёртой брусчаткой, в проулки, закоулки, тупики, подвалы и улочки. У каждой, подвластной человеку, были номер и наименование, а ещё – цель: двери открывались для исследований, удобства перемещения в границах одного или несколь-

ких пространств, обучающих тренировок и изучения самого механизма их возникновения. Бродячие двери открывались сами. Иногда их заряд был настолько силен, что захватывал коридоры, приходящие на определенное время в негодность. Бродячие иногда селились и в лифтах, но их оттуда быстро изгоняли. Бродячие двери вели себя, словно живые. Может, такими они и являлись, только и это ещё тоже было секретом и тайной.

Так что же такое Организация?

Сотни разбросанных по этажам кабинетов и помещений. Определяющие доступ к ним цветовые коды – их шесть. Должностная, как в любой компании, иерархия. Активные исследовательские группы. Техники и координаторы, следящие за дверями. Учительский и ученический состав. Своя больница. Своя столовая, своя локальная компьютерная сеть, свой рабочий жаргон, свои шутки, приметы и суеверия, вражда и дружба, и родственные связи, и главное, всем в голову вбиваемое правило о непреходимых границах, которые кое-кто однажды всё же перешёл, и случилась война.

Есть тут и нулевой этаж. Вход туда ограничен полномочиями золотого кода, который ещё иначе именуется «жёлтым», «королевским» и «директорским». На нулевом живёт *оно*. Так Яну называть его проще, к тому же, это тоже в некотором роде свойство – обозначающее полную, явственную и неоспоримую чуждость любому человеческому существу, хотя профессор, сам старый профессор, так равнодушный

к громким названиям, когда-то дал живущему на нулевом этаже человеческое имя. Женское, хорошо знакомое Яну, очень странное для того, что можно было бы считать запертой в тюрьму живой энергией.

Он спустился по ступенькам длинной белой лестницы, на которую его пропустил тяжёлый гермозатвор ворот. Излишняя предосторожность, считал он до сих пор, запечатывать нулевой герметично, потому как ничего оттуда всё равно не выйдет и ни в какой форме, но и это было тем, что сделал профессор, а раз он сделал, значит, имело смысл. Здесь всё было белым-белым, Четвёртой, должно быть, понравилось бы: пол, стены, ступени и потолок, мертвенная чистота, хрустальная, не нуждающаяся ни в уборщиках, ни в уборке, потому что *оно* заботилось о своём доме самостоятельно – грязь с подошв, ворсинки одежды, пыль, невидимые глазом отмершие клетки эпидермиса, словом, всё то, что приходило с навещающим нулевой этаж человеком, исчезало, едва осев. За те двадцать лет, что Ян был директором, ни одну из флуоресцентных ламп поменять не пришлось – толстые, широкие, старого образца, такие и не выпускают сейчас, они наверняка вообще горели не двадцать лет, а вдвое больше. Воздух был сух и будто простерилизован. Лестница спускалась к ещё одним воротам, стеклянным, и их надо было заставить разъехаться в стороны, дотронувшись рукой до мутного стекла – *дав о себе знать*. За ними лежал коридор – такой же белый, совсем больничный, с пустыми холодными

стенами, ровно шестьдесят восемь шагов по идеально пригнанным плитам из мрамора, и Ян всякий раз ощущал, шагая, что его рассматривают. Это ощущение никогда не порождало у него липкого страха перед сверхъестественным, но вызывало неловкость, неудобство, потому как он был лишён возможности парировать чужой взгляд, посмотрев в лицо. Рик не был прав, говоря о злости или страхе, но Ян и сам не знал, как назвать то чувство, когда он наконец доходил до конца – открытого порога в полукруглую комнату, и то, что живёт на нулевом этаже, приветствовало его, приникнув с обратной стороны полупрозрачного матового экрана. Может – горечь?

Оно ждало его, узнало, кажется, даже обрадовалось, потому что сразу метнулось навстречу.

– Привет. Как ты тут поживаешь?

Нарочито бодрый тон Ян отбросил уже давно. Он понимал, что без бодрости у него получается очень устало, но рядиться имело бы смысл лишь перед человеком. А *это...*

– Фрукт заморский. Скучаешь тут, поди. Хотя что это я – у тебя ведь столько забот...

Оно существовало здесь не просто так – держало двери. Тоже выполняло свою функцию. Еще *оно* выдёргивало. Но вторая его функция по сравнению с теми же дверями была настолько необъяснимой и космической, что понять её никто так и не смог – ни основатель Организации, ни, после него, Ян. Хотя поначалу разглядывал, пытался даже выве-

сти какие-то закономерности, принципы, правила, но быстро бросил это занятие, потому что правила не выводились, закономерностей не было, а был управляемый тем, что живёт на нулевом этаже, дикий для человека хаос... Ещё *оно* чувствовало и понимало, но при всём том не имело ничего человеческого, кроме имени, данного профессором, и формы, также предложенной им. *Оно* приучилось – согласилось, пошло на уступку, снисхождение – принимать осмысляемую глазами Яна форму и в его присутствии. Всегда, когда он уходил, ещё только делая шаг обратно к порогу комнаты, *оно* уже расплывалось, словно бело-синяя, капнутая на бумагу клякса.

Перед сплошной стеной из экранируемого стекла, делящей полукруглую светлую комнатку напополам, стояло одинокое белое кресло. Иногда Ян в него садился, чаще стоял, до стекла дотрагивался редко, но сегодня вот что-то захотелось – он прижал ладонь к прохладной гладкости, а *оно* отобразило его жест. До чего маленькая ладошка...

– Я тут подумал: какая экономия, что ты ничего не ешь и не просишь зарплату. Тебе ведь надо было бы платить раз в десять больше, чем, например, Рику. Я, наверное, жадина. Да?

Ян шутил. *Оно* молчало.

– Там у нас праздники скоро. Рождество, Новый Год, ёлки и подарки. Принести тебе гирлянду, может, украсить твое белое гнездо, а то и ёлочку поставить... Тебе что подарить?

Если есть пожелания, скажи прямо, у меня всегда было туго с соображением на этот счет. Не хочешь, да? Я вот тоже. Просто потому, что мне ничего не надо.

Оно молчало, и молчание теперь звучало... солидарным, что ли, понимающим. Отклик, возможно, напрочь выдуманный, но, ощутив его, или вообразив, что ощутил, Ян уже мог сменить бесполое *оно* на *она*.

— Когда придёт время, сюда спустится Рик, и вот тогда-то он увидит, что я не один такой бука, который не любит отмечать праздники. Ты ведь знаешь, кто такой Рик, да? Ты помнишь. Ты и его когда-то выдернула.

Сделала мне подарок на век праздников вперёд, не dokonчил Ян. Лучшего друга. А я тебе ничего подарить не могу, более того, бесцеремонно тобой пользуюсь... Ничего, кроме свободы. Ты хотела бы свободу? А свобода что такое — знаешь?

Но он не спросил, остерёгся — вместо этого отошёл и сел в кресло. В прошлый свой приход забыл здесь носовой платок — вспомнил, увидев его на подлокотнике, взял, убрал в нагрудный карман. Забытые вещи почему-то не принимались за грязь, не исчезали. А вот стоило как-то пройтись по коридору ботинками, выпачканными в осенней грязи, — и на обратном пути не было уже ни единого отпечатка.

— Мне правда очень жаль, что ты не можешь мне ответить. Ян сидел и смотрел, как *оно*... *она* колыхнется с той стороны — не пятном, не кляксой, а будто развевается платье.

Всегда волнующийся перед спуском на нулевой этаж, на нём самом Ян постепенно погружался в странное спокойствие.

Здесь он мог говорить – и всегда говорил свободно, говорил обо всякой ерунде, просто, чтобы выговорится, говорил кому-то, совсем не похожему на человека, Идущего, и потому это не было стыдным признанием во временах накатывающем ощущении того, что однажды взял себе ношу немного не по силам. Здесь жил самый удобный и внемлющий собеседник, который никогда не перебивал и не насмехался. Но к нему было очень непросто прийти, потому что он был не человеческой природы, и древний, языческий ещё инстинкт, то ли опаска, то ли благоговение, внутренне морозил, тормозил. Профессору, должно быть, было легче – он ведь учил, как справляться с инстинктами, оттого, несомненно, прекрасно умел сам. За эти двадцать лет то, что живёт на нулевом этаже, никак не показало, что скучает по самому первому своему знакомому в этом мире, хотя профессор был и пленителем. Он создал нулевой и стеклянную клетку. Ян же просто пользовался.

– А забавно было бы, если бы ты вдруг выучилась. Каким было бы твоё первое слово: ругань, проклятие, плач, благодарность? Забавно... Или же нет. Не знаю. Но я бы сразу спросил тебя о прорехе.

Ян поделился тем, какая нынче погода, доставшимся ему конфетным предсказанием, общим праздничным настроем, витающим в коридорах и кабинетах, похвалился меткостью,

с какой залепил Рикку нынче снежком в затылок, пожаловался на лучшего повара, которого он когда-либо знал и который ушёл на вольные хлеба, унеся с собой свои восхитительные рецепты: мясной пирог с травами, абсолютно неземную выпечку (всё тот же пирог) и умение делать сытные блюда лёгкими (опять он же). Минут пять просто посидел расслабленно, потом вздохнул и встал. Свыше получаса здесь находиться не следовало – из-за стерильного, выхолощенного, почти лишённого влаги воздуха стягивало горло, начинал точить кашель. *Оно – она* – поняло, что собеседник уходит. Шатнулось туда, сюда, остановилось, притихло.

– Не горюй, – попытался успокоить Ян. – Я же ещё приду.

На прощание он погладил стекло, но с той стороны не отреагировали – облик уже начал расплываться в кляксу. Да разве кто-то здесь горюет – кто-то здесь рад, что его оставляют в покое и не вынуждают своим присутствием видоизменяться, подстраиваться... «Пока», – сказал Ян. Фрукт заморский, чудо, чудовище...

Он ушёл, не оглядываясь. Имя, данное профессором, он никогда не называл даже в мыслях.

IV

– Ребёнок, – сказал Курт. – Оставь животину в покое. От того, что ты так его тискаешь, сожранный дождик наружу не вылезет.

– Я его успокаиваю. Ты его скоро понесёшь к ветеринару, а он всё понимает и волнуется, только молчит.

– Это потому, что кот – бессловесная тварь.

– Не-а. Может мяукать.

– Сейчас он явно ничего не может, потому что раздавлен тяжестью осознания собственного идиотизма. Или просто объелся... Но как же быстро стал спокойным и тихим, глядите-ка. Отпусти его, изверг. Хватит формировать из пациента лепешку.

– Между прочим, он – мой! Я его нашла!

– Найти нашла, а обращаться не умеешь. Жрёт он у тебя, что ни попадя. Горе-мамаша.

Лучик обиженно отвернулась. Рыжая перехватила взгляд Курта и пожала плечами, а Капитан вообще никак не отреагировал – привык. Младшенькая их порой действительно вела себя по-детски – и странно, что совсем другой, не по годам взрослой, она пришла в Организацию. Пять лет и пять месяцев назад, вспомнил Курт. В его с ней вторую в жизни встречу.

Да, тогда они встретились во второй раз, а познакомились,

можно считать, в первый, и в глазах напротив – фиолетовых, фиалковых, колокольчиковых, что сразу же рождали мысли о тёплых цветочных лесистых пригорках и находились примерно на уровне солнечного сплетения Курта, не мелькнуло ни искры узнавания. Ему пришлось не просто склонить голову, а вообще почти переломиться в вынужденном, тянущем мышцы поклоне, и тогда он опять ощутил, снова почувствовал это – свой рост, своё сильное и послушное тело, напряжение мускулов, стучащее сердце, и это стало первым после двух недель полузабытья шагом к принятию себя и согласию с тем, что после всего случившегося он продолжает думать, жить, дышать. «Какой высокий, – сказала тогда эта девочка. Кольца тёмных синяков на её запястьях, не прикрытых рукавами белого больничного халата, ещё не сошли, только чуть поблекли, пожелтели. – Можно вас попросить, пожалуйста – там, видите, яблоня, а на ней... Всё, что можно, уже стрясли, а эти крепко держатся. Мы с девчонками весь день пытались снять, даже стремянку выпросили, но не достали – ни мы, ни медбрат, который решил нам помочь, ни тот смешной парень, который метёт здесь дорожки. Поможете? Там яблок на всех хватит». Яблоня была очень старой, царапала небо верхушкой, и даже с его ростом Курт не смог дотянуться до самых нижних из увенчанных плодами веток с земли и потому полез на дерево. Там, в густой листве, где можно было скрыть лицо и скрыться целиком, он немного поплакал – слёзы были горькие, скупые, но хорошо, что хоть такие, потому

что слёзы стали шагом номер два, а потом был третий – он ободрал локоть о шероховатую кору и ощутил слабую боль и жжение. Это была рана не солдатская, а родом из детства, где тоже росли яблони, и воспоминание пришло в тонах лета, открылось мимоходом в тёплых сладостных тонах и красках и вдруг принесло успокоение, мир. И был четвёртый – восхитительный аромат яблок, которые Курт рвал и складывал в карманы своего халата, и пятый – заноза в ладони, когда он спускался, и шестой – встретившая его улыбка радости. «Дайте-ка руку, у вас кровь, посмотрю... вам не больно?» Он отнекивался, но девушка всё равно принесла откуда-то зелёнку и, закатав рукава своего и чужого халата, намазала Курту поцарапанный локоть и ладонь. «Сестричка-медицка, внештатный работник», – поддразнил её какой-то проходящий мимо молодой доктор. «Как вас зовут?» – спросил Курт, потому что и правда не знал. Она пожала плечами: «Придумают». И он придумал тут же – «Лучик», и играющие в её светлых, прямых, как стрела, волосах блики задорно ему подмигнули, подтвердив, что прозвание – в точку. Оставалось лишь его озвучить, но он тогда постеснялся.

– ... лохмы, – сказала Четвёртая. Курт вздрогнул и прислушался к разговору.

Когда Лучик расчёсывается, солнце тускнеет. Оно и так было сегодня неярким, блеклым, чуть прорывающимся через млечные снежные тучи, но в ответ на платиновый блеск,

струящийся сквозь зубья гребешка, совсем истаяло и потеряло цвет. Но Четвёртая, судя по всему, сейчас говорила не о солнце, потому что размахивала откуда-то появившейся в её руках линейкой, а Капитан исподтишка посмеивался и мешал ложечкой чай.

– Восемьдесят сантиметров, Луч! Это же новая плазма на стену.

– Думаю, за рыжие волосы больше дадут. На две плазмы хватит. И на конфетки...

– Это сколько же мне их растить – лет шесть, семь? Невыгодно.

– Ой, рыжая, скажи просто, что тебе лень.

– Распутывать и расчёсывать – да. Никаких нервов не хватает.

– А тебе бы подошли длинные, – сказал Капитан. – Было бы очень красиво.

– Да двери зажуй эту чёртову паклю... Одно неудобство. Как только вы двое носите подобное бремя? От длинных волос же шея болит.

– Не надо никаких дверей, – Курт нашел повод пошутить и влез в обсуждение. – Давай их пожует кто-нибудь родной и близкий.

– Вареник, по-моему, уже нажевался.

– Я не его имел в виду.

– Себя, что ли?

– Хотя нет – они у тебя все провоняли табаком. Ты очень

много куришь, рыжая. Рак лёгких, слышала о подобном?

– Человеческие болезни меня не пугают.

– А какие пугают – нечеловеческие?

– Да. Например, давно подхваченный тобой вирус чудовищной болтовни.

А эта подошла к ним, тогда сидящим на скамейке и хрустящим яблоками, и Лучик – ещё не Лучик, а одна из многих безымянных – сказала ему: «Угрюмая рыжая, которая здесь всегда читает книгу. Сейчас будет нас гнать». Но рыжая буркнула только: «Подвиньтесь», села с краю и действительно раскрыла книгу, углубившись в текст, и на яблоко, которое Курт предложил ей, никак не отреагировала. Книжка была потрёпанная, толстая и на вид очень старая, старинная, гораздо старше шелестящей листьями у них над головой кряжистой большой яблони и их всех троих, вместе взятых, рыжеволосая была на вид очень замкнутая и колючая, лицо у неё было острое, треугольное, пальцы, которыми она сжимала вытертую, выполненную, похоже, из кожи обложку, были бледные и изящные, а халат был ей велик. На соседней по скамейке она не смотрела, читала. «Всё читает и читает, по-моему, несколько раз уже перечитывает, – поделилась с Куртом Лучик. – Рыжая, почему она тебе так нравится?» «Отвали, сопля», – ответствовала та. Курт заметил, что это невежливо. Рыжая фыркнула и сказала, что мнением всяких посторонних жердей не интересуется, при этом словно бы опровержением своей невежливости обращаясь к нему

на «вы», что звучало как явная издёвка. Курт не хотел ссориться и потому стал искать, на что бы перевести разговор, но на глаза ему попадалась одна только книга, и он мельком заглянул в неё, и тут же удивился: книга была на незнакомом ему языке.

«Вот же, какие закорючки и палочки, – с уважением произнёс он. – И вы всё это понимаете?»

«Естественно, – мрачно откликнулась рыжая. – Но я не вижу здесь причин для удивления, потому что понимать должны и вы».

«Почему это?»

«По кочану, – огрызнулась рыжая. – Раз здесь сидите, значит, один из нас».

Курт снова решил проигнорировать грубость.

«А кто вы?»

Вместо ответа рыжая сунула книгу ему под нос, не выпуская, впрочем, при этом из рук. «Читайте», – холодно сказала она.

Некоторое время Курт глядел, часто помаргивая, как человек, уставший от ношения очков, мял в пальцах яблочный огрызок и, несмотря на то, что якобы был должен понять, не понимал ничего. Чернильные – *рукописные*, он увидел – загогулины казались ему такой же терра инкогнита, как какие-нибудь глиняные таблички. Ему вдруг захотелось шутить.

«Не умею я такое читать, – сказал он. – Для этого, навер-

ное, надо иметь другой цвет волос».

«В смысле?» – подозрительно спросила рыжая.

«Ну, как у вас, такого цвета... В средние века ведь бытовало мнение, что рыжеволосые все – колдуны».

«Чушь собачья», – решительно ответила рыжая, и тут же с открытой страницей, на которую Курт всё так же прилежно пялился, внезапно начало что-то происходить. Нет, буквы не менялись и не переползали с места на место и даже не мутировали в родной для Курта язык – просто будто бы сбрасывали некий покров, вылезали из панциря, как вскрываемая ножом солдатская консервная банка без этикетки, этакий неизвестный, пока не откроешь, сюрприз, – мясо там или фасоль прячется, так-то чёрт его разберёшь, потому что то ли на заводе так криво этикетку приклеили, что она, пока консервы везли, оторвалась, то ли кто-то зачем-то содрал – и обнажали понятное и знакомое нутро. Курт ошеломлённо покачал головой.

«Прочитай, – попросила Лучик, – то, на что упал глаз. Есть такое гадание на строчках книг, знаешь?»

Курт не знал, но послушно прочёл первое, за что зацепился взглядом.

«В город ведёт одна-единственная дорога. Где-то у самых его границ она пропадает в траве, и так получается, что из города не ведёт ни одной».

Рыжеволосая заложила страницу закладкой.

«Прямо как про нашу прореху, – непонятно сказала она. –

Другое дело, что внутри никто не был и не знает, есть ли там какие-нибудь дороги. Погадали? Молодцы. Всё, хватит глаза таращить».

«Что за прореха? – тупо произнёс Курт. – И как это я...?»

«Магия, – без улыбки ответила рыжая. – Вы, видимо, тоже рыжеволосый, только крашеный. Но на самом деле – просто способность. Вы теперь все существующие языки понимаете. И говорите на них. Как сейчас».

«Мне казалось, что я говорю на своём языке, – осторожно заметил Курт. – Казалось, что это вы...»

Он запнулся и обмер. Лучик ведь никак не могла знать его родной язык. Он это видел – *тогда*. Но отчего-то он сходу понял всё, что она говорила ему про яблоню и дальше.

«Ключевое слово здесь – „казалось“, – рыжая закрыла книгу. – Мне тоже сначала много что казалось. А вот ты, мелкая, по-твоему, на каком языке разговариваешь?»

Но Лучик не успела ей ответить, потому что Курта вдруг понесло – будто прорвался кран. Он, две недели молчавший, еле-еле способный на то, что вытащить из себя «да», «нет», «не знаю» и «не помню», уже не просто шагнул, помчался – гримасничая, жестикулируя, хлопая себя по коленкам, чуть ли не подскакивая.

«Да вы хоть представляете, какие тут открываются перспективы? Это же поле непаханое, земля благодатная, это и книги переводить можно, и наживую переводчиком работать, и в университете выучиться, а то и в нескольких, и по-

том преподавать, и по миру путешествовать, и самому книги писать, и жить безбедно, и... и... Окно открывшихся возможностей, даже не окно – окнище, даже не окнище – ворота, огромный пролом в стене, потому что, уж не знаю, как он, этот фокус, работает, но вот только это всё равно, что эволюционный скачок. Прорыв в науке! Тут непременно кто-то должен этим вплотную заниматься, не одна же тут только больница, и яблони, и скамейки, и книжки, мне тот человек, как его – Прайм, говорил, что это вроде большого института, учёные здесь всякие, исследователи, и, мол, ещё какие-то двери, так что должны быть специалисты и по такому вот феномену... И, значит, мы на разных языках сейчас болтаем и не ощущаем этого, так, что ли, вот это чудеса...»

Рыжая смотрела на него долго и потрясённо. Она даже забыла про издевательскую вежливость.

«Ты – феноменальное трепло. Что ты тут делаешь? Иди в политику. Или в актёры».

Она угадала одну давнишнюю, детскую ещё его мечту о театре и подмостках, и его снова кинуло туда, откуда он был выдернут, поэтому он потемнел лицом, нахохлился и затих. «А ты будто пещерное чудище, – огорчённо сказала Лучик. – Что ни слово, то рык. Ты ведь девушка, как можно...» Она защищала его, значит, действительно ничего не помнила. Рыжеволосая, опасно сузив серые глаза, собралась ответить, – что-то наверняка опять грубое – но, повернув лицо, только скривилась.

«Ещё один», – сказала она.

Курт посмотрел туда, куда смотрела рыжая, и увидел под-
ходящего к ним человека.

Капитан наконец вернулся из коридора – трель наручного коммуникатора, прервавшая их болтовню, и последовавший за ней разговор надолго его не задержали, но настроение, похоже, подпортили порядочно. Лицо, покрытое штрихами шрамов, стало замкнутым и хмурым. Знакомая ситуация – только после общения с одним человеком в Организации Капитан так мрачнеет и злится. Это если во время общения тот человек – наделённый должностным авторитетом – Капитана отчитывает. И как только остается после такого в живых?

– Прайм ругался, – сказал Курт. – Но на тебя-то за что?

– Он не ругался, Курт, он просто надоел, – Капитан сел на пол и сгрёб в охапку подушку побольше. – Параноик дёр-
ганный.

– А что случилось?

Капитан смял подушку в неровный ком. Возможно, представляя при этом на её месте чью-то шею.

– Помнишь, мы с тобой спорили о возможной теории сцепки? Ну, то, что наш пузырь совсем не корневой, а только один из тех, что в цепочках, а сам центр где-то совсем в другом месте – старая теория, ещё профессор о ней писал... Вот, я с Праймом ещё осенью затеял разговор о том, чтобы почитать материалы. Искал я их, искал, а они вдруг

в базе под зелёным кодом, хотя никакие не секретные. Ну, я и попросил доступ, даже не через личный код, через праймовский, чтобы он сам увидел, что я не лезу, куда нельзя, а он отреагировал так, будто я взломщик. И вот.

– И что?

– И то. Отказал, конечно. И нет бы как я – плюнуть и забыть, так он теперь параноит периодически и устраивает мне допрос с пристрастием: а не шарюсь ли я, где не надо, и не помогает ли мне в том кое-кто, одолжив свой зелёный код. Сейчас опять бурчал – мол, следы мутной «зелени» в разделе архива. Я сказал ему, чтобы взял наконец-то отпуск и прополоскал свою недалёкую голову в море. Мы поссорились.

– Правильно ведь сказал, солёная водичка полезна, – заметила Четвёртая. – А чью «зелень» он на тебя решил повесить?

– Яна, – Капитан внимательно посмотрел на неё. – Ты не знаешь, отчего?

– Оттого, что дядя пользуется «золотом», а не «зеленью». Зелёный код у него так, резерв.

– Для чего, интересно, нашему директору с его абсолютными полномочиями «королевского» нужна жалкая, с ограничениями зелёнка...

– Ничего себе жалкая! – сказал Курт. – Ты, минуточку, это жалкую так добивался, что Прайм рассвирепел...

– Или она нужна для кого-то? – продолжил Капитан,

не слыша его. – Такое может ведь быть, рыжая?

Четвёртая некоторое время смотрела мимо него в стенку, потом пожала плечами и, кажется, утратила к теме интерес.

– Без понятия. Дядя мне не говорил. Да и не всё ли равно? Чай пейте, остынет.

Капитан подождал, что она скажет ещё что-нибудь, вздохнул и снова смял подушку. Но уже без прежней злости – запала и ярости в бытовых ссорах у него надолго никогда не хватало.

– Просто он, наверное, и правда заработался, – Лучик вдруг вступилась за заместителя. – Он ведь даже по воскресеньям... Бедный. Мне его жалко. Зря ты сказал про отпуск в таком уничижающем контексте.

– А меня тебе не жалко? – проворчал Капитан. – Все эти необоснованные претензии, вот что уничижающее, да ещё какой-то странный код, я так понял, этот код давно Прайму не дает покоя. У Яна бы спросил, в самом деле – может, это он так развлекается. Начальнички...

– Вот и предложил бы спросить у Яна, а то и сам сходил бы, спросил, вместо того, чтобы говорить человеку неприятные вещи. Он же тебя очень ценит.

– Ха!

– Ценит и уважает, и вообще, по-моему, хочет, чтобы ты когда-нибудь занял его место...

– Вот в этом-то и беда. Я же тоже стану тогда таким же нервным. И сейчас-то уже дёрганный, а что будет...

– Будет у тебя зелёный код, – резонно ответила Луч. – И читай тогда, что хочешь.

– Утешила.

Капитан прекратил издеваться над подушкой и, склонив голову, утопил в ней подбородок. Он уже не выглядел хмурым, просто усталым. С запорошенной снегом, находящейся далеко внизу улицы слабо, прерывисто долетел низкий вой сирены.

– Давайте лучше рассказ, – примирительно сказала рыжая. – Мне продолжать?

Курт кивнул и посмотрел на Капитана. Тот сидел, прикрыв глаза.

...Молодой мужчина – лет тридцать с небольшим – остановился перед скамейкой, с доброжелательным любопытством глядя на сидящих. Он выглядел весьма эксцентрично – полностью седые волосы и множество шрамов на загорелом лице, и держался очень прямо, отчего казался выше ростом, чем есть. На нём не было больничного халата, только клетчатая рубашка, бриджи и кроссовки, а ещё, по всей видимости, рыжая была с ним знакома. Она проворчала: «Привет» и покосилась на своих соседей. Ссориться и грубить при седоволосом она явно не хотела.

А Курт хмурился и недоумевал, потому что вновь пришедший напоминал ему что-то, напоминал о чём-то, и это было сродни тому, как начинается зубная боль. Что-то общее в нём – и вовсе не в шрамах, потому что такие травмы можно

получить и от несчастного случая, и не в цвете волос, потому что есть люди, которые начинают седеть, ещё не достигнув совершеннолетия – вдруг чуть было не вздёгнуло Курта на ноги. Выправка этого человека, осанка, стать, конечно! С колоссальным и страшным усилием, с самым большим, наверное, трудом в своей жизни Курт подавил в себе солдатский рефлекс вытянуться перед вышестоящим во фрунт.

«Он – командир высокого чина», – подумалось отчаянно, чуть ли не с испугом.

Высокочинный командир мирно опустил прямо на брусчатку и подогнул под себя ноги. Короткие седые волосы его взъерошил порыв ветра.

«Сегодня на обед – сырные шницели в сухарях, запечённый картофель и грибной суп-пюре, – поделился он. – И свежие овощи. Всё, как ты любишь, рыжая».

«Суп я не люблю», – буркнула та.

«Можешь отдать мне, – предложил человек. – Или кому-нибудь из твоих приятелей, с кем ты так замечательно тут беседуешь. Шел и любовался на тебя – красота. Наконец-то очеловечиваешься».

«Они мне не приятели, – возразила рыжая. – Просто заняли мою скамейку».

«Скамейки общие», – миролюбиво сказал человек. И, не дожидаясь гневного ответа, представился для двух других: «Капитан. Так меня здесь прозвали, поэтому зовите и вы. Вам тоже потом подберут прозвища, да вы, должно

быть, в курсе. Меня поставили вас курировать. Вас всех троих вместе. Видишь, рыжик, я всё правильно сказал про приятелей, у тебя теперь просто нет причин с ними не дружить...»

Рыжая молча подняла книгу, которую сжимала обеими руками. Она держала её так, будто хотела ударить седоволосого Капитана, даже сделала движение-замах, но остановилась, передумала.

«Книгу жалко, – пробормотала будто бы сама себе. – Да и всё равно ты меня не заставишь».

«Конечно, – согласился Капитан. – Я и не думал заставлять. Время придёт, всё само образуется. Сегодня такая погода чудесная, правда?»

Он запрокинул руки за голову и потянулся, улыбнувшись текущему сквозь ветви свету и теплу. Курт тоже улыбнулся, глядя на него. Может, и командир, но точно не тот, что гонит солдат под шквальный огонь пулемётов.

«Эй, долговязый, – Капитан заметил улыбку. – Ты, я вижу, лазил на эту несчастную яблоню – уж больно ободранный вид. Яблоки-то стоили того?»

«Очень вкусные, – кивнул Курт. – Будешь?»

«Штучку, чтобы не портить предобеденный настрой. Вот спасибо...»

Капитан полюбовался спелым тёмно-красным яблоком, прежде чем откусить кусочек.

«А я знаю, почему ты туда полез, – прожевав, с ехидцей

сказал он. – Попросила прекрасная дама. Верно?»

«Может, мне самому захотелось, – в тон ему ответил Курт. – А вообще-то верно. Прекрасная дама. Да вот же она».

Он указал своим заляпанным зелёнкой локтем на покрасневшую Лучик. Потом поспешно добавил: «Рыжая тоже ничего, только грубит». Та издала горлом странный звук – как будто задавила смех. Курт подумал, что книгой лупить его, наверное, не будут.

«Значит, ты у нас рыцарь, – одобрительно сказал Капитан. – Длинный, в хозяйстве полезный... И его прекрасная дама. Очень юная и очень прекрасная дама. Позволите ли – леди, госпожа, сударыня, мадемуазель, фройляйн...»

Капитан изобразил шутливый поклон. Лучик хихикнула.

«Слишком много титулов для такой маленькой меня, – сказала она. – Для такой маленькой и безымянной».

«Безымянной тебе быть недолго», – вновь пообещал Капитан.

«А кто так назвал тебя – „Капитан“? – спросила Лучик. – И почему – ты военный?»

«Прайм назвал. Ну, как военный... бывший».

«Что-то меня он такой милостью не одарил, – заметила между делом рыжеволосая. – Хотя, можно подумать, мне от него это надо».

«А у этого Прайма есть прозвище?» – полюбопытствовал Курт. Он только что получил подтверждение своих мыслей,

но это его не напугало, даже не поселило в нем скованность – должно быть, потому, что Капитан был ему симпатичен.

«Без понятия, – пожал плечами Капитан. – Я пока не слышал, чтобы к нему кто-то обращался иначе. Ну, разве что сотрудники говорят ещё „господин заместитель“, потому что он действительно заместитель директора, а сам директор говорит „Рик“, потому что Прайм ещё и директорский друг. Директора – вы с ним попозже познакомитесь – зовут Ян Орлов. Потом я вам о них расскажу подробнее. Да, рыжая, не буравь меня взглядом – с этим повременим. Что и тебе совету у честь».

«Это значит – не трепись? – сварливо поинтересовалась рыжая. – Не того предупреждаешь. Вот этот – трепло, а я – только по существу».

«Это значит, что не надо так сразу проводить черту между собой и другими», – туманно сказал Капитан, но рыжая, похоже, его вполне поняла.

«Но рассказывать-то в общем можно?» – уже безо всякой сварливости спросила она.

«Нужно».

Капитан дожевал яблоко и щелчком отправил огрызок в стоящую сбоку от скамейки урну с чугунными ножками-лапами. Курт, спохватившись, что уже смял свой огрызок в кашу, стряхнул его следом и вытер руку о полу халата.

«С вами, конечно, очень тепло и уютно сидеть, что неудивительно, когда здесь живое солнышко, – Капитан подмиг-

нул Лучику. – Но у меня много дел. Я только хотел сказать, что займу нам в столовой столик. Как раз он у окна, на четверых. Обед через час, не опаздывайте».

Седоволосый поднялся и ушёл, а Курт и Лучик смотрели ему вслед. Потом переглянулись. Рыжая в обмене взглядами не участвовала. Она хмурилась.

«Чёрт знает что он о себе возомнил. Куратор, посмотри-те-ка...»

«Мне он понравился. Хороший», – не согласилась Луч.

«Мне тоже. Ещё и так аппетитно расписал обед, и предупредил, чтобы не опоздали, – сказал Курт. – Приятно, когда о тебе заботятся».

Рыжая опять вздохнула.

«А ещё он прекрасно умеет поучать и воспитывать, вот увидите. Раз уж взялся официально курировать, а не просто от нечего делать... кто же это его назначил, зараза Прайм, что ли? Ладно. „Приятели“... Ну, приятели так приятели. Ничего не попишешь».

Курт и Лучик уставились на неё. Рыжая смотрела если не доброжелательно, то, по крайней мере, спокойно.

«Чур, я сижу у прохода, – сказала она. – Потому что ем быстро и раньше всех ухожу».

Никто ей не возразил.

«А книгу дашь почитать?» – спросила Лучик.

«Если не будешь загигать уголки», – предупредила рыжеволосая.

Лучик завершила, что не будет. Курт тут же занял за ней читательскую очередь. Не то, чтобы ему очень сильно хотелось что-либо читать вообще, но общение надо было налаживать. И оно, по-видимому, налаживаться уже началось, хотя о собеседниках Курт всё ещё совсем ничего не знал. Только понял, что Капитан – командир, а у рыжей дурной характер. Хотя с Лучиком, в отличие от остальных двоих, он уже...

Лучик взяла его под руку. Он вздрогнул.

«Знобит? Вы простужены?» – обеспокоенно спросила она.

«Нет, всё в порядке. А вы... А вы давайте не на „вы“, а на „ты“. Знаете, я ведь вам придумал... ну, это, прозвание, прозвище, о котором говорил Капитан. Я назвал вас – Лучик, Луч. Потому что вы солнечная и очень красивая».

Лучик смутилась и опять покраснела.

«Сойдёт, – одобрила рыжеволосая. – Но ты всё равно мелкая, солнце живое... Сколько тебе лет – пятнадцать?»

«Семнадцать», – не обиделась та. И тихо добавила: «Мне тоже очень по душе».

«Рыжая, – спросил Курт. – Ты, по-видимому, здесь подольше, чем мы. Расскажешь потом немного, что это вообще за место, откуда здесь столько народа, который, как мы, в больничных халатах и почти ничего о себе не знает, что это за двери такие, о которых мельком обмолвился Прайм, и почему он – зараза... Кстати, тебя как зовут?»

«Так и зовут, как сегодня все звали, но я думаю, что

это временная кличка. Расскажу, так и быть, тем более, что этот... господин куратор не против. А тебя?»

«Я только имя помню – Курт», – сказал он, постыдно радуясь, что это не Лучик спросила.

«А прозвище?»

«Его пока нет. Может, тоже придумают».

«Красивое у тебя имя, – сказала Лучик. – Мягкое и стройное. Я бы не меняла».

«Спасибо», – искренне поблагодарил Курт. Он опустил взгляд на руки Лучика, но теперь она сидела, натянув белые рукава почти до самых костяшек пальцев.

Коммуникатор на запястье Капитана, тускло подсвеченный неактивным оранжевым, тихо пиликнул и налился желтизной. Эта была не предыдущая громкая трель, а приглушённый, почти робкий, осторожный звук. Сообщение, не вызов.

– Что там? – Курт попытался заглянуть через плечо и был отпихнут локтем. Впрочем, в отпихивании тоже уже не было хмурости. – Снова Прайм истерит? Надо подарить ему пузырек валерьянки.

Капитан поскрёб пальцами перекрестье шрамов на щеке. И что это такое у него теперь на лице возникло – смущение, что ли?

– Нет. Он извиняется. Ладно, ребята, я ещё отойду, позволю... Рассказывай, рыжая, рассказывай, я ведь это всё уже

знаю.

– И про картину? – спросила Четвёртая.

– Какую?

– Вот, то-то же, – назидательно сказала она. – Я её потом, после всего, даже нашла, посмотрела, сходяв в тот музей... И тебя свожу, если вдруг не поверишь. Поэтому мы тебя ждём.

– Я тоже сходил, – сказал Курт.

– И как? – поинтересовалась рыжая.

– Феноменально.

– Капитан, – жалобно попросила Лучик. Капризное нетерпение мигом сделало её младше лет на десять. – Ты, пожалуйста, быстрее с этим разговором. Хочу знать, о чём эти заговорщики так перемигиваются, и в музей хочу, к этой какой-то картине, только без тебя они же не расскажут...

– Бегу-бегу, – согласился Капитан и встал на ноги.

– Терпи, ребёнок, – Курт добродушно погладил младшенькую по макушке. – А ты, патлатый, иди, иди, мирись. Нечего тут...

V

Первое, что он понимает при взгляде на этот портрет – она ему не нравится.

Не нравится, и всё тут. Бессознательное и неоспоримое. Он даже не замечает за собой того, что смотрит и морщится, как если бы в одиночку съел целый лимон. Или как если бы у него болели зубы, о чём Наташка, дёргая его за рукав, и спрашивает – с внезапной тревогой в голосе.

– Роман-Романчик, дорогой мой мальчик... Давно к стоматологу ходил?

Слова выбивают его из вязкого плотного тумана неоформившихся образов и мыслей.

– А? Чего?

«У меня что, изо рта воняет?»

Теперь накатывает другое – острый человеческий стыд, щедро одобренный стыдом незадачливого ухажёра, севшего на глазах девушки в лужу. Забыв о портрете, Роман нервно зажимает рот ладонью, пытаясь одновременно почуять, чем пахнет его дыхание, и судорожно что-то придумать. Вроде валялись в кармане пастилки с мятой, в кармане пальто... или куртки, но куртка ведь – дома, а пальто сдано в гардероб...

– Зубы, спрашиваю, у тебя болят, что ли?

– Ммм, – недоумённо произносит он в ладонь. – Мм?

Стоматолог, зубы... Зубы! Просто зубы, он, видимо, стоял тут и гримасничал. Зубы, не вонь, какое счастье...

– Руку-то убери, чужак. Ничего не понятно!

Наташка смеётся. Роман тянет на лицо улыбку, которая выходит жалкой и конфузливой, трёт ладонь, мокрую от слюны, о рубашку, премерзко краснеет и начинает ненавидеть сегодняшний вечер, который только что начался, а она – *та* – глядит на него с портрета и тоже улыбается – гордо, надменно, в высшей степени отвратительно.

– Не болят, не болят, всё нормально...

– Тогда чего ты кривился?

Рыжеволосая женщина с серыми, похожими на жемчуг при плохом освещении прищуренными глазами тоже спрашивает у него это, глядя сверху вниз с картины. «Я так тебя раздражаю, бедняга?» Издёвка блестит в масляных росчерках на радужке. Высокий загорелый мужчина в кричаще-кислотного цвета желтом свитере случайно заезжает Роману в бок локтем – доставал из бокса тяжелую машину профессионального фотоаппарата. Весело извиняется на певучем средиземноморском языке и, громко щёлкая, начинает снимать портрет. «Не бегать!» – грозно взрывается дама в очках на кучку развеселившихся школьников. По паркету топчутся, цокают, шоркают и грохочут.

Картинная галерея – не лучшее место для свиданий. Многолюдно, шумно, слишком много света. Но выбирала Наташка. Для неё-то это не свидание вовсе, а просто дружеский

поход с целью полезно и интересно провести выходной.

– Вот и ты приобщился бы, – предложила она вчера днём. – Сходим вместе?

Роман был так рад вопросу, что совершенно прослушал, что в планах – не гулять, не в кафе, а просто смотреть на картины.

И долго-долго крутил на пальце выданный ему в гардеробе номерок, наступал кому-то на ноги, проталкивался через сбившиеся в кучку экскурсионные группы и группки, пару раз чихнул на слишком едкий и сильный запах женских духов, усилием воли держа на лице маску воодушевлённой заинтересованности. В тесных гулких залах ему быстро стало жарко, душно и уныло. Он не годился на роль созерцающего, потому что не умел этого делать – смотреть – в такой плавающей туда-обратно многоликой и многоголосой толпе. Он чувствовал себя неуютно. Чего не сказал бы о спутнице – Наташке здесь нравилось. Периодически она хватала его под локоть и показывала особо впечатлившее: замок из тёмного камня в лесах, залитую солнцем южную деревню с кипарисами, сосновые холмы, где росли земляника и вереск. Она явно была очень довольна своей идеей – сходить в картинную галерею. Она, как оказалось, вообще очень любила музеи. А он и не знал... Роман честно пытался соответствовать её весёлой стремительности и тоже влиться в ритм, но потом скользнул рассеянным взглядом по возникшему перед ним портрету и застопорился, как застыл.

Что-то с ним было не так. С ними обоими – портретом и замершим у него человеком.

То ли узкий не по Средневековую наряд, то ли слишком худая фигура, то ли ломкость лица, высокомерного и не особенно красивого, то ли тень, так странно лёгшая на шею, будто там был рубец или шрам – но за зеленым бархатным платьем, за бледной в синеву кожей и острым изгибом ключиц громко кричала неправильность. И это было странно – портрет как портрет, их в галерее десятки, но Роман стоял, вперившись взглядом в нарисованное масляными красками лицо, и ощущал глубокое недоумение. Главным образом потому, что картина была совершенно непримечательная – какая-то рыжая маркиза, и только, но она приманила его, приковала и заставила заинтересоваться собой.

Может, именно так и полагается ощущать себя в музее? – «Маркиза Дрю». Семнадцатый век. Художник, как видишь, неизвестен... Красивая, правда? – Наташка, уже забыв о разговоре про зубную боль, восторженно разглядывает лицо маркизы.

Красивая? Эта колючая и тощая мегера?

– По-моему, слишком анорексична.

– Тогда тебе – к Рубенсу.

Собеседник, полный профан в живописи, грустно вздыхает. В художественной галерее он, кажется, был в последний раз классе в шестом и запомнил совсем не восторг от прекрасного, а скандальную тётку-смотрительницу, на чей стул

в уголке он так опрометчиво сел, чтобы втихаря зажевать бутерброд. Хотя нет же, ещё ходил позже, студентом... Только куда? С кем? Все эти мельтешащие людские спины, везде одинаковые, ряд не остающихся в памяти полотен, шарканье ног, сухой воздух...

Мимо медленно проплывает семья оживленно галдящих туристов, все как один похожие на небольшие дирижабли. Наташка тихо хихикает.

– Вон рубенсовские модели пошли – хоть сейчас на холст...

– Мне больше по душе золотая середина.

Роман произносит слово «середина» с многозначительным, как ему кажется, ударением. По бокам от Наташки – портрет и говорливое семейство. Но она его уже не слышит: надев наушник, девушка внимает голосу аудиогиды, который рассказывает о висящей перед ней картине. Маркиза Дрю глядит на Романа с насмешкой. Не кавалер ты, ничтожество... Надо законодательно запрещать женщинам подобные взгляды, пусть даже и нарисованным.

– О! Ты представляешь, эту картину нашли при раскопках развалин какого-то замка. Даже особо не пришлось реставрировать – она лежала в сундуке, в слоях промасленной ткани, и хорошо сохранилась. Долгое время была в частной коллекции, а потом внук коллекционера подарил её музею. Должно быть, очень знатная дама, раз «маркиза». А за титулом – целая история: рода, семьи, замужества, всяких двор-

цовых интриг... Так интересно. Маленький мир.

– Угу.

– Ну что ты угукаешь. Давай, попытайся представить...

– Что? – с тоской спрашивает Роман.

– Её жизнь.

«Зачем?» – думает он и опять вздыхает.

Женская рука в тесной перчатке царственно ложится в другую, мужскую, помогающую выйти из кареты навстречу свету отворённых парадных дверей. Шляпки с плюмажем, или напудренные парики, или многоступенчатые причёски, перьевые или кружевные веера, серьги, кольцо и мушки. Оркестр, играющий вальс. Тысячи свечей в люстрах. Балы, праздники, охота. Преследуемая гончими лиса бежит по стально-снежной голубизне. Визгливый лай, пар от дыхания, льдинки инея на срубе, резкие в морозном воздухе оклики. Островерхие пики башен и крыш. Чистота нетронутого фабричными дымами неба. Но и антисанитария, и грязь на улицах, и сонмы вшей и крыс, и болезни, и сгнившие чёрные зубы... Улыбнитесь пошире, маркиза. Что, не хотите? Правильно. Любой стоматолог упадет в обморок от того, что увидит. Да и не только он – Роман, все же представив возможное зрелище, морщится снова. И ширит глаза с внезапно прорвавшимся осознанием.

Позвольте, но...

– Не отказалась бы я так, как она, – мечтательно тянет Наташка, не обращая внимания на вдруг охнувшего собесед-

ника. – Пожить в ту же эпоху...

А он склоняется к портрету, насколько позволяет ограждение, разглядывая то, что заметил только сейчас.

Колкая усмешка маркизы Дрю свободно приоткрывает ряд её передних зубов. Белых-белых.

Недаром они сначала заговорили о зубах. Вот она, неправильность.

– Картину, ты сказала, реставрировали?

– Носить такие же платья... что? А, ну да. Немного.

– Хорошо так отреставрировали. Со вкусом. Просто глянь: у неё зубы...

– У всех зубы, чудак.

– Но у неё здоровые зубы.

– А что тут удивительного?

– Вот ты говоришь: пожить... Всё-таки это средневековое время, и понятия о гигиене сама знаешь, какие там были. Вернее, их фактически не было... А тут – зубы. Даже не желтоватые, а белые! И ровные, аккуратные. Прямо улыбка киноактрисы. Реставратор, видно, подкрасил.

– Хорошие зубы – это ещё и наследственность. Не будь занудой.

– Если за ними не ухаживать, никакая наследственность не поможет. Чистили ли зубы в средние века?

Наташка пожимает плечами.

– Не знаю, – говорит она. – Но платье и правда роскошное. Рыжеволосая улыбается из позолоченной рамы.

Что ж, маркиза...

Характер у неё, конечно, был дерзкий и неуживчивый, и деспотичные капризы наверняка имели место быть рядом с истериками: худоба нередко друг невроза. У нее были любовники, которых прощляпил – или с чем смирился – пожилой благообразный рогоносец-муж, и вряд ли были дети. Или же – пара каких-нибудь бледных и малохольных, вряд ли прижитых от супруга и точно спихнутых на кормилицу. Хорошая мать из маркизы Дрю не вышла бы. Своих служанок она, разумеется, гоняла почём свет стоит. Волосами, должно быть, гордилась. Страдала какими-нибудь благородными недугами вроде мигрени, и умела картинно падать в обмороки, и самым лучшим развлечением видела сплетни, и благочестиво ходила в церковь, и ненавидела красивых крестьянок... А потом кто-то взял её и нарисовал – может, всё тот же любовник, увлекавшийся по совместительству живописью. Спрятал в сундук, запер на замок – хотя бы портрет, потому что не смог женщину. Таких колючих попробуй поймай...

Но, честное слово, внешность-то – сильно на любителя.

– Ты так её разглядываешь – смотри, не потеряй голову...

– Не в моём вкусе, – говорит Роман обиженно. – Такие тощие кости.

Спутница смеётся и толкает его локтем в бок.

– Между прочим, ты тоже тощий. Ладно, пойдём. У нас ещё пять залов впереди...

Пастилок в кармане пальто не нашлось – зато там лежал пустой конверт из-под письма, который Роман не-получил несколько дней назад. Роман и забыл, что положил конверт в карман. Он потрогал плотную бумагу, ощутил шероховатость того места, где был испачканный чем-то адрес некой Милены, вздрогнул и одёрнул руку. Начал накрапывать дождь, но у входа, внизу отлакированных многими ногами ступенек лестницы из серого гранита, так кстати обнаружилась дежурящая стайка оранжевых с белым такси.

– А ты что, пешком? На метро?

Пока ещё мелкий, морозящий, почти нечувствительный и прерывистый – словно подготовка к затяжным осенним ливням, дождь покалывал кожу на лице и руках. Но здесь, на улице, оказалось гораздо приятней – никакой болтовни, беготни, школьников, фотоаппаратов и насмешливых мёртвых образов. Духота, неприятно окутавшая, постепенно исчезла.

– Дальше будет ещё хуже, так что это – почти курорт. А вообще – гулять для здоровья полезно.

Наташка снова рассмеялась и спрятала лицо в отверстии плаща.

– Оптимист! Мне нравится твоё настроение.

– Мне тоже оно нравится. Нетипичное какое-то...

– Спасибо, что составил компанию.

Столичная хмарь, большой мрачный клубок мокрой серости, вдруг показалась радостно-яркой.

– Было бы за что, – сказал Роман.

Большей благодарности, чем слова, он не ждал и потому смутился, когда Наташка крепко обняла его. Тёплое, краткое, отчасти сдержанное, но искреннее и душевное объятие – чем не награда за все музейные мытарства? Щёлкнула, раскрываясь, дверь ближайшего такси. Водитель, грызущий семечки, быстро сплюнул шелуху в пластмассовый стакан и убрал его в бардачок.

– С понедельника наш холодильник на ремонте, помнишь? Так что не приноси на работу портящеся.

– Помню, помню... Но кто-нибудь из наших точно притащит.

– Тогда поможем ему по-дружески. Всё слопаем, чтобы не пропало. Пока! Курортник... Смотри, чтобы нос не сгорел.

Он помахал ей рукой в усеянное каплями стекло, когда автомобиль с горящими на крыше шашечками развернулся и выполз на проспект. Крутящиеся двери вестибюля за спиной выплеснули ещё одну группку говорливых и весёлых людей. Вечер, в общем-то, оказался вполне неплохим – только в следующий раз, пожалуй, следует всё-таки пригласить Наташку в кафе.

И оно встретилось ему на пути совершенно случайно – может, откликом на эти мысли, а может, оттого, что от долгих брождений по многочисленным залам всё навязчивей и громче начал заявлять о себе голод. Или ноги сами приве-

ли. Судьба.

Роман заметил вывеску, когда проходил под желтеющими ещё клёнами бульвара. Один листок, отяжелевший от мороси, оторвался вдруг от своей ветки и мягко планируя, стал опускаться в грязь, и Роман бездумно вытянул руку, чтобы поймать эту яркую звёздочку. Повертел, разглядывая, силась вспомнить какое-то детское, связанное с клёном гадание. Что-то о прожилках, кажется... Они у листа были яркие, красные и ветвистые, как кровеносные сосуды. Похожие на человеческие. Что это значит: будешь долго жить или, наоборот, мало? Улыбнувшись, он поднял голову и упёрся внезапно глазами в точно такой же листок – только выкованный из железа, а потом уже увидел рассеянный свет широких окон-витрин. Уютный, приглашающий. Деревья, тронутые слабым ветром, чуть заколебались. Роман прочёл, подойдя поближе, сплетающиеся слова над тёмной дверью входа: «Под клёнами». Кафе? За окнами висели тяжёлые на вид гардины и виднелись краешки круглых, застеленных бордовым столов. Зайти, что ли... Он потоптался на коврике и толкнул наконец дверь рукой. Тонко звякнул колокольчик. Роман шагнул в тепло и сразу ощутил пряный жаркий запах, тянувшийся с кухни, – запах расположил к себе и заставил живот забурчать.

Совсем юная официантка с такой широкой и жизнерадостной улыбкой, словно Роман был её потерявшимся и наконец найденным братом, восторженно приветствовала его

появление. Роман немного неловко ответил ей, огляделся, заметив несколько других посетителей, и сел за ближайший к кухне и барной стойке стол. Ему не хотелось смотреть на улицу, где мельтешили под дождём люди. Зато хотелось есть.

– Два кофе по цене одного, – доверительно сообщила официантка. – А такому милому, вымокшему под дождем человеку, как вы, да ещё пришедшему к нам с нашим, так сказать, талисманом, я к тому же принесу пирожное. Бесплатно.

Она кивнула на по-прежнему зажатый в пальцах Романа поникший листок и хихикнула.

– Это я случайно, – смущенно сказал милый и вымокший.

– Случайностей не бывает, – назидательно отозвалась девушка и положила меню на стол.

Неровно подстриженные волосы, ярко-белые, как будто обесцвеченные, царапнули уголки её улыбки, когда официантка отвернулась и потрусила к барной стойке – только взметнулась пола длинного, до пола, украшенного вытканными золотистой нитью кленовыми листьями коричневого передника. На носу у неё, обратил внимание Роман, красовались очки с фиолетовым напылением. А на ногах – вытертые рваные джинсы и малиновые кеды. Управляющий кафе, должно быть, здесь очень любим коллективом, раз так лояльно относится к тому, в чём ходят его сотрудники.

– Американо! – внезапно заорала приветливая официантка бармену, просачиваясь мимо стойки и ряда высоких пу-

стых табуретов по направлению к кухне – за пирожным, наверное. Роман вздрогнул и уронил кленовый лист на открытую страницу меню. Бармен – уткнувшийся в газету седой благообразный старик – кивнул и оторвался от чтения. «Слуховые аппараты, вроде бы, стоят недорого», – подумал Роман и тут же устыдился.

Бармен с достоинством оправил клетчатый галстук-бабочку и запустил кофемашину, косясь одним глазом в газету. С кухни послышался скрежет, приглушённые голоса и смех. Роман устроился поудобнее, вытягивая под столиком ноги, и стал рассматривать зал. Оформление ему очень понравилось. Кленовые листья здесь были повсюду: в незаметных на первый взгляд тонких контурах на бежевых гардинах, мелким узором на скатерти, рисунком на абажурах оранжевых напольных ламп. А над барной стойкой, свиваясь, тянулись по деревянным панелям стен выкованные, как и вывеска снаружи, из чёрного металла удивительно достоверные ветви, уходящие к стволу вниз за полками с разноразмерными бутылками и пузырьками. Ветви тоже оканчивались листочками. Бармен, увидев, куда смотрит Роман, вдруг подмигнул ему и дотронулся до чего-то под стойкой. Железные листья вспыхнули и налились ярко-рыжим.

Роман улыбнулся, признавая оригинальность задумки. Огоньки мягко перетекли в тёпло-красный, потом посветлели и стали жёлтыми. Из кухни вышла ещё одна официантка с подносом в руках и направилась убирать освободив-

шийся стол. Свет листьев мазнул по её тёмным, собранным в узел на затылке густым волосам. Эта официантка тоже носила очки с напылением, только чёрные. Нынешняя молодежная мода? Девушка повернулась в профиль, и Роман увидел, что она старше своей белобрысой коллеги. В округлости черт лица угадывалось что-то восточное. Официантка убрала на поднос полотняные белые салфетки и пепельницу, чтобы поменять их на чистые, аккуратно разгладила сбитую скатерть, стряхнула тряпочкой крошки. Руки у неё были очень маленькие и изящные, а ногти – короткие и поблескивающие от прозрачного лака. Роман засмотрелся на то, как изящно она касается предметов, а потом – как изящно уходит, почти церемонно меряя небольшими шажками расстояние от стола до кухни. У двойных дверей с круглыми окошками-иллюминаторами черноволосая посторонилась, пропуская юную официантку в малиновых кедах, которая несла на ещё одном подносе пирожное, что-то сказала ей и исчезла среди пряных запахов. Белобрысая подошла к стойке, где бармен уже выставил чашку с кофе, забрала её и, по-детски высоко задрала голову, тоже полюбовалась на огоньки.

– По-моему, вы чем-то понравились Джеру. Смотрите, что он вам нарисовал.

По белой шапке пены раскинулось пышное и ветвистое дерево – миниатюрное изображение того, что красовалось на стенах над стойкой. Узловатые сучья, кряжистые изгибы коры. Даже видны были прожилки в крохотных листоч-

ках. Этот кофе просто жалко пить, подумал Роман и сказал об этом девушке. Она рассмеялась.

– Лучший комплимент. Ты слышал, Джер?

В кафе царила совсем семейная атмосфера – так часто свойственная частным небольшим заведениям, здесь она была вообще прямо-таки домашней. Наташке несомненно придётся по душе. А вот меню, которое Роман уже три раза просмотрел и так ничего и не выбрал, потому что попросту разбежались глаза, годилось для шикарного ресторана. Четыре страницы одних только блюд из рыбы! Официантка достала из кармана передника маленький блокнот на пружинке и выжидающее замерла. Роман беспомощно посмотрел на неё.

– А... понимаю, – она широко улыбнулась. – Тогда позвольте мне посоветовать вам кое-что. Вот тут, на второй странице – цыпленок с карамелью... Очень вкусно. Карамель, апельсины, кунжут и соевый соус. Это если вы ничего не имеете против сладкого мяса. Я знаю, некоторые на дух не переносят.

Роман заверил, что не относится к последним, и торопливо согласился, на что получил радостный кивок. Официантка шустро застрочила в блокноте. Роман всё-таки решился, положил в кофе сахар и размешал, превращая дерево в спираль. Официантка спросила, будет ли он что ещё, и он поднял на неё глаза, но вдруг подавился словами.

Фиолетовые очки чуть сползли, открывая узкую переносицу и пушистые стрелки ресниц – белых, как волосы. А под

ресницами на Романа внимательно смотрели глаза – розовые, прищуренные и туманные. Розовые с серыми разводами, как плавленное в печи стекло! Роман никогда ещё не видел такого оттенка радужек, но сразу, сопоставив их с цветом волос, ресниц и бровей, понял, что девушка – альбинос.

Она тоже поняла, что именно он увидел, и, должно быть, привычная к такой реакции, необидчиво фыркнула.

– Вот такая я у мамы с папой, что да, то да... И в цирк не сдали! Вторую чашечку вам как, сразу?

Смущённый, Роман кивнул.

– Американо!

Громовой возглас сотряс помещение. Парнишка за столом в конце зала от неожиданности пролил на себя виноградный сок. Чёрноволосая, высунувшись из-за кухонных дверей, неодобрительно повернула голову в сторону младшей официантки, но бармен нагнулся к ней через стойку, и старшая, пожав плечами, вернулась обратно на кухню. Белобрысая с крайне довольным видом направилась туда же, помахивая зажатым в руке блокнотом. Снаружи – Роман услышал – зачастил дождь.

Роман разделался с пирожным и кофе, слушая тихий рокот дождя, пробивающийся через льющийся из скрытых где-то под потолком колонок звук флейты – без слов, одна мелодия, под которую так хорошо представляется шумящий резными листьями над водой восточный клён. Понаблюдал за барменом, за его ловко снующими, немолодыми

уже и морщинистыми руками. Всклокоченные серые волосы придавали ему сходство с безумным профессором. Бармен снова посмотрел на Романа и улыбнулся, теперь став похожим на учителя-чудака. Только почему он здесь, а не у классной доски? Белобрысая официантка принесла вторую чашку кофе и, чуть погодя, исходящую паром тарелку. Цыпленок в густом соусе пах так одуряющее, что, казалось, в кафе одновременно открылся филиал кондитерской фабрики и прос апельсиновый сад. Роман подцепил вилкой кусочек, отправил в рот и зажмурился – как раз тогда, когда над дверью звякнул колокольчик, пропуская с улицы, из сырой прохлады, которая повеяла вдруг стылым шлейфом в пряной теплоте, очередного посетителя.

И старик с собакой, и библиотекарьша, и даже выдуманные рыбы разом сплелись в яркий, слепящий до боли глаза пылающий клуб раскалённого света, поправший весь привычный наружный скептицизм. И все мысли о том, что совпадения – просто случайности, что пойманный в рассеянной задумчивости кленовый листок – просто лист, бездумно сжатый в руке, а кафе – всего лишь кафе, попавшееся по дороге первым из многочисленных и на него похожих. Свет вызолотил тайное, что было спрятано глубоко за оболочкой обывателя – болезненное ожидание пришедшего вдруг в

этот момент ответа на всегда присутствовавший, но незадаваемый себе вопрос: «а такую ли чушь я пишу».

Или, попросту – «нет ли в действительности места для чу-

да».

Она стряхнула тёмные капли дождя с кожи своей приталенной бежевой куртки и прошла прямо к длинной стойке бара. Официантки, было подобравшиеся, вернулись к своим делам: постоянный клиент, но не их, а бармена. Тот привстал и радушно протянул руки.

– Дорогая моя!

Маркиза Дрю, рыжеволосая и живая, села на центральный табурет – вполоборота перед оторопевшим Романом.

– Привет, Джер, – сказала она. – Мне как обычно.

VI

– Ну, я и сказала ему, что дядя хочет переманить его обратно к нам.

– Так и бросит Джер своё кафе, конечно, – хмыкнул Капитан. – А что – Ян и правда хочет?

Четвёртая хихикнула.

– Ну да. Дяде слишком нравился тот мясной пирог. Он уже всем, кажется, нажаловался, что больше никто такой пирог не делает, а ходить каждый день в кафе у него попросту не хватит времени... По мне – пирог как пирог, вкусный, конечно, но не та вещь, чтобы из-за него так страдать. Я больше люблю шницели. Те, которые в ржанных сухарях и с сыром.

Шницели они ели в тот обед, припомнил Курт, и он сам ещё дважды сбегал за добавкой. Раскалённый, как металл в домне, сыр обжёг ему верхнюю губу и язык – так, что потекли слёзы, и он смеялся с себя с набитым ртом, а Лучик по-матерински заботливо вытирала ему щёки салфеткой. Рыжая, вопреки своим заявлениям о нелюбви к супу, делиться им ни с кем не стала. Капитан смотрел на неё с доброй усмешкой. Жутковатая вообще-то получалась у него усмешка из-за этих шрамов – и кто же его так изувечил, господи боже, как он сам не пугается, глядя на себя в зеркало, и Капитан, похоже, понял, почему Курт на него так смотрит сквозь свой неуместно к пристальному взгляду беззаботный смех,

и произнёс:

«То ли с моим лицом ещё случится, когда я рассмеюсь, как ты. Некоторые делают в штанишки – не к столу будет сказано...»

«Извини», – стушевался Курт.

«Я привык, – откликнулся Капитан. – Так что всё нормально».

Он сидел, откинувшись на спинку стула, и пил чай – из разнообразия заварочных пакетов для чайника все единодушно выбрали простой чёрный. Белая больничная чашка почти полностью пряталась в широкой загорелой ладони. Поверх чашки Капитан рассеянно обзирал зал. Он единственный здесь не выглядел пациентом, хотя, наверное, всё же им был.

«Нас много, – сказал он, будто подтверждая, и непонятно добавил: – Это было синхронное извлечение».

Рубашки из мягкого хлопка и брюки без поясов, с завязочками, похожие на пижамные – под длинными халатами, в отличие от накрахмаленных докторских не белого, а светло-голубого цвета, все люди в столовой выглядели почти одинаково. Одежда тоже была светло-голубой, только у девушек иногда попадались песочные или пепельные рубашки. У рыжеволосой, например, была серая, совсем как её глаза – светлый жемчуг при плохом освещении. То, как она периодически шурила их, могло предполагать близорукость. Многие люди в столовой сидели группами по двое, трое и чет-

веро, совсем как они, но Курт увидел и компанию из пяти человек, и несколько одиночек. Некоторые из последних вели себя пугливо: озирались по сторонам, пригибая головы, и вздрагивали, когда рядом с ними кто-то заговаривал. Их успокаивали дежурившие в столовой медсёстры. Но Курт подумал, что самых пугливых здесь всё-таки не было. Таким приносили еду в палаты. Таким, как он. Таким, как он был. Ещё сегодня утром был... а теперь что? Вылез из угла, где сидел, забившись, осмотрелся и полез на яблоню. Поцарапал руки. Ожил.

«Синхронное – чего?» – переспросил он у Капитана. Рядом с ним Лучик сосредоточенно мазала хлеб апельсиновым джемом.

«Извлечение, – сказал Капитан. – Правда, надо признать, не в моём случае».

«А что значит – не в твоём случае?»

Капитан ухмыльнулся.

«Как бы сказать... некоторых приводят за ручку, а не выдёргивают».

О выдёргивании рыжая уже успела им немного рассказать – пока сидели на скамейке в ожидании обеда. Звучало это, прямо говоря, фантастически, но Курт решил поверить. Один чёрт, делать ему ничего больше не оставалось, а он, вновь оживший, жить теперь очень хотел. Для новой жизни же нужна была отправная точка – понимание причин её начала. Принял Курт и то, что это понимание должно при-

ходить постепенно.

«Об этом ты тоже расскажешь потом, да?» – спросил он.

Капитан согласно кивнул.

«Информации должно быть в меру. Иначе она может сделать плохо».

Они разговаривали мало, только ели за одним столом, но это уже соединило их – звяканье ложек и вилок, передаваемые друг другу солонка, перечница и хлеб, чай из общего чайника. Если в обязанности Капитана, как их куратора, входило связать их в одну компанию посредством обеда, то он прекрасно справился. Первое совместное принятие пищи с до того незнакомыми (пусть и не всеми незнакомыми) людьми обладает странным объединяющим свойством: за тарелкой супа быстро привыкаешь к определённом соседству. Дело здесь, подумал Курт, в естественной неловкости, сопутствующей обеду в обществе незнакомцев. Единожды с ней справившись, не хочешь испытывать снова, садясь уже к другим людям.

После обеда они разбрелись кто куда – их куратор вовсе не стремился к контролю. Он предложил лишь снова сесть за этот столик на ужине, распрощался и ушёл. Капитан направился не в один из корпусов, где у него могла бы быть своя палата, а дальше по центральной аллее, которая выводила за пределы больницы и по которой Курт ни разу не ходил. Мелькнула в тених лип и клёнов клетчатая рубашка и исчезла. Курт вдруг понял, что до ужина успеет соскучить-

ся. Рыжая за его спиной сказала что-то про библиотеку и тишину, в которой никто не помешает читать, и тоже испарилась. Зато осталась Лучик.

«Мы могли бы поиграть в бильярд. Или во что-нибудь другое: в общем холле есть и шашки, и шахматы, и маджонг, и ещё куча всего. Только мне надо пойти к себе и принять таблетки».

«Мне тоже, – вспомнил Курт. – Как раз после обеда доктор мне их приносит. Бильярд – это здорово. Надо же, я откуда-то знаю, как в него играть... А отчего тебе таблетки дают, не говорили? Меня вот пичкают-пичкают, а я даже ни разу не спросил, зачем, только вреда от этого точно нет, наоборот, польза: сплю крепко и ничего не болит...»

«И у меня не болит, – сказала Лучик. Правой рукой она коснулась запястья левой, накрывая синяки. – Не-а, не говорили. Впрочем, они доктора, им видней... Значит, встречаемся в холле? Когда – через полчаса?»

«Отлично», – согласился Курт.

Позади них выползали из дверей столовой пациенты – сытые, неторопливые, переговаривающиеся и смеющиеся, так же договаривались насчет послеобеденного досуга и уходили кто вправо, кто влево, группками и поодиночке. К центральной аллее больше никто не направился. На ухоженных зелёных островках газона, на солнце и в тени, стали появляться светло-голубые пятна – кто-то из больных прилёг отдохнуть прямо в траве. Это, увидел Курт, не возбранялось.

«Тут ещё есть автоматы с напитками, – сказала Лучик. – И с едой вроде печенья и вафель. На случай, если кто проголодается до ужина. Бесплатные, конечно. Да и чем бы мы платили...»

«Отработаем», – пошутил Курт.

Ни техническое оснащение своей собственной больничной палаты, ни то, что в переходах и коридорах, в кабинетах терапии и даже на улице на каждом шагу попадались странные, а порой совершенно фантастические агрегаты и аппараты, не вызывало у Курта вопросов. Сначала в своём оцепенении он не был в том заинтересован. Теперь принял, как часть новой жизни. И сейчас он подумал только о том, есть ли в автомате с напитками апельсиновая газировка – страсть как её обожал.

«Пойду лечиться, – с улыбкой произнесла Лучик и погладила его по руке. – И ты иди. И не опаздывай – я буду ждать».

Он смотрел, как она уходит, проходя через увитую плющом красную кирпичную арку к боковым дверям своего корпуса, донельзя красивая и особенная даже в этом обезличивающем длинном халате, и ему было легко. Он всё помнил, но ему было легко, потому что сегодня он был не один, а вокруг была доброта и лето, и в кармане лежало яблоко. Последнее оставшееся там. Он знал, кому его отдаст.

В своей палате Курт достал яблоко, протёр рукавом и положил на тумбочку. Потом подошёл к окну и решительным рывком отдернул штору. Она, бесцветная и глухая, была за-

крыта две недели – а за ней, оказывается, был мир. Золотистый свет обрисовывал двор – а та самая их скамейка и простёршая ветви над ней старая яблоня располагались как раз напротив окна, частично загороженные растущими под ним ровными, стройными, как по линейке посаженными клёнами. По дорожке прошёл человек – свет выжелтил его покатые плечи. Скамейка пустовала, но Курт с неожиданной яркостью вдруг увидел себя: нескладная тощая жердь с запачканными зелёнкой руками, жующая яблоко, светловолосая голова у одного плеча, рыжая – у другого, а напротив, прямо на брусчатке, сидит Капитан. Курт и его друзья, так, что ли? Деликатно постучав, прежде чем войти, в палате появилась Эльза, его лечащий врач. Хотя доктора было как-то невежливо называть просто по имени (но иного обращения к себе Эльза и не признавала, он это запомнил из её бесед с прочим персоналом), Курт радостно позвал её – показать, куда он сегодня забрался, а заодно и угостить яблоком. Судя по грохоту, с которым Эльза уронила поднос с послеобеденным лекарством, она никак не ожидала, что Курт заговорил.

«Наверное, вам это больше не нужно, – уже оправившись от потрясения, сказала она, когда Курт помогал ей собирать укатившиеся под кровать и стол таблетки. – Вы ведь в столовой сегодня обедали?»

«Да. Теперь у меня есть друзья и куратор».

«Это очень хорошо, – сказала Эльза, – если человек ест в обществе себе подобных. Если называет их друзьями – это

ещё лучше. Вы выздоравливаете».

«А чем я болел, Эльза?»

«Одиночеством извлечённого. Есть у нас, здешних врачей, такое наименование одной болезни, которая болезнь не в физическом смысле, а скорее в психологическом... душевном...»

«Но зачем тогда лекарства?»

Эльза добродушно улыбнулась.

«Не подумайте, что мы на вас тут ставим опыты. Всё это ощущение изоляции, невозможность принять себя – принять, к примеру, что жив и существуешь, потому что извлечение, оно же выдёргивание... – Эльза замаялась. Она была совсем ещё молодой женщиной, поэтому старалась смягчить углы сострадательней, чем поступил бы на её месте мужчина-врач. – Оно происходит при определённых факторах, которые сами по себе являются сильным стрессом, не говоря уже о совершенно не ожидаемых последствиях, отчего естественным образом проявляется шок. Всё новое, чужое, память стерильна... у большинства, иногда присутствуют различные травмы. Нет ни одного знакомого лица. Что делать – неизвестно. Словно выпавший за борт... или выброшенная на берег рыба... или заплутавший в лесу... Одиночество. Страх обстановки. Страх себя, потому сам для себя тоже неизвестность. Оторопь. Замкнутость. Такое состояние, очень похожее на глубокую депрессию, должно, как та же депрессия, лечиться, а не запиваться или заедаться».

«А у вас такое было?» – спросил Курт.

«Как доктору, мне болеть нельзя», – рассмеялась Эльза.

«Раз болеть нельзя, значит, есть можно», – и он презентовал ей яблоко.

Несмотря на дружественный жест, она всё-таки поругала Курта за то, что он лазил на дерево и так ободрался. Посмотрела на лежащие на подносе таблетки и решительно смела их в сторону. Курт спросил, можно ли ему пить апельсиновую газировку.

«Вы помните свой любимый напиток?» – обрадовалась Эльза.

«Да. И ещё свое имя. Немного, правда?»

«Уже хорошо. Пейте, конечно. В автомате вы её, может, не найдёте, но попросите в столовой за ужином – вам кто-нибудь принесёт из основной».

«Здесь много столовых? – Курт удивился. – Я думал, только эта».

«Есть ещё основная, в главном здании. Там едят сотрудники».

«Доктора?»

«Доктора едят в больничной, – сказала Эльза. Она взяла поднос, готовясь уходить. – А там – сотрудники. Вы сказали, у вас теперь появился куратор. Он вам всё расскажет и покажет».

«Соблюдаете секретность», – улыбнулся Курт.

«Постепенно вы всё узнаете», – почти как Капитан отве-

тила Эльза.

Он слушал, как по коридору стучат её низкие каблуки, и размышлял о том, лечили ли от похожей на глубокую депрессию болезни, которую здесь называют одиночеством извлечённых, Лучика, рыжую и Капитана. Особенно Капитана. По нему не было похоже, что он может сидеть, оцепенев, в уголке.

– А вот и нет, – сказал Капитан. – Пирог и правда божественный.

– Тогда тебе надо объединиться в коалицию с дядей. Будете пикетировать кафе и лично Джерри.

– Ну, я вовсе не имею в виду такие радикальные методы... Завтра, может, зайдём к нему?

– Вечером? Давайте, – рыжей идея понравилась. – Давно у него не собирались всей компанией. Он будет очень рад.

Лучик кивнула и погладила дремлющего на подушке кота.

– Курт, ты достал переноску?

– Сейчас, сейчас...

Он рылся в шкафу, пытаясь одновременно не обрушить горы накопившегося там полезного и не очень хлама и найти требуемое. Но под руку попадались, как обычно, совсем посторонние вещи: велосипедный насос, коробка с салфетками, полотенца, утюг, батарейки, сложенный крылья сломанный ярко-зелёный воздушный змей. И много других, относящихся к понятию «посторонние» ещё больше – духовые

трубки из полых костей птицы ои, низкорослый деревянный тотем, чёрная вода, запечатанная в пробирку, мутный кусок янтаря с разъеденным ржавчиной циферблатом часов внутри него, рыцарская перчатка-протез, странные, будто созданные из заливот эпоксидным клеем паутины или изморози серьги – откуда это? – в лакированной коробочке, засушенные зубастые цветы, так и не взошедшие здесь собранные им самим семена крюкохвата. И ещё одна окаменелость – крупный, лежащий на самом дне шкафа булыжник с выступающим, но намертво въевшимся в поверхность зеркалом с ручкой. Стекла в нём не сохранилось, только ставший по своему составу почти неотличимым от камня когда-то железный остров. Курт всегда хотел расколотить этот камень и посмотреть на обратную сторону вмурованного в него зеркала.

– Долго ещё?

– Сейчас... Тут не шкаф, а какой-то запасник музея!

– Сам заполнял, – невинно сказал Капитан. – Особенно всяким барахлом из задверья.

Что правда, то правда, и Курт только фыркнул, зарывшись лицом в висящий на вешалке тёмно-красный меховой плащ. Это был его плащ, он пах травами и смолой и совсем уже не пах зверем, потому что Курту разрешили забрать плащ только после обработки специальным, убирающим животный запах составом. Чтобы вернуть пострадавшие от этого ароматы леса, Курт две недели хранил переложенный травой и кусочками коры плащ завёрнутым в плотную бумагу.

И трава, и кора теперь лежали в кожаном мешочке у пояса. Там же были и бусы, и амулеты, и пара корешков, самых не вонючих из принесённых тогда шаману. А на капюшоне осталась с ещё большим трудом отвоёванная череп-маска. Светодиоды из глазниц Курт убрал.

– Я заберу всё своё домой, – глухо пообещал он, уткнувшись в мягкий мех.

– Когда? – спросил Капитан. – А то я имею виды на свободное место.

– Когда найду, куда это пристроить дома.

– Всё ясно. Губу закатываю.

Переноску Курт обнаружил на самой верхней полке, за сумкой с собранной палаткой и свёрнутым рулоном плавательного матраса. Вжикнул, проверяя, молнией. Спящий кот дёрнул ухом на знакомый звук.

– Да, – нежно сказал ему Курт. – Ты не ошибся, усатый. Грядет то, что ты так не любишь.

– Тебе через тридцать минут выходить, – Лучик сверилась с часами. – И, знаешь, пойду-ка я тоже.

– Думаешь, что я не справлюсь с задачей отнести этого идиота в ветеринарку?

– Он не идиот! Он будет бояться, а ты же не умеешь утешать, ты только насмешничать горазд и издеваться...

Лучик с решительным видом натянула свои голубые, с вышитыми снежинками варежки. Потом, подумав, что сидеть в них всё-таки будет жарко, сняла.

– И ещё на обратном пути надо зайти в магазин. Я кое-что забыла.

– Курт – тягловая сила, – ухмыльнулся Капитан.

– А когда это было иначе? – беззлобно проворчал тот.

– Давай, рыжая, – вернулся Капитан к прерванной истории. – Рассказывай, и как раз их отпустим. В полчаса уложишься?

– Уложусь раньше. Курт, садись, садись и оставь в покое молнию, кот нервничает...

Курт отставил переноску на пол и закрыл дверцу шкафа, в последний раз вдохнув лесной запах. Сосны, туман, светлячки, старая священная Гора. Запах той самой истории.

– Только вот, рыжая... – вспомнившая что-то Луч поспешно вклинилась перед началом продолжения. – Пока не ушли далеко от темы музея. Кто нарисовал тот портрет? Кто нарисовал тебя? И когда?

Четвёртая пожала плечами.

– Честно говоря, я не знаю.

В шкафу с грохотом что-то обрушилось.

VII

Ян занимался тем, что бросал монетки в воду. На дне аккуратного небольшого бассейна, находящегося в вестибюле, в тених от статуй и нависших над мраморными бортами широких ветвей праздничной ели поблескивали, как чешуя, россыпи брошенных ранее – белых, жёлтых, красноватых, серых, однотонных и в цветной эмали, цельнометаллических и дырчатых. Треугольных и круглых, тонких и длинных, как счётные палочки, в виде игральных костей. Ещё один особый ритуал тех, кто ходит через двери, так похожий на туристическую традицию бросать монетки в водоёмы близ достопримечательностей, чтобы к ним когда-нибудь вернуться. Только у Идущих было всё же по-другому: чтобы просто вернуться, вернуться живыми, потому что двери, помимо открывающейся в них иномирской красоты и приносимой ими деятельной радости познания, таили в себе – каждая – опасность. Биоблок защищал от заболеваний, оружие – от недружественных зверей и разумных существ, но помимо этого существовала природа: вулканы, отвесные скалы, отравленные шипы незнакомых цветов, топи, плотоядные деревья. И были ещё человеческие ошибки: растерянность, страх, неуверенность, слабость, свои и чужие эмоции. Последние губили гораздо больше людей, чем ягуары и грязевые оползни, и мало кто понимал это, обращал на это внимание, хотя в сво-

де правил Организации на данный счёт существовал выделенный красным цветом параграф. Даже Ян в своё время, а ему-то очень повезло, он не погиб... Существовал параграф – такой стыдный, если вдуматься, чуть ли не унижающий, а двери порождали в открывающих их и ходящих сквозь них самоуверенность и ощущение силы. Монетки, когда их набиралось слишком много, – так, что они начинали ржаветь, пуская по воде рыжие спиральки разрушающегося металла – выгребали уборщики, но ходящие бросали и бросали, и не всё брошенное справлялось с отводимой ему ролью: обещающий возврат талисман...

Ян не собирался никуда идти, ни в какую дверь – просто сунул, поднимаясь с нулевого, случайно руку в боковой карман пиджака и обнаружил там тонкие пластинки «клевера». Вспомнил: сгрёб, не глядя, утром из среднего ящика стола, когда искал степлер, сгрёб и положил в карман, просто потому, что было очень приятно, один раз коснувшись, дальше ощущать в руке эти маленькие прохладные узорчатые пластины. Несмотря на то, что монетки были очень тонкими, тонули они хорошо, а в ящике стола их ещё оставалось порядочно – если быть точным, то сто с лишним штук, когда-то вручённых Яну в грубо сшитом из кожи мешочке. «Клевером» он называл их из-за формы, хотя они были – «ли». Они не пахли металлом, зато немного фонили, но это было не то заражение, чтобы оно могло повлиять на Идущего. За мешочек таких маленьких ли за одной давно закрывшейся дверью

можно было купить деревеньку с её населением. Ян вспомнил ещё, как выла сирена тревоги, потому что с той стороны что-то случилось – что-то глобальное, страшное, и как он, поспевший на пульт первым, радовался, что там нет никого из Идущих, и как *оно* закрыло дверь, превратив её в обычный кусок дерева, за которым осталась только обнажённая штукатурка стены. *Оно* не дало разобраться в произошедшем, не разрешило – спасло. *Оно* действовало не по команде, само. Датчики успели зафиксировать только гигантский скачок температуры. Восемь лет прошло, кажется, или даже девять... А мешочек остался – на память.

Ян бросал в воду крытые соломой хижины на высоких сваях, безмолвие затопленных полей, на которых рос фиолетовый рис, худых длиннорогих коров, черноглазых крестьянок и их ребятишек, зелёный закат, два месяца в небе, рощи бамбука, гниющие и ржавеющие в них старинные остовы мёртвых танков. Ему нужно было сейчас какое-нибудь размеренное, сродни медитации действие, чтобы отойти от всего и спокойно подумать об одной важной вещи.

Голос в телефонной трубке плавал и дрожал. «Гнусное преступление... Мерзавцы!» Гнев был бы вполне оправдан, и гневное подозрение тоже, устало думал Ян, чуть отведя телефон от уха, чтобы поток бурных слов не смыл его совсем, – да, был бы, потому что вот он, заграничный коллекционер, вот картина, которую он хочет купить уже второй месяц, вот неуступчивый вредный старик-галерист, а вот – картину

вдруг украли. Так легко заподозрить, почти естественно, кто мог это сделать, потеряв в конце концов терпение и просто наняв нужных людей! Но голос дрожал не поэтому – в голосе были расстройство и шок. Ян вслушался в звенящие эмоции. Владелец галереи, запнувшись на каком-то слове, полуглашено икнул и судорожно попытался отдышаться. Если его речь звучала шокировано, то эта пауза – страхом. Старик смертельно боялся, что Ян заподозрит в краже картины его, не желающего продавать её, самого.

Как плохо всё получилось. Как любопытно.

Трубка плакалась Яну на ухо, а он слушал, поднимаясь по лестнице, ведущей от гермозатвора к лифтам. Слушал молча, и молчание это, которому он постарался придать грозную ноту в огранке сдержанной вежливости, было стариком услышано. Даром что тот не был Идущим. Тот рассыпался в жалобных и неуклюжих извинениях и стал заверять, что полиция уже работает. Ян вздохнул и спросил прямо, есть ли запись с камер наблюдения. Старик-галерист издал отчаянный стон. Этого Яну хватило, чтобы больше ни о чём не расспрашивать.

Сначала он проклял себя за то, что сам не додумался сделать так, как тот неизвестный вор. Попросту взять и стащить, открыв ночью дверь, – кто поймает-то и догадается? Да, стащить, даже не заводя разговора, стащить сразу же, а не нести ахинею, изображая из себя богача-иностранца... Рик, наверное, так бы и сделал, но Рику Ян ничего не сказал. Сейчас

он сожалел об этом. Однако на место сожалению и чертыханиям быстро и странно пришло другое: взбадривающий интерес.

Кто это мог быть?

Вариант с попавшим Ян отмёл сразу – его уже здесь не было. И уж конечно это не мог быть никто посторонний – обычный вор, вор-человек, непонятной эксцентричностью своей нацелившийся почему-то на не слишком примечательную картину неизвестного художника. А было, должно быть, окошко, которое кто-то сделал в стене и преспокойно снял с неё картину. Не попав на камеру ни рукавом, ни даже фалангой пальца. Картину стащил Идущий. Ян мысленно записал в подозреваемые пять знавших о ней человек: компанию своей племянницы с ней самой во главе и Рика. Вздохнул и поставил в конце воображаемого списка многоточие.

Рик подошёл со спины и сел рядом на бортик, опустив одну руку в воду. Он мог бы, нагнувшись, дотянуться до ближайшей россыпи монет, но не стал этого делать.

– С твоей «зеленью» снова проблемы, дружище, – негромко сказал он.

«Проблема у меня с картиной», – подумал Ян, но вслух спросил: «Что случилось?».

– Кто-то, взяв её, рылся в архиве.

– Рик, ты интересуешься живописью? – спросил вдруг Ян.

– Нет, – ворчливо сказал заместитель. – И не уходи от разговора. Опять твоя племянница, опять пошло-поехало...

– Рик, сегодня ночью из музея стащили ту картину. Помнишь, «Маркиза Дрю». Я пытался её выкупить, почти сговорился, а тут... Это не ты украл, часом?

– Нет, – снова сказал заместитель. Тон его голоса стал мягче. – Но, если бы ты предупредил меня, что картина тебе нужна, я бы это сделал. Придумал тоже – выкупать... Деньги тратить некуда?

– Рик, воровать бесчестно.

– Мы каждый день ворует друг у друга – слова, время, эмоции. Что теперь – повеситься?

– Но я тебе про материальную вещь. Нанесли галерее убыток... владелец её в трансе и ужасе. Жалко его. И обидно.

– А ты сам не думал, чтобы стащить? – бесцеремонно прервал заместитель.

– Думал, – честно ответил Ян. – Только что, после того, как мне позвонили. Опоздал, как видишь, даже в соображениях. Дурак...

– Ваше псевдоблагородство, – ехидно сказал Прайм.

Ян осторожно потрогал воду – прохладная.

– Надо бы запустить сюда рыбок.

– Зачем? – полюбопытствовал Рик. – С удочкой сидеть или для красоты?

– Золотые рыбки приносят удачу. Ну, так говорят. Будут вместо монет...

– Теперь каждый уходящий будет бросать рыбу, что ли?

Ян покачал головой и прицельно заехал узорчатым ли

по перебирающим воду чужим длинным пальцам.

Как и стадион с парком, в воскресенье вестибюль пустовал. Мраморные чёрные плиты, по которым Матиас прошёлся утром, ведя перед собой полотёр, казались чистыми и блестящими, словно зеркало: так за весь день никто толком и не потоптался. Сквозь подёрнутые изморозью стёкла входных дверей, вниз от которых спускалась широкая лестница, были видны забелённая снегом, с уже блёкло зажегшимися фонарями округлая ухоженная площадь и три расходящиеся от нее дорожки, мощёные камнем: к больничным корпусам, к стадиону и парку, в город. Городские огни тоже были видны отсюда: здание Организации стояло на холмах.

– Твой код, – начал было Рик снова, но Ян перебил его:

– Посмотри, какой город красивый. Праздничный. Для тебя он тоже должен быть...

Заместитель поморщился, как будто услышал непристойность.

– Что мне до него за дело?

– Не можешь попасть, так просто взгляни. Не отказывайся. Это – дар прорехи, не проклятие.

– Я и не хочу никуда попадать. Мне хорошо тут.

– Рик. Мы обязательно найдём способ.

– Способ – чего? Зачем? Ян, перестань. Я не какой-нибудь неофит, пускающий сопли на вершине холма...

Ян вежливо замолк. Город мирно светился в наступающих сумерках – разноцветные огни, много-много крыш...

– Как ты видишь его? – от последнего директор всё-таки не удержался. – Какой он для тебя, Рик?

– Непонятный и ненужный, – равнодушно ответил друг. – Декорация. Ну, прореха, ну и что...

Он вяло баламутил воду, будто всё никак не мог смыть что-то с пальцев. Размышлял о своём. Перебирание воды было того же рода отстранённым действием, как бросание в неё монет.

– Что случилось? – спросил директор.

– Код, – сказал Рик. – Я из-за него наорал на Капитана.

– Поссорились, – сочувственно отметил Ян.

– Ну, вроде того. Хотя уже помирились. Я извинился.

– Тогда чего киснешь?

– Всё тот же код, представь себе, о чём я и хочу тебе рассказать. Его ведь не Капитан брал.

Ян глубоко вздохнул и зажал в кулаке оставшиеся монетки – стоящие на бамбуковых сваях дома за дверью, которая давно закрылась. Что бы он делал с этой деревней – рис в ней выращивал на продажу, стал местным купцом? Там же вся земля радиоактивная, и вода, и коровы...

– Хорошо. И кто его брал?

– А то ты не знаешь, – ответил заместитель.

– Я поговорю с ней, – терпеливо произнёс Ян. – Только скажи, что она там искала.

– Ничего нового. Читала про Креймера.

– Тогда я не понимаю твоей укоризны.

– Читала про Креймера. Теперь ей это стало интересно. Вот так, вдруг, внезапно... Ян, – заместитель поднял на него глаза, – с чем может быть связан такой интерес?

Директор постарался отреагировать мирно:

– Просто интересуется своими корнями. Семей. Она ведь, наверное, даже помнит его...

– Да? – Рик иронично вскинул брови. – Что это за интерес к семье такой, если называется – «спонтанный переброс»? Или это интерес к смерти?

Ян разжал пальцы и высыпал ли в воду – все, до одной, неслучившиеся плантации на заражённой земле. Потом повернулся.

– Извини, – сказал Рик.

– Рассказывай.

Пока снег мёл в наружной загустевающей тьме, Рик рассказывал. Он рассказал всё, что увидел сегодня в базе, но добавил, чтобы успокоить: «*Оно* не допустит». Ян невесело рассмеялся.

– Не допустит очередной переброс? – сказал он. – Отчего бы?

– Хотя бы оттого, что для спуска на нулевой этаж необходимо «золото». В оба предыдущих раза переброс запускали Идущие, уполномоченные на владение «королевским».

– Может случиться так, что в третий раз «золото» не понадобится. Отключение системы, крупный форс-мажор... Я не вечен, в конце концов.

– Не вечен и слишком добр, да, но как раз на подобный случай у тебя есть заместитель.

– Ты тоже не вечен. Не обижайся.

Рик улыбнулся.

– На это мне нечего тебе возразить. Что тогда – может, ко всем дверям зальём нулевой этаж бетоном?

– Ага, погоди, только я туда перееду, и заливай.

– *Оно* так без тебя не может? – серьёзно спросил Рик.

– Именно. Без цикличного взаимодействия с человеком потеряет и себя, свою форму... Исчезнет контакт. И никаких больше дверей и нас.

Рик сказал тихо, но так, чтобы Ян услышал:

– Зато ты знаешь, как при случае со всем покончить.

Ян долго смотрел на фонари округлой площади и дальше, на городские огни. Он знал.

– Я не могу ей это запретить, понимаешь? – наконец произнёс Ян. – Не могу сказать: «не ищи себя». Целых четырнадцать лет, которые куда-то пропали.

– Методы у неё противоправные, – заметил собеседник.

– А других и быть не может. Как ещё узнать?

– Вспомнить. Со временем.

– Ну, вот ты же не вспомнил. Хотя для тебя прошло уже почти двадцать.

– Дело в том, что я не хочу вспоминать, – сказал Рик. – Совсем не хочу. Мне понравилось родиться сразу совершеннолетним.

– А я бы искал своё детство, – ответил Ян. – Но это я. Ты не настолько подвержен сантиментам.

– Это хорошо или плохо?

– Главное, что это не мешает тебе жить. Не мешает же?

– Ничуть.

Ян лукаво сощурился, глядя на друга.

– А, может, на самом деле ты всё помнишь, только не признаешься? Рик?

– Может, – смиренно согласился тот. – Ни себе не признаюсь, ни тебе... Разум – странная штука. Запечатывает во много коробок. Дай мне тоже монетку. Или ты что – все их высыпал?

– Все, которые с собой брал, но в ящике стола есть ещё. Рик, вот насколько я помню, ты монеток сюда никогда не кидал. Даже когда был командиром действительной группы и ходил через двери. Почему?

– Просто я не суеверен, – Рик всё же склонился и зачерпнул горсть монет вместе с водой, побежавшей по пальцам. – Да и жалко. Красивые ведь, заржавеют...

Один из брошенных Яном ли лежал как раз поверх блестящей горки.

– Мне везёт, – довольно отметил Рик. – А ещё, Ян... Рядом с тобой, на ёлке, конфетка в красной обёртке. Не эта, карамель... Вот, да. Можно мне её? Интересно, какое предсказание на этот раз попадётся...

VIII

Иногда ему случается заметить их в толпе. Части привычного, памятного в лицах и облике незнакомых людей, эх-воспоминание, похожее на внезапный укол или яркий проблеск в тумане – то, что можно назвать отзвуком прошлого, его приветом, улыбкой, подмигиванием. Водопад светлых волнистых волос, катящийся по спине женщины, стоящей впереди на эскалаторе, её ладони в карманах брюк – так, подавшись к окну, стояла лет десять назад безымянная уже одноклассница, глаза на первый снег, а Роман был влюблён в неё, невзаимно. Выходящий из автобуса очень высокий мужчина в светло-сером пальто – прямоугольная, будто искусственно деланная узость его плеч, сутулость и ещё то, как он чуть набок и вниз наклоняет свою большую голову, пробуждают картины о давно брошенной секции биатлона и приятеле под два метра ростом. Мелькнувшие во встречном потоке толпы острый небритый профиль и клетчатость шарфа – точь-в-точь учитель рисования. Сигаретно-гаражный, мастеровой, ремесленный дух, где табак смешивается с машинным маслом и канифолью, тянувшийся за каким-то усталым работягой... тянувшийся когда-то за отцом, как метка рук, умеющих чинить и создавать, научивших и сына. Сдавленный, краткий, словно силком загоняемый обратно кашель, отрывисто рванувший воздух внутри вагона метро.

Когда мать болела, она не любила, чтобы её слышали, и делала так же. Они реют повсюду в звуках и красках, в случайно учуянных запахах, в манере походки или движении женской руки, что машинально поправляет выбившуюся из-за уха прядь – они, моменты прошлого, бывают неожиданны, бывают радостны или даже смешны. Но этот не забавен ни капли. Худые скулы, надменная холодность, некрасивая бледность лица. И волосы – ржаво-рыжие. Да что за ерунда здесь творится?

Этот облик не из ряда частей и частиц, потому как идентичный полностью и цельный. Но чувство всё то же – здравствуй, дружище. Сто лет не виделись. Роман замирает и обращается в слух. Ободок чашки приникает к губам, но раскрыть их и сделать глоток – невозможно. Ему кажется, что он видит сон: острые черты-штрихи, белая с синевой кожа, усмешка. Или же они здесь добавляют в кофе опиаты.

– Неделю тебя не было. Дела?

– Дела.

– Как твои поживают?

– Неплохо. Луч просила передать благодарность за кексы.

Сладкоежка мелкая...

– Хе... Очень рад. Спеку ещё.

– Спасибо, Джерри.

– Не за что, искорка, не за что. А дядя?

– Всё мечтает заманить тебя обратно на нашу столовскую кухню. Только тшш... я ничего не говорила, не то ему будет

неловко.

– Хе-хе... ладно, ладно, сохраню это в тайне. Но пусть тоже как-нибудь заглянет. Он же знает, что я всегда рад его видеть. Мёд?

– Да, ложечку. Джереми... модный галстук.

– Дать поносить?

– Только в комплекте со штанами.

Двое смеются. Рыжеволосая перекрещивает ноги в аккуратных темно-жёлтых ботинках, заводя ступни за одну из перекладин табурета. Роман тупо отмечает: подошвы ребристые. Бармен извлекает откуда-то из-под стойки блюдо с нарезанным лимоном. Поискав, достаёт к нему шпажки и втыкает пару в яркие полумесяцы. Маркиза Дрю пьёт чай. От той, нарисованной, она совсем не отличается – разве что одежда и причёска другие. Натурщица трехсотлетней с лишком давности. Что она здесь делает?

– Просто шла мимо, – отвечает она на незаданный вопрос.

Роман, всё-таки заставивший себя выглядеть чуть более естественно, чем застывший от изумления истукан, цедит кофе маленькими глотками.

– Почаще так ходи, искорка, – добродушно улыбается бармен. – А вообще гулять в дождь – это на любителя, конечно. У меня вот начинают ныть все кости.

Маркиза ставит чашку и накрывает руки бармена своими – старик и девушка, слишком молодая для того, чтобы казаться его дочерью, и слишком взрослая для внучки. Она

понижает тон, говоря тише.

– Джерри.

Голос у маркизы Дрю мягкий и ровный. Не так разговаривают маркизы – в речи тех должно быть больше жеманства и властной ленивой капризности. Она – не портрет, хотя с ним на одно лицо, и всё это всего лишь удивительное совпадение, над которым покачать бы головой и забыть, да только следующие фразы заставляют вздрогнуть и насторожиться ещё сильнее:

– Я сейчас иду в Неназванный-16.

– Один из новооткрытых?

– Два года как. Только внимание к нему было самое мизерное. Мир первобытный, дикий... Там Курт дежурит. Со скучилась.

В выцветших глазах бармена бегают хитринка.

– Нелегально пойдёшь, не так ли?

– Ага. Контрафакт.

– Дядя будет ругаться.

– Но я ему не скажу.

– Рыжая ты, бесстыжая...

Маркиза Дрю хохочет. Белобрысая официантка, помогающая своей подруге убирать со столов, мимоходом показывает стойке одобряющий большой палец.

– Чем я люблю все задверья, так это тем, что мне не нужны ключи к замкам. Ну, почти все.

– Есть те, которые тебе не нравятся?

– Парадокс в том, что мне нравятся любые, даже мёртвые. Нет, я имею в виду, что контрафакт не во всех проходит.

– Ну, я в этом деле не специалист... Отчего так?

– Я не знаю.

– Владеешь таким умением, искорка, а не знаешь. Надо где-нибудь поинтересоваться. У кого-нибудь.

– У кого – у дяди? Но ему, как и всем прочим, контрафакт неподвластен. Вот если бы найти ещё одного такого же умеющего... Хотя нет, пожалуй. Я буду ревновать.

– Хе-хе...

– И, между прочим, Джер! Вот ты намекаешь, что мне стыдно не знать, но ведь и Лучик не всё понимает про свои глаза, и редкие обладатели чуйки не могут сказать, почему для того, чтобы услышать след двери, надо обязательно коснуться человека.

– Может, помогла бы база?

– У меня фиолетовый.

– А дядя что же?

Маркиза отвечает, но таким тихим шепотом, что ничего не слышно.

– А, – бармен опять улыбается, сгоняя морщинки к вискам.

Он наливает чай и себе. От стойки плывет тонкий специфический запах зелёного. Роман никогда не любил зелёный чай – уж слишком он, на его вкус, отдаёт рыбой и горечью. Проливший виноградный сок парнишка возвращается

из уборной, где, судя по не до конца сошедшему пятну на синей ткани джемпера, сначала его застирывал, а потом держал под сушилкой для рук. Черноволосая официантка утешительно ему улыбается. Парень веселеет и заказывает что-то из алкогольной карты.

– А потом попросит у неё телефон, – делится бармен с рыжеволосой, чуть кивнув в сторону пострадавшего от сока. – А она, как обычно, даст номер бюро судмедэкспертов. Отбрасывает всех кавалеров. Гордая...

– Брось, Джер. Имеет право.

– Ну, раз так, передам – пусть порадуетя...

Парнишка заказывает виски. Бармен, отвлёкшись от разговора, отворачивается за бутылкой и стаканом. С улицы заходит небольшая компания озябших подростков, которые оккупируют стол в глубине и с гомоном принимаются обсуждать один из бесчисленных популярных сериалов.

– Так вот, – говорит маркиза, возвращаясь к первоначальной теме. – Неназванный-16. Тебе оттуда принести что-нибудь интересное?

Бармен хихикает.

– Себя, живую и здоровую. И какой-нибудь цветок, только не ядовитый и без зубов. Засушу под стеклом и повешу над стойкой.

– Договорились.

Они болтают ещё минут пять – о незначительном и простом: погоде, сезонной простуде, ближайшей кинопремьере.

Чашки пустеют (их уносит белобрыся), и маркиза начинает собираться. В случае человека, не обременённого сумкой, рюкзаком или надеванием верхней одежды, это просто поворот на бок.

– Всего тебе хорошего, искорка.

– Пока, Джерри.

– И всем привет. И ещё заходи.

– Обязательно.

Маркиза перегибается через полированную поверхность стойки, чтобы поцеловать старика в щёку. У неё при этом немного игривый вид. А у бармена – довольный. Наверное, в молодости был тем ещё сердцеедом. Рыжеволосая слезает с табурета и идет к выходу. За чай, замечает Роман, она не заплатила. Маркиза проходит мимо него, и он ощущает запах её парфюма – странный, неженственный, отдающий древесной стружкой, кофе и кожей, хотя в последнем случае это может быть и запах мокрой куртки. На сидящего за столиком маркиза не смотрит. Блёклый, усталый, угрюмый – он явно не магнит для женских взглядов. Было бы немного обидно, когда бы не было сейчас нужды как раз в подобном, и Роман даже рад: рыжеволосая не поняла, что он подслушивал. А бармен?

Тот, прищурясь, отстранённо протирает безупречное дерево стойки и так же отстранённо глядит вслед своей гостье. Блюдечко с последней оставшейся долькой лимона печально белеет у его правого локтя. Закончив протирать, бармен уби-

рает блюдце, чтобы снова вернуться к газете. Шурх. Словно включён режим: «ничего не было». Белобрысая официантка, держа в руках блокнот, подходит к Роману.

– Что-нибудь ещё желаете?

Роман торопливо просит счёт и зачем-то, будто оправдываясь перед ней и её радушием, добавляет, что засиделся и теперь опаздывает. На двери опять звякает колокольчик – теперь прощально. Маркиза проходит мимо витрины-окна. «Что-то будет», – лихорадочно бьётся в мозгу, а поверх этого звучит слово: «Сенсация». Пальцы дрожат, когда Роман раскрывает бумажник. Раз, два, три, четыре, пять – отсчитывает он навскидку, пока не принесли чек. Кое-кому теперь придётся жить экономно, но хорошо, что лишь до конца недели, а там зарплата, и в общем-то нет смысла переживать, а ещё ведь это, это – что оно обещает, чем грозит, будет ли оценено эквивалентом не только эмоционально-зрительским, но и...

Зарождающийся восторг от неведомого теснит неродившиеся фантомы падающих с неба банкнот. Не деньги ему на деле нужны – живущая бок о бок с реальностью сказка.

Он платит по счёту и выскакивает на улицу. Быть может, слишком поспешно, привлекая к себе внимание, но у него нет времени одёргивать себя и оглядываться. Поток бурчащих автомобилей медленно ползёт по проспекту. Роман ищет рыжеволосую в разреженной массе толпы. Впереди мелькает приглушённый всполох шевелюры – и левое плечо,

обтянутое блестящей кремовой кожей куртки, на несколько секунд показывается среди серых и чёрных одеяний горожан. Этой осенью отчего-то в моде унылость. Любопытно только, в одной столице или повсюду. Очередной студент сует в руки листовки – рекламу суши-бара. Снова начинает накрапывать. Дожди ещё не обрели осенней силы, когда за серой пеленой деревья, лица и дома одинаково обесцвечиваются, и не секут – касаются, но уже достаточно холодные, чтобы сбить первоначальную горячность. Гудки сливаются в один противный визг. Если быть честным, городские голоса иногда звучат почти омерзительно. Кто-то из прохожих сплёвывает под ноги. Город не любит патетиков и слабаков; Роман хочет думать, что он причисляется к первым. В витринах поверх норковых шуб и дубленых пальто, сапог, часов, цветов, браслетов, цельных фигурок из шоколада видно торопящееся отражение: бледный, худой, невысокий, непримечательный горожанин. Никто не поверил бы, что он ловит сказку. Да и он сам...

Он многократно мечтал. Что в старой блочной пятиэтажке и правда живет колдунья, управляющая грозой и ветрами, что среди людей ходят иномирцы, что на кладбище воют вовсе не псы, а сны бывают не только вещими, но и приветом из прошлой жизни. Что груда тряпок на чердаке вполне способна обрести объём и плотность и воспарить к гниющим балкам. Он даже готов был допустить, как итогом, намокшие штаны и седину, а то и микроинсульт, лишь бы только

получить подтверждение, что мир глубже, чем квартальный отчет и алкоголь по пятницам. Даже готов был принять то, что, возможно, не вышел бы из этой встречи живым. В конце концов, он был пока ещё всего лишь плывущим на спине. Он ещё не обрёл ничего, что заставило бы зубами держаться за существование. Ничего, кроме идеи – увидеть, к чему так тесно вдруг приблизился сейчас. Он гонит себя вперед через лужи и недружественные спешащие спины, сквозь поток бледных лиц, плечи, ударяющие по его плечу, загазованный воздух и окрики, зазывающие посетить экскурсию или магазин, купить путевку, страховку, билеты в цирк и театр, арендовать квартиру на сутки или сауну на ночь, принять участие в лотерее и розыгрыше, гонит вслед за мелькающим эхом волос – рыжая уже далеко. Но Роман успевает понять, что она свернула с проспекта. Он бежит, расталкивая людей и едва ли слыша ругательства, чтобы как раз у того места, где мигает светофор и вправо уходит скользкий асфальт проулка, поймать взглядом ржавь, исчезающую в провале двора метрах в трехстах от себя, и кинутся туда, затормозив, чуть-чуть не добегая, – от одышки и осторожности. Прокрасться, как вор, через подворотню, минуя исписанные граффити стены. Затаиться. Выглянуть. Увидеть.

Зловоние мусорных баков врзается в ноздри. Банки, бутылки, пакеты, сочащиеся какой-то коричневой жидкостью, огрызки и очистки, что-то прошуршавшее – может быть, крысиный хвост. Аммиачная вонь. Сыплющаяся со стен

штукатурка. Сто лет не ремонтировали эти дома, а ведь почти в центре города... Куда же ты лезешь, Роман. Он вовремя прячется за краем контейнера: маркиза, стоящая у глухой стены из кирпича, оглядывается по сторонам. Вечер окутывает её плечи, выделяя яркими пятнами светлую куртку и волосы. Из какого-то окна над головой у Романа раскатывается громкая трель заставки круглосуточного новостного телеканала. Рыжая смотрит не на контейнеры – на окна, выходящие во двор, и, очевидно успокоенная, отворачивается обратно. Что именно она делает, не разглядеть – загораживает собой. Звуки, если они есть, глушит громкий голос диктора. И всё случается в одно мгновение, настолько быстрое, что оно совпадает с морганием глаза: маркиза шагает вперед и пропадает. Лишь остается потерявший свою опору сумрак, падающий вниз, как ткань, на место у стены, где только что стоял человек. И романово обидчивое изумление – ну зачем сразу так-то, и куда, и что теперь ему, одному, с этим делать.

Он подходит, всё ещё не веря, ступая, должно быть, точь-в-точь по её невеликим следам. Под ногами они, влажные отпечатки, уже совсем сравнялись цветом с намокшим асфальтом. Роман втягивает в себя сырую полутьму, вонь кучи мусора, металла и штукатурки. Кирпичная стена идет крупной рябью – словно слабые волны на море. Но рябь медленно угасает. Так рассеивается в воздухе запах, вклинивая свои молекулы в привычным пахнущее окружение, растворяясь в нём, чтобы было уже не учуять и не разобрать. Ро-

ман боязливо трогает стену рукой – и пальцы проваливаются во что-то упругое и податливое. Словно бы тугой воздух, или не оставляющая на пальцах капли вода, или желеобразное... пространство? Но через это что-то ушла маркиза. В Неназванный-16, о котором она сказала – мир. Сидела за стойкой бара, пила зелёный чай, секретничала с барменом, а потом сделала со стеной замусоренного двора нечто странное и исчезла. О том не зная, показала это всё постороннему – женщина с портрета в галерее. Как дальше быть?

Все контактёры и снежные люди, все призраки, духи и ясновидящие, всё, над чем можно было смеяться вслух, а втайне, не признаваясь себе, верить, привело сюда и оставило. И уже заносило огромную бесплотную руку, чтобы ткнуть в спину и направить вперёд. Чтобы заставить мнущегося перед стеной человека увидеть что-то, показать себя кому-то, возможно, принести куда-то вот эти, его родные и привычные визгливые автомобили, серые дома-высотки, холодность вечно занятых людей... или забрать что-то и откуда-то себе. Или просто сгнуть. Трусливое благоразумие обитателя офисных клеток зовёт его обратно – к такой простой и ясной жизни пятидневной рабочей недели, обжитому углу, размеренной предсказуемости. Когда-то искусственно возвращенное, но оттого не менее сильное чутьё охотника за необычным обещает Роману сенсацию. И что-то ещё говорит: решайся, иначе один маленький мальчик, который когда-то читал книжки под одеялом, навсегда... исчезнет? умрёт?

Он успевает шагнуть до того, как стена становится неподвижной.

Он, наверное, делает большую ошибку.

IX

– Болван набитый, – сказала Лучик. – Впрочем, как и все ему подобные. Других проблем нет, что ли? Не ходящий, ничего не знающий, а туда же – нос в прореху...

– Не дурак он – человек, – возразил Курт и отхлебнул ещё чаю.

– И что? – Лучик поморщилась. – «Человек» – оправдание?

– «Человек» – любопытство. Это врождённое, инстинктивное. Он просто слушал, что скажет кровь.

– И кровь сказала ему пойти в неизвестность.

– Да. Так когда-то были открыты части света, атом и пенициллин.

– Ха! Но он-то – нарушитель! Какие тут и для кого полезные открытия?

– Когда-то ты придерживалась несколько иных взглядов на правила.

– Что-то я не помню.

– Зря, зря...

Капитан выразительно кашлянул – не шумите, дети – и поднялся, чтобы задёрнуть шторы. Кабинет номер четыреста восемь, единственный обитаемый на семьдесят третьем заброшенном этаже, погрузился в песчаный полумрак. Но одно окно Капитан оставил свободным – льющий синева-

тый от наступающих сумерек свет прямоугольник. Снег косо скрёб по нему, как бесплотная лапа.

– Ты знала, что он идёт за тобой? – спросил Капитан.

– Да, – спокойно сказала Четвёртая.

– И не остановила.

– Именно.

– Ты имела на него какие-то виды? Ну, к примеру, приманка для зверей за дверью, чтобы проскользнуть самой, пока его будут грызть...

– Нет. Как ты добр. Просто предоставила своей судьбе.

– Судьбе быть сожранным. Понятно. По-моему, в доброте ты меня крупно обставила...

– Но его не сожрали, – резонно ответила рыжая. – К тому же, он действительно оказался полезен. Правда, Курт?

– Правда. Отвлёк меня от дел, заставил понервничать, сам перепугался, но зато косвенно поспособствовал тому, что мы нашли ядро в том квадрате, так что спасибо ему...

– Спасибо, – согласилась Четвёртая. – И он не только нам пользу принёс, но и себе.

– Не верю! – Луч помахала голубой варежкой в воздухе. – Что за польза может быть от страха? Элегантная сидина? Кэп, не в твою сторону...

Тот рассмеялся и присел на подлокотник кресла.

– У меня не элегантная, а разбойничья, знаю... Объясни наконец ребёнку, рыжая, что ты имеешь в виду.

– Всё просто, Луч: тот человек нашёл сказку.

– Дурак, – повторила Лучик. – Какие сказки за дверями, в Неназванном?

– Специфические, да, – сказал Капитан. – Но наша рыжая не признает иного термина. Только «сказка». Здорово ведь? Рыжая?

– А ты всё так же иронизируешь.

– Молчу, молчу... Называй, как хочешь. Хотя, как по мне, твоё практически неприкрытое одобрение попавшего и его безрассудства – просто поощрение инфантилизма.

– Ты как-то говорил, что тебе нравится полёт духа и вера в необыкновенное. И называл это стремлением к волшебству, а не незрелостью или легкомыслием.

– Разум тоже никто не отменял. И обычный природный инстинкт сохранения собственной шкуры, который – я хочу заметить это, Курт – должен быть гораздо сильнее всяческого там любопытства.

– Ты скучный, – Курт демонстративно зевнул и вытянул ноги. – А вот меня давно научили, что любопытство – двигатель жизни...

Но они тогда не стали играть ни в бильярд, ни в шашки – Лучик снова взяла его под руку и заговорщицким шёпотом (для этого ей пришлось потеревить Курта за рукав, чтобы он нагнулся) предложила показать одно интересное место.

«Но нам придётся подняться наверх».

«На крышу?»

«На холм, – сказала Лучик. – Позади центрального кор-

пуса. С крыши видно плохо».

«Разве нам можно выходить за пределы больницы?» – Курт опасливо огляделся – нет ли здесь, в общем холле, чутких на слух докторов. Однако три дежурившие медсестры в данный момент были увлечены пинболом, а негромкий, но ровный гул, производимый голосами собравшихся пациентов, делал любой шепот неразличимым.

«Нельзя. Но неужели тебе не интересно?»

«Мне боязно, что нас поймают».

«Даже если поймают, что сделают-то? Прочтут лекцию? Выругают? Оставят без сладкого? Брось».

«Ты – авантюристка».

Лучик рассмеялась, встряхивая чудными волосами.

«Есть немного. Ну, так что – пойдёшь со мной?»

«А высоко в гору лезть?»

«На холм. Нет, не очень. Там довольно пологий склон, идти не трудно. Хотя, если ты неважно себя чувствуешь для прогулки, отложим на другой раз – вон, столик освободился, я сяду, займу... О, они оставили коробку с „Монополией“. Сыграем?»

Она, не стремясь к тому, конечно, чувствительно уколола его самолюбие.

«Я настолько выгляжу дряхлой развалиной? – ворчливо спросил Курт. – Тогда где мои ходунки? И зубы вставные... Подождет „Монополия“. К слову, о том, что это такое, я не имею понятия. Веди. Авантюристка...»

Лучик смотрела него очень лукаво.

«Тогда снимай халат».

«Чего?»

«Халат, говорю, снимай, – и тут же деятельно освободилась от своего, встряхнула и скатала в мягкий светло-голубой валик. – Иначе будешь цепляться полой за ветки. Да и, если споткнёшься о корень и свалишься, вымажешься в земле, потом придётся объяснять. А так, даже испачкавшись, можно будет скрыть следы преступления, надев халат обратно. У подножия холма, как только начинается подъём, есть старая сосна с большим дуплом. Я свой халат обычно оставляю там».

Больничный халат, бывший до этого момента для Курта своеобразным панцирем, защищающим, обещающим заботу и уход, определяющим в отдельную, правда, всё ещё не очень понятную касту, оказался обычной одеждой. Его можно было снять, не потеряв при этом статуса пациента – только без халата он сразу почувствовал себя голым и мёрзнущим. Вручил свой свёрток Лучику и пошёл следом за ней, неловко ощущая тяжесть рук, которые нельзя было пристроить в карманы. Но в нём уже начал говорить интерес. Что это за тайное место, подготовка к посещению которого требует такой конспирации?

«Там, должно быть, друидский алтарь, и ты меня на нём прирежешь».

«Но у меня нет ножа», – с улыбкой ответила Лучик.

«Тогда там ждёт кто-то с ножом».

«Мне жаль тебя разочаровывать, но нет».

«Тогда ты просто перегрызёшь мне горло».

«Я не достану. Ты слишком высокий».

«Сплошные препоны! – Курт со смехом всплеснул руками. – И божество Горы останется некормленным».

«Это холм, Курт».

«Но „Гора“ звучит солидней. Не отказался бы зваться Жи-
вущим На Горе. Мне поклонялись бы и приносили подарки.
Апельсиновый лимонад ящиками...»

«Для этого тебе не нужно селиться абы где: вот он, твой
лимонад, – Лучик показала на автомат с напитками, стоящий
в нише коридора. – Только не напивайся сильно: как я тебя,
такого булькающего, наверх одна поташу...»

Но Курт её уже не слышал.

Чуть позже, действительно слегка побулькивающий,
с картонным стаканчиком, полным шипучки, в правой ру-
ке, – на дорожку – и чувством доброго умиротворения, Курт
послушно шагал след в след за своей провожатой вверх
по усыпанному хвоей и поросшему невысокими соснами
склону холма. Под ногами упруго стлался черничник. Ягод,
несмотря на сезон, на нём почти не было. «Собрали уже», –
сказала Лучик, подразумевая то, что на холм ходит не одна
она. Здания больницы тускло краснели сквозь частокол сос-
новых стволов. С этой, обратной стороны, Курт ещё не бы-
вал. Оказывается, позади больницы рос лес.

«А почему тут нет заборов?» – спросил он.

«Заборы для тех, кто делает двери – напрасны, – ответила Лучик, будто цитируя. – Это мне рыжая как-то сказала, только не объяснила, что она имеет в виду. Но я тоже заметила, когда здесь гуляла. Ни заборов, ни оград, ничего, что ограничивало бы. Мне кажется, так потому, что здешние люди руководствуются каким-то другими границами, не рукотворными».

«Или здешнее начальство поощряет любопытных, – проворчал Курт. – Прайм и тот... директор...»

«Не знаю насчет поощрения, – произнесла Лучик. – Но лучше, думаю, не попадаться».

Курт отхлебнул лимонада. Он был не очень похож на привычный ему, тот, что из прошлой жизни – более... острый, что ли, и вкус насыщенной, гуще. Курт задумался, пытаюсь подобрать сравнение, и, споткнувшись обо что-то, чуть не пропахал носом землю.

«Аккуратно, тут всюду корни. В темноте их можно принять за змей».

«Ты ходила сюда в темноте?»

«Спускалась. Потому что сидела там долго. Там, наверху. Завораживает...»

«Тогда нам следовало взять с собой фонарик».

«Ну, мы же не будем до сумерек. Покажу тебе город, и только».

«Город за холме?» – Курт не очень понял.

«Под холмом, внизу. Вернее, под холмами. Больница тоже стоит на возвышенности».

Значит, где-то рядом с ними спал, дышал и переговаривался тёплый человеческий улей – автомобильный рокот, звон трамваев, светящиеся жёлтым окна, детский смех. Чего и следовало ожидать, конечно, – какая больница не связана с городскими службами? А за городом она расположена просто из терапевтических соображений: тишина, чистый воздух, природа. Но что здесь такого таинственного – какой-то город внизу... Курт спросил об этом.

«Он – не какой-то. Он – необычный».

Они уже преодолели большую часть дороги – к вершине холм становился песчаным, лысел. Сосны росли реже, черничник почти исчез, зато вдоволь было поваленных брёвен, пней и вереска. Вереск цвел фиолетовым и отчего-то пах яблоками. Над ним роились жадные до нектара шмели.

«А в чём его необычность, увидишь, – продолжила Лу-чик. – И мне очень хочется знать, как именно ты это увидишь».

«Глазами, – великодушно поделился Курт. – По-другому не умею».

«Я имею в виду – что увидишь, какую картину. Предполагаю, что для тебя она будет особенной».

«Ну, если жители этого твоего городка пустят в мою честь фейерверк, то да».

«Болтушка».

Лучик весело глянула на него через плечо, и Курт подумал ещё: не только лес с растущими у его напитанных влагой корней колокольчиками и фиалками, но и золотистое, жаркое от солнца вересковое взгорье. Цветущие цветочные глаза. Озорство и улыбка, в отличие от смертного ужаса, который он в этих глазах однажды видел, казались влитыми в них природой. Тот ужас вызвал человек.

«Только не говори мне, что это станет моим прозвищем», – жалобно сказал Курт.

«Тогда води себя хорошо».

Он клятвенно пообещал, что постарается, допил свой лимонад, споткнулся ещё раз, полюбовался мимоходом на деловитую колонию крупных чёрных муравьев, обосновавшихся в старом пне, и приметил несколько кустиков земляники. Узорные листья её выгорели от июльского зноя – пошли жёлтыми и рыжими пятнами. Кое-где ещё темнели небольшие спелые ягоды. Курт, не замедляя шага, стал собирать землянику в пригоршню, чтобы угостить свою спутницу, увлёкся и не заметил, как они выбрались на вершину – Лучик просто сказала «Пришли» и остановилась.

Тут вообще уже деревьев не было – один высохший валежник и вереск, да ещё солнце, въедливо ощупывающее землю. На ровной песчаной проплешине у одного пологого края лежало побелевшее от времени бревно. Лучик подошла к нему и села, закинув ногу на ногу.

«Иди сюда, Курт», – позвала она.

Он прошёл по валежнику, хрустя ветками, сел рядом и протянул Лучику горсть собранных ягод.

«Любое зрелище лучше, когда есть еда».

Она взяла и поблагодарила.

«С тобой не пропадёшь. Добытчик...»

Он улыбнулся – польщённо и смущённо.

«Спасибо на добром слове... Ну, где он, твой волшебный город?»

«Прямо под нами», – и Лучик указала рукой.

Город вставал из зелени, чисто вымытый, яркий и близкий, со всеми его острыми крышами и похожей на устремлённый в небо палец ратушей, и Курт, вдруг узнав его, вздрогнул и выронил землянику в песок. Курт никогда не видел его так, живую сверху, но видел снятые с самолёта подарочные открытки-фотографии: в книжной лавке по соседству с его домом был целый прилавок с подобными. «Любимый наш город». Его родной город. Пока он тут две недели хандрил...

Где-то там должна быть мама.

Он вскочил было на ноги, но тут же снова рухнул в песок, давя коленями рассыпанные ягоды. Попался, сдал себя. Придурок! Сейчас она поймёт, что кто-то здесь не совсем непомнящий. Впрочем, она же сама не помнит, ничего не помнит, никого, и его – но, может, так же, как и он, притворяется? Маленькая рука легла ему на плечо.

«Ты чего?» – испуганно спросила Лучик, опускаясь ря-

дом.

«Это мой город, – не в силах сдержаться, забормотал он. – Ты представляешь, это мой родной город... – и сделал жалкую последнюю попытку как-то исправить беду. – Я, наверное, спятил. Почему я так его назвал?»

В окрестностях его родного города спокон веков не было ни одного холма.

«Потому что он необычный, – Лучик обняла его за плечи, а он дико смотрел ей в глаза. – Подстраивающийся. Оборачивается для каждого определённой стороной. Теперь мне это ясно. Я ведь тоже увидела... кое-что родное. Я хотела привести сюда другого, незнающего человека, чтобы понять, что мне сказала по поводу города рыжая: „Под этими холмами – самая большая дверь из существующих“. Чтобы сравнить то, что вижу я, и то, что видит другой. Прости, мне кажется, я сделала тебе больно...»

«Карточка, – продолжал мямлить Курт в пустоту. – С таким же видом. Фотографическая карточка, открытка. Стояла на столе. Наверное, мне надо сказать об этом доктору. И пусть наругает, что лазил на холм, за яблоню-то уже отругала... Дверь? Что за дверь?»

Позади них затрещал и захрумкал валежник.

«Капитан, – сказал голос рыжей. – Ну, как я и думала».

Ветки заскрипели опять. Курт скосил глаза – мелькнуло клетчатое.

«Дверь, – произнёс Капитан, подходя ближе. – Это такое

пространственное искажение. Хотя правильнее называть его пространственно-временным. Бывает рукотворным, а бывает самопроизвольным. Существует для того, чтобы через него ходить или просто смотреть. В последнем случае имеется ещё окошечко, а обобщённо они все – прорехи. Да, видимо, придется выдавать информацию более крупными дозами... Дети вы любопытные».

Куратор поднял обоих на ноги и отряхнул от песка. Рыжая держала в охапке их халаты.

«Назад мы пойдём другим путём», – объяснила она.

«Курт, у тебя из-за меня теперь на коленках пятна от земляники», – огорчённо сказала Лучик.

«Ерунда! – отмахнулся он. Оторопь, громоздкий страх и изумление ушли, оставив место жгучему желанию получить объяснения. Исключительно полные и толковые. Курт нетерпеливо дёрнул плечом, высвобождаясь от ненавязчивой хватки Капитана, пошатнулся и снова сел на бревно – теперь лицом к стоящим. – Но я отсюда никуда не уйду, пока мне не расскажут про то, что я только что видел».

Капитан вздохнул.

«Подвинься, – произнёс он. – И развернись лицом к городу. Ты узнал его?»

«Да», – сквозь зубы сказал Курт.

Капитан смотрел на него пристально, вдумчиво, и Курт подумал – Капитан всё понял. Но ему вдруг стало безразлично. За их спинами рыжая помогала Лучику выпутать из во-

лос сухую колкую хвою.

«Ой, Луч, да у тебя ещё все брюки в песке. Давай-ка отойдём, чтобы он не летел на эту парочку, и я тебя почищу...»

«И как ты видишь его?» – спросил Капитан, когда девушки удалились.

«Он – город, в котором я родился и вырос, – сказал Курт с горьким вызовом. – А потом я...»

«Не моё дело», – прервал Капитан.

Он смотрел всё так же пристально – шрамы, проходящие через уголки глаз, добавляли пристальности глубокий оттенок всезнания. Но это просто шрамы. Курт засомневался.

«Капитан...»

«Не моё дело, что было потом. Что вообще с тобой было. Или не было. И вообще ничьё дело. Никого здесь это не касается. Запомнил?»

«Но ты же куратор, – растерянно произнёс Курт. – Я думал...»

«Не знаю, что ты там думал, и знать не хочу, и мысли, слава дверям, читать не умею. Да, куратор – вас, какие образовались здесь после выдёргивания. На кой мне ваше прошлое, которого у большинства здесь вообще нет?»

«Но...»

«Но если ты мне хочешь покаяться, то выбрал неудачное место и не того человека. Смотри сюда, – Капитан ткнул себя пальцем в лицо. – По-твоему, я похож на священника?»

Он разговаривал нарочито жёстко, так не похожий на себя

самого, когда они познакомились, и Курт обиделся и примолк.

«А по-другому с этим нельзя, – уже мягче сказал Капитан и потрепал Курта по плечу. – В среде нам подобных прошлое – не всеми приветствуемая тема для разговоров. Часто вызывает негативный отклик. Я полагаю, это не очень приятно».

«Именно», – буркнул Курт.

«Поэтому делай выводы. Ну, всё, не дуйся. Извини меня. И послушай про город».

Лучик вернулась и тоже села рядом, присоединилась к ним и рыжая, и Капитан рассказал – про самую большую прореху из известных. Она образовалась здесь тогда, когда построили здание Организации («Я имею в виду не только главное здание, которое вы ещё не видели, но и больничные корпуса, и – вы их тоже не видели – лаборатории, стадион, парк, в общем, всё») – как сопутствующий побочный эффект, радуга после дождя, таракан, набежавший на хлебные крошки. «Луч, что ты хихикаешь, это не я, между прочим, придумал», – но Капитан улыбался, и можно было подумать, что он специально так сказал, чтобы повеселить. Прореху притащило с собой то, что обитает на нулевом этаже. «И что же там обитает? Тараканы?» – спросил Курт, а Капитан коротко ответил: «*Оно*» и углубляться в эту тему не стал – добавил лишь, что благодаря этому «оно» здесь всё и держится. Прореха, продолжил Капитан, чаще всего изображает из себя город, для каждого, кто смотрит на неё,

свой – а иногда, чередуясь, даже несколько. Извлекает образы из глубин сознания смотрящего. При этом сам человек вовсе необязательно должен живо и ярко их помнить – некоторым картина под холмами кажется знакомой лишь смутно, а то и вообще непонятной, чужой.

«Почему мы это видим?» – спросила Лучик.

«Потому, что мы все – Идущие, – ответил Капитан. – И ходить сквозь прорехи, создавать их, заставлять их показывать нам то, что хотим, для нас так же естественно, как есть, пить, дышать, спать и думать. Прореха-город подчиняется нашим произнесённым командам – бессознательному желанию увидеть родные места. Ключевые места нашей жизни. Существует теория, что некоторые из них с нами ещё не случились».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.